Коллоквиумы по истории древнего мира. Ч.II. Греция и Рим

[Stable URL: http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/301]

[Публикация работы:]
2011: Коллоквиумы по истории древнего мира. Ч.II. Греция и Рим. Методические указания по самостоятельной подготовке для студентов I курса бакалавриата направления «История» / В.В. Дементьева и др. (сост.). Ярославль.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Научно-образовательный Центр антиковедения

КОЛЛОКВИУМЫ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА. Ч. II. ГРЕЦИЯ И РИМ

Тема IX. ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В РИМЕ 49-31 гг. до н.э.

Методические указания по самостоятельной подготовке для студентов I курса бакалавриата направления «История»

Составители: В.В. Дементьева, А.Н. Жаровская

Ярославль 2011

STATIO ANTIQVITATIS

ТЕМА IX. ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В РИМЕ 49-31 гг. до н.э.

1. Гражданская война 49-45 гг. до н.э.

1.1. Вступление Цезаря в Рим. Испанская кампания июля-августа 49 г. до н. э.

1.2. Военные действия на Балканах в 48 г. до н. э.

1.3. Цезарь в Египте. Кампания против Фарнака.

1.4. Африканская кампания Цезаря. Разгром помпеянских войск в Испании.

2. Гражданские войны после смерти Цезаря (44-31 гг. до н.э.)

2.1. Начало гражданской войны. Битва при Мутине. Заключение II триумвирата.

2.2. Военные действия триумвиров против республиканцев.

2.3. Борьба Антония с Октавианом и примирение триумвиров. Мизенский мир и возобновление войны Октавиана с Секстом Помпеем.

2.4. Битва при мысе Акций. Завершающие сражения гражданских войн.

Основная учебная литература:

1. История Древнего Рима / Под ред. В.И. Кузищина. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2002. С. 163-173.
2. Буданова В.П., Токмаков В.Н., Уколова В.И., Чаплыгина Н.А. Древний Рим. Учебное пособие для вузов. М., 2006. С. 375-390.

Дополнительная литература:

1. Бобровникова Т.А. Цицерон. М.: Молодая гвардия, 2006.
2. Дуров В. С. Юлий Цезарь: человек и писатель. Л., 1991.
3. Парфенов В.Н. Последняя армия Римской республики // ВДИ. 1983. №3. С. 53-66
5. Парфенов В. Н. Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. СПб., 2001.
6. Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Саратов, 1987.
7. Утченко С.Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи. М, 1969.
8. Утченко С. Л. Юлий Цезарь М., 1977; 2-е изд. М., 1984.
9. Утченко С.Л. Цицерон и его время. М., 1986.
10. Циркин Ю.Б. Гражданские войны в Риме. Побежденные. СПб., 2006.
11. Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 7-90.
12. Этьен Р. Цезарь. М., 2003.

Краткий конспект ответа на первый блок вопросов: Переход Цезаря через Рубикон. Бегство Помпея из Италии. Цезарь в Риме: политика милосердия. Напряженная испанская кампания, капитуляция помпеянских войск при Илерде. Взятие Массилии. Провозглашение Цезаря диктатором и избрание его консулом.

STATIO ANTIQVITATIS

Запомните подробности следующих событий: Высадка легионов Цезаря в районе Аполлонии. Соотношение сил Цезаря и Помпея. Сражение у Диррахия, победа Помпея, отступление Цезаря в Фессалию, битва при Фарсале, победа Цезаря, судьба Помпея.

Следующий вопрос включает в себя изложение таких моментов: Появление Цезаря в Египте, его вмешательство во внутренние дела Египта, поддержка Клеопатры VII в династической борьбе. Восстание против римлян зимой 48/47 гг. до н.э. Осада Цезаря в Александрии. Действия Фарнака в Малой Азии. Молниеносное продвижение и победа Цезаря.

Содержание четвертого вопроса первогоблока: Возвращение Цезаря в Рим, решение им внутриполитических и экономических вопросов. Начало военных действий в Африке. Битва при Тапсе. Взятие Утики. Возвращение в Рим. Отъезд в Испанию. Битва при Мунде. Окончание гражданской войны 49-45 гг. до н.э.

Повторите периодизацию гражданской войны между Помпеем и Цезарем, сформулируйте причины победы Цезаря в ней.

Изложение вопросов, касающихся гражданских войн после смерти Цезаря, начните с выяснения сторон, боровшихся в войнах 44-31гг. до н.э., а также с характеристики цезарианцев. Опишите события, начиная с удаления Антония в Цизальпинскую Галлию. Действия сената и республиканцев против Антония. Битва при Мутине (43 г. до н.э.). Избрание Октавиана консулом, отмена решений против Антония и Лепида. Встреча у Бононии. Оформление Второго триумвирата (обратите внимание на черты, отличающие второй триумвират от первого). Проскрипции. Смерть Цицерона.

Осветите действия Секста Помпея в Средиземноморье, Брута и Кассия в восточных провинциях. Битва при Филиппах (42 г. до н.э.). Раздел провинций между триумвирами. Отъезд Марка Антония в Египет. Восстание Луция Антония и Фульвии.

Следующий вопрос включает в себя военные действия Антония против Октовиана и заключение нового договора между ними. В это вопрос входит также изложение следующих моментов: Соглашение с Секстом Помпеем, условия Мизенского мира. Неудачный поход Антония против Парфии. Возобновление Октавианом войны с Секстом Помпеем. Морские сражения под руководством Випсания Агриппы. Уход с политической арены Лепида. Внутриполитические и экономические мероприятия Октавиана.

События последнего этапа гражданских войн: Объявление войны Клеопатре. Сражение у мыс Акций, решившее исход гражданских войн. Сражения у Александрии на суше и на море. Смерть Антония и Клеопатры. Победа Октавиана.

Повторите изученный материал, обобщая его в ответах на вопросы:

Какие этапы можно выделить в ходе гражданских войн 44-31 гг. до н.э.? В чем отличия в политических позициях членов Второго триумвирата? Что заставило цезарианцев объединиться? Каково государственно-правовое

STATIO ANTIQVITATIS

оформление полномочий членов II триумвирата? Каков характер их власти? Какова роль II триумвирата в формировании режима Принципата?

ФРАГМЕНТЫ ИСТОЧНИКОВ ПО ТЕМЕ «ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В 49-31 гг. до н.э.»

1. Гражданская война 49-45 гг. до н. э.

1.1. Вступление Цезаря в Рим. Испанская кампания июля-августа 49 г. до н.э.

Аппиан. Гражданские войны. Книга II. Пер. С.И. Ковалева и М.С. Альтмана.

25. Уже как бы установив все, для чего была необходима единоличная власть, Помпей назначал Сципиона вторым консулом на остальную часть года. Хотя после этого и другие лица назначались консулами, но Помпей внимательно наблюдал за ними и фактически держал власть в своих руках. Он был тогда в Риме все и вся, ибо благоволение сената было к нему особенно велико из ревности к Цезарю, который во время своего консульства его ни во что не ставил; Помпей же, по их мнению, быстро исцелил бы государство от его болезней без того, чтобы досаждать кому-либо во время отправления своей должности или вызывать недовольство.

Изгнанники из Рима, приезжая к Цезарю, убеждали его остерегаться Помпея, так как он и закон о подкупе установил, имея в виду его. Цезарь успокаивал их и хвалил Помпея, а народных трибунов уговорил провести ему разрешение домогаться второго консульства, находясь в отсутствии. Это и было проведено еще во время консульства Помпея и без всякого протеста с его стороны. Но Цезарь подозревал, что сенат будет ему противодействовать, и боялся по проискам своих врагов снова превратиться в частного человека. Он пускался на все хитрости, чтобы остаться у власти до тех пор, пока не будет назначен консулом, и требовал от сената некоторого продления срока своего командования в Галлии или в части ее. Так как Марцелл, бывший консулом после Помпея, препятствовал этому, то, как передают, Цезарь, ударив по рукоятке меча, сказал тому лицу, которое ему об этом донесло: "Вот он мне даст".

26. Цезарь основал в Верхней Италии город Новумкомум, даровав ему латинское право; тот из его жителей, кто в течение года занимал высшую должность, становился римским гражданином, - таково значение латинского права. Марцелл, с целью оскорбить Цезаря, приказал высечь розгами одного из новумкомцев, занимавшего у себя городскую магистратуру и потому считавшегося римским гражданином, чего нельзя было сделать с лицом, обладавшим правами римского гражданства. Марцелл по своей пылкости открыл свою мысль: удары служат признаком негражданства. Поэтому он приказал высечь этого человека и рубцы показать Цезарю. Дерзость Марцелла дошла до того, что он предлагал до окончания срока послать Цезарю преемников по наместничеству. Но Помпей воспрепятствовал этому под тем лицемерным предлогом, что из-за остающегося краткого срока не следует оскорблять такого блестящего мужа как Цезарь, принесшего столько пользы отечеству. Тем самым Помпей показал, что по истечении срока Цезаря должно лишить власти.

Затем были выбраны консулы, наиболее враждебные Цезарю, Эмилий Павел и Клавдий Марцелл, двоюродный брат первого Марцелла, а также в народные трибуны Курион, весьма враждебно настроенный к Цезарю. Он чрезвычайно заискивал перед народом и обладал прекрасными ораторскими способностями. Цезарь не смог соблазнить Клавдия деньгами, но Павла он подкупил за 1.500 талантов, чтобы тот не выступал ни за, ни

STATIO ANTIQVITATIS

против него; а от Куриона, зная, что он страдает от огромного количества долгов, Цезарь, дав ему еще большую сумму, добился прямого содействия. Павел на эти деньги построил римлянам так называемую Павлову базилику, очень красивое здание.
27. Курион же, чтобы не казалось, что он сразу переменил свое отношение к Цезарю, внес проект весьма сложной постройки и починки большого количества мостов и предложил поставить во главе этого дела себя самого на пять лет. Он знал, что ничего из этого не выйдет, так как надеялся, что друзья Помпея станут этому противодействовать и у него с Помпеем выйдет какое-нибудь столкновение. Все случилось так, как предполагал Курион. Сам он делал вид, что является врагом Цезаря. Клавдий предлагал послать Цезарю преемников в Галлию, ибо срок его истекал. Павел молчал. Курион, которого считали противником и Цезаря и Помпея, одобрял предложение Клавдия, но в дополнение к нему предложил, чтобы и Помпей, вместе с Цезарем, отказался от наместничества и войска. Ибо, говорил он, таким путем в государстве будет достигнуто прочное и безопасное положение. Многие возражали, что эта мера является несправедливой, так как срок полномочий Помпея еще не истек. Поэтому Курион формулировал свое предложение яснее и резче, говоря, что не следует посылать преемников Цезарю, если не дать их и Помпею. Так как они относятся с недоверием друг к другу, то в государстве не наступит спокойствия, пока оба они не превратятся в частных людей. Курион предлагал все это, зная, что Помпей не откажется от власти. С другой стороны, он видел, что народ уже несколько охладел к Помпею из-за процессов о подкупе. Так как предложение Куриона было весьма приемлемым, то народ хвалил его как единственного человека, который, действуя достойно города Рима, навлек враждебное отношение к себе обоих. Однажды толпа даже сопровождала Куриона, осыпая цветами, как великого борца в трудном состязании. Ибо ничто тогда не казалось страшнее, чем размолвка с Помпеем.
28. Последний же, лечившийся где-то в Италии, в послании в сенат хитро восхвалял подвиги Цезаря, но также перечислял и свои собственные, восходя к их началу. В частности Помпей указывал, что он не домогался ни третьего консульства, ни наместничества, связанного с ним, ни предоставления ему войска: будучи призван на исцеление государства, он считал это для себя честью. То, что он взял на себя против воли, писал Помпей, он добровольно передает всякому желающему, не дожидаясь установленного срока. При помощи ловкости, с которой было написано, послание бросало хороший свет на Помпея, а вместе с тем оно содержало вызов по отношению к Цезарю, не отказавшемуся от власти даже в установленный для нее срок. Лично прибыв в сенат, Помпей наговорил сенаторам много всяких вещей подобного рода, Подтверждая свое обещание отказаться от власти. Как друг и зять Цезаря он утверждал, что и тот с большим удовольствием откажется от власти: ведь у Цезаря была продолжительная и тяжелая война против очень воинственных народов. Многое приобретя для отечества, он охотно перейдет к почетным должностям, жертвоприношениям и отдыху. Все это Помпей говорил для того, чтобы Цезарю были немедленно посланы преемники, а сам он отделался бы одними обещаниями. Курион же, угадывая его хитрость, заявлял, что одних обещаний мало; надо, чтобы он тотчас же сложил власть. Точно также не следует лишать Цезаря войска, прежде чем Помпей не станет частным человеком. Ибо это не принесет никакой пользы Цезарю в его личной вражде, да и римлянам едва ли будет выгодно в случае насилия над государством со стороны одного из них, если такая власть останется в руках одного человека; уж лучше сохранить возможность выставить одного против другого. Ничего не скрывая, Курион злословил о Помпее, утверждая, что он стремится к тирании: если теперь, из страха перед Цезарем, он не сложит власти, то уже никогда не выпустит ее из своих рук. Курион требовал от сената, что если Цезарь и Помпей откажутся повиноваться, их нужно объявить врагами государства и собирать против них войска. Таким путем ему удалось окончательно скрыть, что он подкуплен Цезарем.
29. Помпей, гневаясь на Куриона и угрожая ему, в негодовании тайно уехал в предместья Рима. А сенат, хотя начал уже с подозрением относиться и к Помпею и к Цезарю, однако

STATIO ANTIQVITATIS

считал Помпея более демократичным и был недоволен Цезарем за его презрение к сенату во время консульства. Сенат, действительно, считал небезопасным лишить Помпея власти, пока от нее не откажется Цезарь, находившийся вне города и строивший широкие планы. Как раз обратное утверждал Курион, доказывая сенаторам, что им нужно иметь под рукою Цезаря против Помпея или одновременно лишить власти их обоих. Не будучи в состоянии убедить сенат в этом, Курион распустил его, не добившись ни в чем решения - трибун имел на это право. Вот тогда-то Помпей особенно пожалел, что он поднял на прежнюю высоту трибунат, доведенный до крайней степени бессилия Суллой. Однако, расходясь, сенат постановил, чтобы Цезарь и Помпей послали по одному легиону для охраны Сирии, что было необходимо вследствие поражения Красса. Помпей из хитрости потребовал у Цезаря назад один легион, который он недавно ему предоставил после поражения двух легатов Цезаря - Титурия и Котты. Этот легион, наградив каждого солдата 250 драхмами, Цезарь отослал в Рим и вместе с ним послал другой легион от себя. Но так как в Сирии ничего опасного не оказалось, то легионы остались зимовать в Капуе.

30. Посланные за ними Помпеем к Цезарю люди клеветали на Цезаря и заверяли Помпея, что солдаты Цезаря, изнуренные трудной и продолжительной службой и тоскующие по дому, станут на сторону Помпея, лишь только перейдут Альпы. Они говорили это либо по своей неосведомленности, либо будучи подкуплены Цезарем. А у Цезаря каждый человек был силен в ревности к службе и в бранных трудах, - из-за привычки к войне, частью же из-за выгод, которые она дает победителям, а также и из-за всего другого, что они получили от Цезаря, ибо он был щедр на подачки, желая использовать их для выполнения своих планов. Кое-кто понимал эти намерения, но оставался спокойно у него. Помпей же, опираясь на все эти сведения, не собирал войска и вообще не делал никаких приготовлений, необходимых для предстоявшего ему дела. Сенат потребовал от каждого сенатора высказаться по данному вопросу. Клавдий лукаво разделял сенаторов и выпытывал у них по очереди их мнения: послать ли Цезарю преемников, а Помпея лишить власти. Большинство не одобряло последнего, но послать Цезарю преемников решило. Когда же Курион спросил, угодно ли сенату, чтобы оба, Цезарь и Помпей, сложили свою власть, 21 человек ответили отрицательно, но 370 человек для общей пользы и чтобы избежать раздора, начали склоняться к мнению Куриона. Тогда Клавдий распустил сенат, крича: "Побеждайте, чтобы иметь Цезаря господином".

31. Когда внезапно распространился ложный слух, будто Цезарь, перейдя Альпы, идет к Риму, поднялось большое смятение, и всех охватил страх. Клавдий предложил, чтобы войско, стоявшее в Капуе, выступило против Цезаря как врага. Когда Курион стал возражать против этого предложения, так как оно основано на ложных слухах, Клавдий сказал: "Если мне мешают общим постановлением устроить дело на пользу государства, то я буду устраивать его от своего имени как консул". Говоря это, он выбежал из сената и вместе с своим товарищем по должности отправился в предместья. Подавая меч Помпею, Клавдий сказал: "Мы приказываем тебе - я и вот он - выступить против Цезаря за отечество. Для этого мы даем тебе войско, которое находится теперь в Капуе или в другом месте Италии, или то, которое тебе будет угодно набрать". Помпей повиновался приказанию консулов, однако прибавил: "Если нет ничего лучшего". И здесь Помпей обманывал или хитрил ради соблюдения приличия. У Куриона за чертою города не было никакой власти, ибо народным трибунам запрещено выходить за стены Рима. В народном собрании Курион сожалел о происшедшем и требовал от консулов постановления, чтобы никто не повиновался Помпею, набирающему войско. Не будучи в состоянии ничего добиться, боясь за себя и отчаявшись в чем-нибудь помочь Цезарю - к тому же у него оканчивался срок трибуната, - Курион поспешно отправился к Цезарю.

32. Последний, переплыв океан, только что вернулся из Британии и из области рейнских галлов, перешел Альпы с 5.000 пехотинцев и 300 всадников. Он спустился в пограничную с Италией Равенну, последний пункт, на который распространялась его власть. Радушно приняв Куриона и выразив удовольствие по поводу всего сделанного им, Цезарь следил

STATIO ANTIQVITATIS

отсюда за развертывающимися событиями. Курион полагал, что нужно собрать все войско и идти на Рим, Цезарь же считал необходимым сделать попытку к примирению. Он приказал своим сторонникам договариваться за него и заявлял, что откажется от других провинций и войск, кроме двух легионов и Иллирии вместе с Цизальпинской Галлией, пока не будет назначен консулом. Помпей, казалось, был удовлетворен этим. Но когда консулы стали противодействовать желанию Цезаря, последний написал письмо сенату, а Курион, проехав в три дня 2.000 стадий, передал письмо новым консулам, которые должны были вступить в сенат в первый день нового года. Жалоба Цезаря содержала торжественный перечень всего того, что он совершил с самого начала, а также его заявление, что он хотел бы отказаться от власти вместе с Помпеем; но так как тот еще остается у власти, то и он не сложит с себя полномочий и скоро явится мстителем за отечество и за себя самого. Все громко закричали, принимая это как объявление войны, и назначили преемником Цезаря Луция Домиция. Последний тотчас выступил с 3.000 человек, вновь набранных.

33. Антоний и Кассий, бывшие народными трибунами после Куриона одобрили это. Сенат же, еще больше склонный к вражде, полагал, что войско Помпея, противопоставленное войску Цезаря, является его стражем, а войско Цезаря, напротив, враждебно ему. Консулы Марцелл и Лентул приказали сторонникам Антония удалиться из сената, чтобы они не подверглись каким-нибудь оскорблениям, хотя они и были народными трибунами. Тогда Антоний с громким криком в гневе вскочил со своего кресла и стал призывать на сенаторов богов по поводу насилия над священной и неприкосновенной личностью трибунов. Не совершив ни убийства, ни каких-либо других гнусностей, они изгоняются только за то, что внесли предложение, которое, по их мнению, будет полезным. Сказав это, Антоний выбежал, словно одержимый богом, предвещая предстоящие смуты, войны, убийства, проскрипции, изгнания, конфискации и тому подобное. В возбуждении он призывал тяжелые проклятия на головы виновников всего этого. Вместе с ним из сената выбежали Курион и Кассий, ибо оказалось, что уже один отряд, посланный Помпеем, окружает сенат. Они немедленно отправились к Цезарю, тайно, ночью, в наемной повозке, переодетые рабами. Он показал беглецов в таком виде солдатам и, возбуждая их, говорил, что их, совершивших такие подвиги, сенат считает врагами, а вот этих мужей, замолвивших за них слово, постыдно изгоняют.

34. Итак, с обеих сторон война была начата и открыто объявлена. Сенат полагал, что войско из области галлов прибудет к Цезарю не так скоро и он не пойдет на предстоящее серьезное дело с малыми силами. Поэтому сенат предписал Помпею набрать 130.000 италийцев, главным образом из опытных в военном деле ветеранов, и чужеземцев из наиболее храбрых соседних племен. На ведение войны постановили выдать Помпею государственные средства и, если понадобится, то обратить на военные нужды и свои частные средства. А в города с величайшим гневом, рвением и быстротой посылали за новыми средствами. Цезарь же прежде всего послал за своими войсками. Он всегда предпочитал действовать силой неожиданности и смелости, чем силой подготовки. Поэтому в столь великой войне он решил прежде всего напасть с 5.000 человек и своевременно занять выгодное положение в Италии.

35. Центурионов с небольшим отрядом наиболее храбрых солдат, одетых в гражданское платье, он выслал вперед, чтобы они вошли в Аримин и внезапно захватили город. Это - первый город Италии на пути из Галлии. Сам Цезарь вечером под предлогом нездоровья удалился с пира, оставив друзей за ужином. Сев в колесницу, он поехал в Аримин в то время как всадники следовали за ним на некотором расстоянии. Быстро подъехав к реке Рубикону, которая служит границею Италии, Цезарь остановился, гладя на ее течение, и стал размышлять, взвешивая в уме каждое из тех бедствий, которые произойдут в будущем, если он с вооруженными силами перейдет эту реку. Наконец, решившись, Цезарь сказал присутствующим: "Если я воздержусь от этого перехода, друзья мои, это будет началом бедствий для меня; если же перейду - для всех людей". Сказав это, он, как

STATIO ANTIQVITATIS

вдохновленный свыше, стремительно перешел реку, прибавив известное изречение: "Пусть, жребий будет брошен".
Быстро подойдя к Аримину, Цезарь на заре захватил его и двинулся дальше, оставляя части своего войска в удобных местах. Все ближайшее население он привлек на свою сторону либо силой, либо гуманным отношением. Начались бегство и переселения из всех мест в испуге, с плачем. Никто ничего не знал в точности, все думали, что Цезарь идет с бесчисленным войском.
36. Узнав об этом, консулы не позволяли Помпею спокойно, как этого требовал его военный опыт, принять его план действий, но требовали от него напасть на Цезаря в Италии, для чего набирались войска, как если бы городу грозил немедленный захват. Но остальные сенаторы ввиду того, что, против ожидания, нападение Цезаря было чрезвычайно стремительным, испугались, чувствуя себя совершенно неготовыми к борьбе с ним. В ужасе они раскаивались в том, что не приняли предложений Цезаря. Теперь, когда страх изменил их воинственное настроение в сторону благоразумия, сенаторы начали думать, что предложения Цезаря были правильны.
А в Риме происходили многие чудеса, являлись небесные знамения. Говорили, что бог послал кровавый дождь; на статуях богов выступал пот; молния ударила во многие храмы, родил мул. Многие и другие несчастья предвещали окончательное уничтожение старого государственного строя и перемену его. Люди давали обеты, как во время страшных событий, и народ, помня несчастья эпохи Мария и Суллы, вопил, чтобы Цезарь и Помпей сложили с себя власть, как будто в этом одном заключалось средство предотвратить войну. Цицерон требовал, чтобы к Цезарю были посланы посредники.
37. Консулы во всем оказывали противодействие сенату. Фавоний, насмехаясь над фразой, брошенной когда-то Помпеем, приглашал его ударить ногой о землю и вывести из нее войска. Помпей же сказал: "Вы будете их иметь, если последуете за мной и не станете бояться оставить Рим и, если это потребуется, Италию. Не поместья и не жилища являются силою и славою для мужей, но мужи, где бы они ни были, имеют их вместе с собою. Сражаясь, они снова приобретут себе и жилища". Сказав это, он пригрозил упорствующим, если они, щадя свои поместья или имущество, оставят борьбу за отечество. Затем Помпей тотчас вышел из сената и выехал из города к капуанскому войску. Консулы последовали за ним. Других сенаторов долго удерживало сомнение, и они ночевали все вместе в здании сената. Однако на другой день большая часть их отправилась вслед за Помпеем.
38. Консул настигнул в Корфинии Луция Домиция, который был послан принять от него власть, имея с собою неполных 4.000 человек, и осадил его там. Жители Корфиния, захватив убегающего Домиция у городских ворот, привели его к Цезарю. Последний, чтобы показать пример другим, ласково принял войско Домиция, перешедшее на его сторону, самого же Домиция, невредимого и со всем его имуществом, отпустил на все четыре стороны. Цезарь надеялся, что тот благодаря оказанному ему благодеянию, быть может, останется у него, но не препятствовал ему идти и к Помпею.
Так как все это произошло очень стремительно, то Помпей поспешил из Капуи в Нуцерию, а из Нуцерии в Брундизий, чтобы, переплыв через Ионийское море в Эпир, там заняться приготовлениями к войне. Он поспешно отправляет послания по всем провинциям, пишет царям, городам, полководцам и династам, чтобы они оказали помощь в войне, кто чем может. Все это произошло одновременно. Собственное войско Помпея находилось в Испании и было готово двинуться туда, куда будет нужно. Часть тех легионов, которые были при Помпее, он приказал консулам заранее отвести из Брундизия в Эпир.
39. Они немедленно благополучно переправились в Диррахий. Некоторые называют этот город Эпидамном по следующему недоразумению. Царь тамошних варваров, Эпидамн, основал город у моря и по своему имени назвал его Эпидамном. Сын его дочери, Диррах, которого считают происходящим от Посейдона, основал для этого города гавань и назвал

STATIO ANTIQVITATIS

ее Диррахием. Этому Дирраху, который подвергся нападению со стороны братьев, помог за участок земли Геракл, придя из Эрифеи. Поэтому диррахийцы считали основателем колонии Геракла как имеющего надел. Они не отказывались от Дирраха, но больше гордились происхождением от Геракла как бога. Говорят, что в этой битве Гераклом по ошибке был убит Ионий, сын Дирраха, и Геракл, предав погребению его тело, бросил его в море, чтобы Ионий стал эпонимом последнего. Со временем этой страной и городом овладели бриги, пришедшие из Фригии, и за ними иллирийское племя тавлантии, а за тавлантиями другой иллирийский народ, либурны, которые грабили окрестности на своих быстрых кораблях. Отсюда римляне называют либурнидами быстроходные корабли, с которыми они впервые познакомились у либурнов. Изгнанные из Диррахия либурны призвали на помощь керкирян, господствующих на море, и изгнали неприятеля. К диррахийцам керкиряне примешали своих поселенцев, отчего порт кажется греческим. Название же его, как несчастливое, керкиряне переменили и стали называть порт Эпидамном, по имени вышележащего города. И Фукидид его так называет. Однако прежнее имя одержало верх, и порт называют теперь по-прежнему Диррахием.

40. Часть войска с консулами переправилась в Диррахий, а Помпей, отведя остальную часть в Брундизий, ожидал там возвращения кораблей, перевозивших консулов. Со стен города он отражал подошедшего тем временем Цезаря и окружал город рвом, пока не вернулся флот. Тогда Помпей вечером отплыл, оставив на стенах наиболее храбрых из своих воинов. Они с наступлением ночи отплыли из Брундизия с попутным ветром. Таким образом Помпей со всем войском, оставив Италию, перешел в Эпир. А Цезарь находился в затруднении, куда направиться и откуда начать войну, видя, что к Помпею стремятся все отовсюду. Он боялся его испанского войска, большого и опытного, как бы оно не очутилось у него в тылу, когда он станет преследовать Помпея. Поэтому Цезарь решил, отправившись в Испанию, предварительно уничтожить тамошнее войско Помпея. Свои силы он разделил на пять частей: одну оставил в Брундизии, другую в Гидрунте, третью в Таренте, чтобы они охраняли Италию. Других Цезарь послал вместе с Квинтом Валерием занять хлебородный остров Сардинию, которую они и захватили. Азиний Поллион был послан в Сицилию, которой управлял тогда Катон. Когда последний спросил Поллиона, на каком основании он вторгся в чужую провинцию, по постановлению ли сената или решению народа, то тот ответил следующее: "Тот, кто правит Италией, послал меня для этого". И Катон, заявив, что, щадя подвластное ему население, не станет здесь с ним сражаться, переплыл на Керкиру, а оттуда отправился к Помпею.

41. Цезарь, спеша в Рим, всевозможными посулами и обещаниями старался привлечь на свою сторону город, который трепетал от ужаса при воспоминании о бедствиях, бывших при Сулле и Марии. По отношению же к своим врагам Цезарь обнаруживал великодушие, заявляя, что даже Луция Домиция, попавшего ему в руки, он отпустил на свободу со всем имуществом. Цезарь приказал взломать запоры государственного казначейства и грозил смертью Метеллу, единственному из народных трибунов, который этому препятствовал. Он начал расходовать неприкосновенные суммы, на которые, говорят, при галльском нашествии в старину наложено было публичное заклятие ни на что не тратить их, за исключением новой войны с галлами. Но Цезарь заявил, что он сам снял с города заклятие, сделав галлов безопасными. Над Римом он поставил Лепида Эмилия, а над Италией и италийскими войсками - народного трибуна Марка Антония. Вне Италии Цезарь назначил Куриона управлять Сицилией вместо Катона, Квинта - Сардинией, в Иллирию послал Гая Антония, а Цизальпийскую Галлию поручил Лицинию Крассу. Для Ионийского и Тирренского морей он приказал быстро сформировать две эскадры. Командующими над ними, еще пока они формировались, Цезарь назначил Гортензия и Долабеллу.

42. Укрепив таким образом Италию и сделав ее неприступной для Помпея, Цезарь отправился в Испанию. Там он вступил в борьбу с Петреем и Афранием, полководцами Помпея, и на первых порах терпел поражения. Но затем они стали воевать почти с равным

STATIO ANTIQVITATIS

успехом около города Илерты. Разбив лагерь на крутизнах, Цезарь получал продовольствие по мостам через реку Сикорис. Когда бурным течением реки мост был внезапно разрушен, воины Петрея истребили большое количество людей Цезаря, отрезанных на другом берегу. И сам Цезарь с оставшимся войском сильно страдал от неудобной местности, голода, наступившей зимы и от неприятеля. Он почти находился в положении осаждаемого, пока не наступило лето, и Афраний и Петрей начали отступать во внутреннюю Испанию, чтобы там набрать новое войско. Цезарь же все время опережал противника, перерезал рвом проходы и помешал неприятелю идти дальше. Часть противника, посланную вперед для занятия лагеря, Цезарь окружил. Воины покрыли головы щитами, что служит признаком сдачи. Цезарь, повсюду добиваясь популярности у неприятеля, запретил переколоть сдавшихся воинов или взять их в плен, а отослал их невредимыми к войску Афрания. Поэтому между вражескими лагерями начались постоянные сношения и шли разговоры о мире среди солдатской массы.

43. Афраний и другие вожди уже решили уступить Цезарю Испанию с тем, чтобы он отпустил их невредимыми к Помпею. Но Петрей противился этому и, рыская по лагерю, убивал тех из солдат, кого он заставал в сношениях с воинами Цезаря. Даже кого-то из своих командиров, противившихся ему, он умертвил собственной рукою. Вот почему, негодуя на суровость Петрея, его люди все больше и больше обращались мыслями к гуманному Цезарю. Когда, вдобавок ко всему, Цезарь отрезал их еще и от воды, беспомощный Петрей вместе с Афранием вступил с ним в переговоры под наблюдением войска с той и другой стороны. Было решено, что они уступят Цезарю Испанию, а Цезарь отведет их невредимыми к реке Вару и оттуда отпустит к Помпею. Придя к этой реке, Цезарь собрал тех из воинов Петрея и Афрания, которые были из Рима и Италии, поместил их на такое место, откуда можно было слушать, и сказал им следующее: "Из вас, враги (пользуясь пока этим словом, я сделаю мою мысль яснее для вас), я не приказал никого убивать: ни тех, которые были посланы вперед для занятия лагеря и сдались мне, ни остальное ваше войско, когда я отрезал ему воду, и это несмотря на то, что до того Петрей убил тех из моих воинов, которые были захвачены за рекой Сикорис. Если вы чувствуете ко мне какую-нибудь благодарность, расскажите об этом всем солдатам Помпея". Сказав это, он отпустил их невредимыми и заявил, что Испанией будет управлять Кассий Квинт…

47. В эти же дни близ Иллирии Антоний потерпел поражение от Октавия, действовавшего на стороне Помпея против Долабеллы. Другое войско Цезаря, стоявшее в Плаценции, возмутилось и обвиняло своих командиров: "Мы мешкаем на походе, - кричали они, - и не получаем тех пяти мин, которые в качестве подарка Цезарь обещал нам еще в Брундизии". Когда Цезарь узнал об этом, он быстро отправился из Массилии в Плаценцию и, прибыв к еще бунтовавшим солдатам, сказал следующее: "Вы хорошо знаете сами, с какой быстротой я действую в каждом деле. Война затягивается не по нашей вине, а потому, что враги избегают нас. Вы же, которые получили в Галлии так много выгод под моим начальством и дали клятву служить мне в течение всей войны, а не только части ее, - вы бросаете нас в середине дела, восстаете против начальников и считаете возможным приказывать тем, от кого вам должно получать приказания. Выступая сам как свидетель, я торжественно заявляю о неизменной щедрости к вам; а теперь я поступлю с вами на основании отеческих законов и прикажу казнить по жребию десятую часть девятого легиона, так как он в особенности был зачинщиком мятежа". Поднялся вопль всего легиона, и командиры его, упав на колени, умоляли Цезаря о пощаде. Цезарь с трудом сдавался и, наконец, согласился подвергнуть жеребьевке только 120 человек, которые считались главными зачинщиками. Из них должно было казнить 12 человек. Но из этих двенадцати кто-то один отсутствовал, когда вспыхнул мятеж. Поэтому Цезарь приказал казнить показавшего на него центуриона.

48. Так окончилось восстание в Плаценции. Цезарь прибыл в Рим, и испуганный народ без постановления сената и предварительного назначения консула выбрал его диктатором.

STATIO ANTIQVITATIS

Но, как думают некоторые, Цезарь занимал эту должность только 11 дней, либо избегая власти, возбуждающей ненависть, либо не нуждаясь в ней. После этого он объявил консулом на следующий год себя и Публия Исаврика. Полководцев в провинции он назначал и сменял по собственному произволу. В Испанию Цезарь послал Марка Лепида, в Сицилию Авла Альбина, в Сардинию - Секста Педуцея и в только что занятую Галлию Децима Брута. Голодающему населению он выдал хлеб. Так как народ просил его вернуть изгнанников, то он дал разрешение вернуться всем, кроме Милона. Но когда у Цезаря стали просить сложения долгов, ссылаясь на войны, мятежи и создавшиеся вследствие этого дешевые цены, разорительные для продавцов, он в этом отказал. Однако Цезарь назначил собственных оценщиков тех рыночных товаров, которыми вместо денег должники должны были расплачиваться с заимодавцами. Устроив эти дела, Цезарь около зимнего солнцеворота послал войско в Брундизий, а сам выехал в декабре месяце по римскому календарю, не дождавшись даже ради своей должности наступающего нового года. Народ провожал его при отъезде просьбами примириться с Помпеем, ибо не было тайной, что тот из них, кто одержит верх, повернет к монархии.

Вопросы по тексту источника:

1. Назовите, опираясь на текст Аппиана, основные события кампании Цезаря в Испании.
2. Перечислите названных в данном источнике сподвижников Цезаря из среды римской аристократии, участвовавших в военных действиях в Испании.

Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Божественный Юлий. Пер. М.Л. Гаспарова.

29. Цезаря это встревожило. Он был убежден – и это часто от него слышали, – что теперь, когда он стал первым человеком в государстве, его не так легко столкнуть с первого места на второе, как потом со второго на последнее. Поэтому он стал всеми силами сопротивляться, отчасти – с помощью вмешательства трибунов, отчасти – при содействии второго консула Сервия Сульпиция. В следующем году Гай Марцелл сменил в должности консула своего двоюродного брата Марка и возобновил его попытки; тогда Цезарь за огромные деньги нашел себе защитника в лице его коллеги Эмилия Павла и самого отчаянного из трибунов – Гая Куриона. (2) Но увидев, что против него действуют все настойчивей, и что даже консулы будущего года избраны враждебные ему, он обратился к сенату с письмом, прося не отнимать у него дар римского народа, – или же пусть другие полководцы тоже распустят свои войска. Как полагают, он надеялся, что при желании ему будет легче созвать своих ветеранов, чем Помпею – новых воинов. Противникам же он предложил согласиться на том, что он откажется от восьми легионов и Трансальпийской Галлии и сохранит до избрания в консулы только два легиона и Цизальпинскую провинцию или даже один легион и Иллирик. 30. Когда же ни сенат не пожелал вмешаться, ни противники – идти на какое бы то ни было соглашение о делах государственных, тогда он перешел в Ближнюю Галлию и, покончив с судебными собраниями, остановился в Равенне, угрожая войною, если сенат примет суровые меры против вступившихся за него трибунов.

(2) Это, конечно, был только предлог для гражданской войны; причины же ее, как полагают, были другие. Так, Гней Помпей неоднократно утверждал, что Цезарь оттого пошел на всеобщую смуту и переворот, что из своих частных средств он не мог ни окончить построек, которые начал, ни оправдать ожидания, которые возбуждало в народе его возвращение. (3) Другие говорят, будто он боялся, что ему придется дать ответ за все, что он совершил в свое первое консульство вопреки знаменьям, законам и запретам: ведь и Марк Катон не раз клятвенно заявлял, что привлечет его к суду тотчас, как он распустит войско, и в народе говорили, что вернись он только частным человеком, и ему, как Милону, придется защищать себя в суде, окруженном вооруженной охраной. (4) Это тем

STATIO ANTIQVITATIS

правдоподобнее, что и Азиний Поллион рассказывает, как Цезарь при Фарсале, глядя на перебитых и бегущих врагов, сказал дословно следующее: «Они сами этого хотели! меня, Гая Цезаря, после всего, что я сделал, они объявили бы виновным, не обратись я за помощью к войскам!» (5) Некоторые, наконец, полагают, что Цезаря поработила привычка к власти, и поэтому он, взвесив свои и вражеские силы, воспользовался случаем захватить верховное господство, о котором мечтал с ранних лет. Так думал, по-видимому, и Цицерон, когда в третьей книге «Об обязанностях» писал, что у Цезаря всегда были на устах стихи Еврипида, которые он переводит так:

Коль преступить закон – то ради царства;
А в остальном его ты должен чтить.

31. И вот, когда приспело известие, что вмешательство трибунов не имело успеха, и что им самим пришлось покинуть Рим, Цезарь тотчас двинул вперед когорты; а чтобы не возбуждать подозрений, он и присутствовал для виду на народных зрелищах, и обсуждал план гладиаторской школы, которую собирался строить, и устроил, как обычно, многолюдный ужин. (2) Но когда закатилось солнце, он с немногими спутниками, в повозке, запряженной мулами с соседней мельницы, тайно тронулся в путь. Факелы погасли, он сбился с дороги, долго блуждал и только к рассвету, отыскав проводника, пешком, по узеньким тропинкам вышел, наконец, на верную дорогу. Он настиг когорты у реки Рубикона, границы его провинции. Здесь он помедлил и, раздумывая, на какой шаг он отваживается, сказал, обратившись к спутникам: «Еще не поздно вернуться; но стоит перейти этот мостик, и все будет решать оружие».
32. Он еще колебался, как вдруг ему явилось такое видение. Внезапно поблизости показался неведомый человек дивного роста и красоты: он сидел и играл на свирели. На эти звуки сбежались не только пастухи, но и многие воины со своих постов, среди них были и трубачи. И вот у одного из них этот человек вдруг вырвал трубу, бросился в реку и, оглушительно протрубив боевой сигнал, поплыл к противоположному берегу. «Вперед, – воскликнул тогда Цезарь, – вперед, куда зовут нас знаменья богов и несправедливость противников! Жребий брошен».
33. Так перевел он войска; и затем, выведя на общую сходку бежавших к нему изгнанников-трибунов, он со слезами, разрывая одежду на груди, стал умолять солдат о верности. Говорят даже, будто он пообещал каждому всадническое состояние, но это – недоразумение. Дело в том, что он, взывая к воинам, часто показывал на свой палец левой руки, заверяя, что готов отдать даже свой перстень, чтобы вознаградить защитников своей чести; а дальние ряды, которым легче было видеть, чем слышать говорящего, приняли мнимые знаки за слова, и отсюда пошла молва, будто он посулил им всаднические кольца и четыреста тысяч сестерциев.
34. Дальнейшие его действия, вкратце и по порядку, были таковы. Он вступил в Пицен, Умбрию, Этрурию; Луция Домиция, противозаконно назначенного ему преемником и занимавшего Корфиний, он заставил сдаться и отпустил; затем по берегу Верхнего моря он двинулся к Брундизию, куда бежали консулы и Помпей, спеша переправиться за море. (2) После безуспешных попыток любыми средствами воспрепятствовать их отплытию, он повернул в Рим. Обратившись здесь к сенаторам с речью о положении государства, он направился против сильнейших войск Помпея, находившихся в Испании под начальством трех легатов: Марка Петрея, Луция Афрания и Марка Варрона; перед отъездом он сказал друзьям, что сейчас он идет на войско без полководца, а потом вернется к полководцу без войска. И хотя его задерживали как осада Массилии, закрывшей ворота у него на пути, так и крайний недостаток продовольствия, вскоре он подчинил себе все.

Вопрос по тексту источника:
1. Назовите причины Испанской кампании Гая Юлия Цезаря, указанные Светонием.

STATIO ANTIQVITATIS

1.2. Военные действия на Балканах в 48 г. до н.э.

Аппиан. Гражданские войны. Книга II. Пер. М.С. Альтмана.

49. Итак, Цезарь двигался со всей возможной скоростью. Помпей же во все это время приготовлял корабли, стягивал все больше и больше войск и средств и, захватив на Ионийском море сорок кораблей Цезаря, караулил его переправу. С войском он производил упражнения, сам участвуя в беге, езде верхом, и везде был первым, несмотря даже на возраст. И этим Помпей легко снискал к себе такое расположение, что на его упражнения все сбегались, как на зрелище. У Цезаря к этому времени было 10 легионов пехоты и 10.000 галльской конницы, у Помпея - 5 легионов из Италии, с которыми он переплыл Ионийское море, и относящиеся к ним конные части - два парфянских легиона, остаток от войска, воевавшего под начальством Красса и некоторое число из отправившихся вместе с Габинием в Египет - всего 11 легионов италийцев и 7.000 конницы. Союзники у Помпея были из Ионии, Македонии, Пелопоннеса, Беотии, критские стрелки, фракийские пращники, пользующиеся метательными орудиями войны из припонтийских областей, некоторые галльские всадники и другие из восточной Галатии, коммагены, посланные Антиохом, киликийцы, каппадокийцы, некоторые из Малой Армении, памфилийцы и писидийцы. Всеми этими союзниками Помпеи не полагал пользоваться для сражения, но частью для гарнизонной службы, рытья окопов и всякого другого обслуживания италийского войска, чтобы из самих италийцев никто не был отвлечен от самой войны. Так обстояло у Помпея с сухопутным войском. Кораблей же военных с полным людским составом было 600, из них считавшихся наиболее выдающимися около 100 с римскими моряками; было также великое множество грузовых и обозных судов. Командиров было много, соответственно частям, а над ними всеми во главе стоял Марк Бибул.
50. Когда все было готово, Помпей, собрав в одно место, откуда было хорошо слышно, всех лиц из сенаторского сословия и так называемых всадников, а также все войско, сказал следующее: "Мужи, некогда и афиняне оставили свой город, сражаясь за свободу с нападавшими на них, полагая, что не дома составляют город, а мужи. И поступив так, они скоро вернули себе свой город обратно и сделали его еще более прославленным. И наши собственные предки, когда на них напали галлы, оставили город, и Камилл, двинувшись из Ардел, его вновь возвратил. Все, кто мыслит здраво, считают, где бы они ни оказались, отечеством самую свободу. Воодушевленные приплыли и мы сюда, не бросив отечества, но для того, чтобы отлично вооружиться для него и здесь защитить его от человека, издавна на него злоумышляющего и внезапно, с помощью подкупов, захватившего Италию. Вы провозгласили его врагом римского народа, а он посылает начальников во все наши страны и назначает их и в Риме и в Италии: с такой наглостью отнимает он верховную власть у народа. И если так поступает он во время войны, когда он еще под страхом, что ему, может быть, придется дать ответ - да поможет бог! - то каких следует от него ожидать жестокостей и насилий, когда он победит? Но к поступающему так со своим отечеством все же присоединяются некоторые лица, подкупленные теми средствами, которые он раздобыл для себя в вашей же Галлии, и предпочитают быть у этого человека в рабстве, чем в равных с нами правах. 51. Что касается меня, я не прекращал борьбы вместе с вами и за вас и самого себя отдаю в ваше распоряжение как воина и как вождя, и если есть у меня какая-нибудь опытность в военном деле и счастье человека, до сих пор еще никогда не побежденного, то я молю богов, чтобы они и в настоящее время способствовали мне, сражаясь за отечество, находящееся в опасности, быть столь же счастливым, каким я был ранее, увеличивая его могущество. Следует надеяться на богов и черпать храбрость из смысла самой войны, к которой нас побуждает прекрасное и справедливое стремление к сохранению отеческой формы правления. Кроме того, следует

STATIO ANTIQVITATIS

полагаться и на обилие снаряжения, имеющегося у нас и на суше и на море, продолжающего непрерывно расти и которое еще возрастет, когда мы примемся за дело. Ибо можно сказать, что все народы на востоке и у Евксинского моря, как эллинские, так и варварские, примыкают к нам. И цари, которые с римлянами и со мной состоят в дружбе, на свой счет доставят нам и войска, и стрелы, и провиант, и всякое другое снаряжение. Приступите же к делу соответственно достоинству отечества, вас самих и меня и, памятуя о беззаконии Цезаря, быстро выполняйте то, что приказывается".

52. Так говорил Помпей. Все войско, все сенаторы, окружавшие его, и великое множество знатных, все вместе приветствовали его и призывали повести их на все, на что он найдет нужным. Помпей же, полагая, что вследствие неблагоприятного для плавания времени года и отсутствия пристаней Цезарь предпримет плавание после зимы, а пока займется организацией своей консульской власти, приказал адмиралам охранять море, войско же распределил по зимним стоянкам, разместив его по всей Фессалии и Македонии.

Так беспечно рассуждал Помпей о предстоящем; Цезарь же, как мной уже было сказано, во время зимнего солнцеворота спешил в Брундизий, полагая, что неожиданностью он сильнее всего поразит врагов. И еще не имея в Брундизии ни съестных припасов, ни снаряжения, ни полностью всего своего войска, он, тем не менее, созвал всех имевшихся у него в наличности людей на собрание и сказал им следующее:

53. "О мужи, вы, которые мне помогаете в величайших делах, знайте, что ни бурность погоды, ни запоздание некоторых войсковых частей, ни недостаток соответствующего снаряжения не удерживают меня от движения вперед, ибо я полагаю, что быстрота в действиях мне будет полезнее всего этого и что мы первые, которые прежде других сюда прибыли, должны, полагаю я, оставить здесь на месте рабов, обоз и все снаряжение, чтобы имеющиеся в наличности корабли могли вместить нас самих, самим же, немедленно отправившись на судах, испытать, не удастся ли, укрывшись от врагов, противопоставить бурным непогодам доброе счастье, малочисленности - смелость, нашей бедности - изобилие у врагов, которым мы должны овладеть, как только выйдем на сушу, ибо мы знаем, что если мы их не победим, то у нас своего собственного ничего нет. Итак, мы пойдем за рабами, снаряжением и съестными припасами врагов, пока они находятся под кровлей зимних стоянок. Пойдем, пока Помпей полагает, что и я стою на зимней стоянке и предаюсь "помпам" и консульским жертвоприношениям. Вам, хотя вы сами это знаете, я скажу, что самое важное в военном деле - это неожиданность; честь нам доставит слава и первой целью для нас является стяжать славу в будущих сражениях и уготовить все для безопасности тех, кто за нами туда последует. Я же сам и в настоящее время предпочел бы скорее тратить время на плаванье, чем на разговоры, чтобы Помпей увидел меня тогда, когда, по его расчетам, я еще занимаюсь организацией власти в Риме. Хотя я знаю вашу покорность, все же я жду ответа".

54. Когда все войско с воодушевлением стало кричать, чтобы он их вел, Цезарь тут же, с трибуны, повел их - пять легионов пехоты и 600 отборных всадников - к морю. Так как буря приводила суда в беспорядок, он с ними стал в открытом море на якорях. Это было время зимнего солнцеворота, и ветер, к досаде и огорчению Цезаря, заставил его первый день года провести в Брундизии. Тем временем прибыли еще два легиона, и Цезарь отправил их сквозь бурю на грузовых судах. Военных кораблей у него было немного, и они охраняли Сардинию и Сицилию. Так как бури его отнесли к Керавнским горам, то он тотчас отправил суда в Брундизий за остальным войском, а сам отправился ночью к городу Орику по узкой и каменистой тропе, при этом из-за неудобства местности войско разделилось на множество частей, так что оно могло легко подвергнуться нападению, если бы это кто-нибудь заметил. К утру все это множество к нему с трудом стеклось, и гарнизонный начальник Орика, после того как находившиеся с ним внутри города заявили, что не будут сопротивляться идущему на них римскому консулу, передал ключи города Цезарю и остался при нем, удостоившись от него почестей. Лукреций же и Муниций охраняли на другой стороне Орика на военных кораблях хлеб, находящийся на

STATIO ANTIQVITATIS

судах. Последние, чтобы Цезарь ими не овладел, они потопили и убежали в Диррахий. Из Орика Цезарь поспешил в Аполлонию. Аполлонийцы его приняли, начальник же гарнизона Стаберий город покинул.
55. И Цезарь, собрав свое войско, напомнил им, что благодаря быстроте в действиях они счастливо преодолели и бурю и без кораблей овладели морем, а также взяли без боя Орик и Аполлонию и владеют теперь тем, что принадлежало врагам, и все это так, как он им и сказал: в то время, как Помпей об этом еще не знает. "Если, - сказал он, - мы еще захватим и Диррахий, эту кладовую запасов Помпея, то нашим станет все то, что было ими заготовлено в течение целого лета". Так сказав, он быстро повел их по большой дороге в Диррахий, не отдыхая ни днем, ни ночью. Но Помпей, об этом предупрежденный, также в свою очередь двинулся из Македонии с великой поспешностью и, чтобы затруднить Цезарю продвижение, срубал по пути лес, разрушал мосты на реках и сжигал все встречавшееся по пути продовольствие, полагая, как оно и в действительности было, делом величайшей важности сохранить свои запасы. Каждый раз когда кто-нибудь из них обоих, Цезарь или Помпей, издали видел пыль, огонь или дым, то он думал, что это противник, и они как бы состязались в беге. И ни пище, ни сну они не уделяли времени. Такая была быстрота, напряжение и крики тех, кто их вел при свете факелов, что по мере того как враги все более друг к другу приближались, увеличивались страх и смятение. Некоторые от усталости сбрасывали с себя то, что несли, или, прячась в ущельях, отставали, готовые ради немедленного отдыха примириться и со страхом перед врагом.
56. Такие бедствия терпели обе стороны. Однако Помпей достиг Диррахия прежде Цезаря и расположился при городе лагерем, затем, послав флот в Орик, снова занял его и принялся охранять море более надежными караулами. Цезарь же, наметив границей между собой и Помпеем реку Алор, расположился лагерем по ту сторону, при этом некоторые части конницы с той и другой стороны, переходя реку, вступали друг с другом в бой. Все же войско в целом не вступало в бой, так как Помпей еще производил упражнения с новобранцами, а Цезарь ожидал тех, которых оставил в Брундизии. Он полагал, что если они на судах поплывут весной, то не останутся незамеченными триремами Помпея, которые часто выплывали на стражу; если же они отважатся плыть зимой, когда враги сторожат на островах, то они, может быть, пройдут незамеченными или одолеют врагов благодаря величине кораблей и ветру; поэтому-то он и послал поспешно за ними. Так как они не выезжали, он решил сам тайно отправиться к войску; ведь кому-нибудь другому, помимо него, их привести было бы нелегко. Скрыв свое намерение, он послал трех рабов к реке, отстоящей на расстоянии 12 стадий, чтобы они приготовили быстроходную лодку и наилучшего рулевого якобы для посланца Цезаря.
57. Цезарь же, под предлогом болезненного состояния удалившись с обеда, предложил друзьям продолжать его, а сам, одевшись в одежду частного человека и сев на повозку, тотчас отправился к судну как посланец Цезаря. Он и в дальнейшем отдавал все приказания через рабов, сам оставаясь закрытым и в течение ночи неузнанным. Когда наступила буря, рабы увещевали кормчего быть храбрым, указывая, что благодаря буре им скорее удастся проплыть незамеченными со стороны врагов, которые находятся поблизости. Кормчий плыл по реке, гребя изо всей силы. Когда лодка приплыла к устью и море с бурей и ветром задержало течение, рабы Цезаря погоняли кормчего, а когда кормчий, ничего не добившись, утомился и пришел в отчаяние, Цезарь, открывшись, крикнул ему: "Смелей направляйся навстречу буре. Ты везешь Цезаря и его счастье". Гребцы и кормчий были поражены, всеми овладело усердие, и судно благодаря усилиям кормчего выплыло из реки. Ветер и волны открытого моря подгоняли их к берегу, так что они стали опасаться, как бы с наступлением утра они при свете не были обнаружены врагами. Цезарь, негодуя на божество, как бы с недоброжелательством к нему относящееся, разрешил корабль направить обратно. Подталкиваемый быстрым ветром, корабль вновь вплыл в реку.

STATIO ANTIQVITATIS

58. Что касается Цезаря, то одни удивлялись его смелости, другие упрекали, что он предпринял дело, подобающее солдату, но не военачальнику. Цезарь, уже не надеясь впредь сам сделать это незаметно, приказал вместо себя плыть Постумию и велел Габинию привести немедленно войско морским путем. Если же Габиний ослушался бы, то поручить это Антонию, если и этот откажется, то Калену. На тот же случай, если все трое не решатся, Цезарь написал письмо к самому войску, не пожелает ли кто из воинов последовать за Постумием на суда, и чтобы те, которые отправятся, пристали в то место, куда их пригонит ветер. Кораблей не жалеть, ибо не в кораблях нуждается Цезарь, а в людях.
Таким образом, Цезарь больше доверялся удаче, чем расчету. Помпей же, спеша опередить противника, выступил, подготовившись к сражению. И случилось, что когда двое из воинов Помпея исследовали середину реки, чтобы знать, где она более всего проходима, в это время кто-то из войска Цезаря, подбежав, убил обоих. Помпей, считая это дурным предзнаменованием, снялся с лагеря. По мнению всех, это была ошибка со стороны Помпея, так как он упустил самое удобное время.
59. Когда Постумий прибыл в Брундизий, Габиний, не подчинившись приказу Цезаря, повел всех желающих через Иллирию, нигде не делая привала. Они почти все были уничтожены иллирийцами. Цезарь вынужден был это перетерпеть, так как был занят. Антоний же, посадив других на корабли, поплыл мимо Аполлонии под парусами при попутном ветре. Когда к полудню ветер ослабел, 20 кораблей Помпея, направленные на обследование моря, заметили врагов и стали их преследовать. Ими, так как на море было безветрие, овладел сильный страх, чтобы военные корабли не пробуравили их своими медными носами и не потопили. И корабли Помпея уже должным образом приготовились, уже стали направлять камни из пращей и стрелы. Но вдруг налетел ветер сильнее прежнего, и они, развернув немедленно большие паруса, встретили неожиданный ветер и поплыли уже без страха. Суда вражеские отстали, жестоко претерпевая от бури, ветра и высоких волн, и с трудом прорвались к каменистой и лишенной пристаней суше, захватив из кораблей Цезаря всего два, застрявших в болоте. Антоний со всеми остальными причалил в так называемый Нимфей.
60. Войско Цезаря было уже все в наличности, так же как и у Помпея. То и другое расположились лагерем друг против друга на множестве укреплений на холмах. Обе стороны предпринимали частые стычки вокруг каждого укрепления, проводили вокруг него рвы, осаждая взаимно друг друга, то подвергая противника, то сами попадая в затруднительное положение. В одном из таких сражений войско Цезаря, как оказалось, уступило войску Помпея. Один центурион, по имени Сцева, совершивший много блестящих дел и раненный в глаз стрелой, выступил вперед и сделал знак рукой, что желает что-то сказать. Когда наступило молчание, он крикнул известному своим мужеством центуриону Помпея: "Спаси человека, равного тебе, спаси друга, пришли мне людей, которые бы вывели меня за руки, так как я ранен". Когда к нему как к перебежчику подбежали два человека, он одного из них убил, другому пробил плечо. Так поступил он, когда уже перестал надеяться на свое спасение и на спасение укрепления; но тем самым он внушил всем другим стыд и воодушевление, и укрепление было спасено, несмотря на то, что сам начальник укрепления, Минуций, сильно пострадал и был, как говорят, сто двадцать раз уязвлен в щит, имел шесть ран на теле и лишился, как и Сцева, глаза. Цезарь почтил героев многими наградами, а сам, так как кто-то из Диррахия подготовлял предательскую сдачу города, отправился с немногими людьми, как было условлено, к воротам Диррахия и святилищу Артемиды. В эту же зиму зять Цезаря вел ему еще войска из Сирии. Гай Кальвизий, столкнувшись с ним в Македонии, был им побежден, и из целого легиона у него в этой битве осталось только 800 человек.
61. К Цезарю совершенно ничего не поступало со стороны моря, так как Помпей держал его в своей власти. Войско Цезаря голодало и делало хлеб из травы. Перебежчики, желая порадовать Помпея, принесли ему этот "хлеб", но Помпей не обрадовался, а сказал: "С

STATIO ANTIQVITATIS

какими зверями мы сражаемся". Цезарь по необходимости собрал все свое войско, чтобы этим вынудить и Помпея, вопреки его воле, к сражению. Но Помпей, заняв большинство укреплений, оставленных Цезарем, больше ничего не предпринимал. И Цезарь, в великой досаде, занялся делом трудным и рискованным - окружить со стороны моря весь лагерь Помпея сплошной стеной; предприятие, которое, как он полагал, ему должно принести великую славу по одному лишь смелому замыслу, даже если оно и не увенчается успехом. Длина стены были 1.200 стадий. Таким делом занялся Цезарь. Помпей же проводил рвы, направленные против Цезаря, и возводил сооружения со своей стороны. Так они оба лишали смысла задуманное ими дело. В то время было между ними одно большое сражение, в котором Помпей блистательно обратил в бегство войско Цезаря и преследовал бегущих до самого лагеря, отняв у них много знамен. И даже "орла", самое главное знамя у римлян, тот, кто его нес, едва успел перебросить через вал к тем, что находились внутри.

62. Когда поражение Цезаря стало окончательным, Цезарь с другой стороны повел новую часть, но и этой овладел такой великий страх, что, когда вдали показался Помпей, они не смогли ни остановиться, будучи уже у самых ворот, ни войти в них в боевом порядке, ни подчиниться приказаниям, но каждый бежал, где кому случилось, без оглядки, не внемля никаким приказам, лишившись стыда и разума. И несмотря на то, что Цезарь всюду поспешал, усовещевая своих воинов и указывая, что Помпей находится еще далеко, они на виду у него самого одни бросали знамена и убегали, другие от стыда склоняли головы, ничего не предпринимая, до такой степени ими овладел страх. А один из воинов, повернув знамя, направил заостренный конец в императора, но телохранители Цезаря его убили. Те же воины, которые входили, не организовали даже стражи, все было оставлено, и самый вал никем не охранялся, так что если бы Помпей совершил на него нападение, он и его мог бы взять своими силами и этим делом завершить всю войну, но Лабиен - такова была божья воля - убедил Помпея направить войска на бегущих. Помпей сам колебался: или потому, что, видя вал неохраняемым, подозревал какую-то хитрость, или же потому, что пренебрегал этим делом, считая исход войны уже решенным. Поэтому Помпей, направив войска на бегущих вне лагеря, многих убил и взял в этот день в обоих сражениях 28 знамен, но упустил уже второй случай полного окончания войны. Передают, что Цезарь сказал: война могла бы быть в этот день закончена, если бы враги имели во главе человека, умеющего побеждать.

63. Помпей, правда, чрезмерно превознося свою победу, сообщил о ней всем царям и городам и надеялся, что войско Цезаря, побуждаемое голодом и напуганное поражением, немедленно перейдет на его сторону, а в особенности военачальники Цезаря, которым приходилось бояться за совершенные ими ошибки. Они же - бог привел их к раскаянию - устыдились за свои проступки, и когда Цезарь их с кротостью упрекал и даровал прощение, еще более вознегодовали на самих себя и - такова была неожиданная перемена - стали требовать, чтобы, согласно отечественному закону, десятая часть их была казнена. Когда Цезарь на это не согласился, они еще более устыдились и сознавали, что поступили незаконно по отношению к тому, кто этого совсем не заслужил, и стали требовать, чтоб он казнил хотя бы знаменосцев, так как, если бы те не повернули тыла прежде, они сами никогда не обратились бы в бегство. Когда Цезарь, и на это не соглашаясь, наказал лишь немногих, то всеми, благодаря его снисходительности, овладело такое воодушевление, что они потребовали, чтобы их тотчас повели на врагов. Они настаивали на этом весьма ревностно, призывая друг друга и обещая искупить свою вину блестящей победой. Цепью отряды обращались друг к другу по очереди, они клялись в присутствии Цезаря, что придут с поля битвы не иначе, как победителями.

64. Поэтому друзья Цезаря увещевали его использовать эту перемену в настроении и воодушевление войска. Но он сказал войску, что поведет его на врагов при более благоприятных условиях, и призывал их не забывать своей готовности, а друзьям он добавил, что прежде надо избавить войско от великого страха, порожденного поражением,

STATIO ANTIQVITATIS

а врагов лишить сознания, что их дела находятся в цветущем состоянии. Он признался, что раскаивается в том, что расположился лагерем у Диррахия, где у Помпея все припасы под рукой, и что необходимо было отвлечь его в какое-либо другое место, где враги были бы в равном с ними затруднительном положении. Так сказав, он немедленно направился в Аполлонию, а оттуда ночью стал скрытно отступать в Фессалию. Он в гневе взял и предал своим воинам на разграбление небольшой город Гомфы, который его не принял. Воины вследствие голода разом наполнили свои утробы всякой снедью и непристойно опьянели, и наиболее из них забавными в пьяном состоянии оказались германцы, так что, казалось, явись Помпей в это время, он мог бы совершить нечто решающее, если бы только он из гордости совершенно не пренебрег их преследовать. Между тем Цезарь, в течение семи дней усиленно передвигаясь, расположился лагерем у Фарсала. Говорят, бедствия в Гомфах были необычны и что в лечебнице были обнаружены трупы знатных стариков без всяких ран, но с кубками, лежащими с ними рядом. Двадцать из них, как бы в опьянении, валялись на полу, а один восседал на стуле, без сомнения врач, который им всем дал яд.

65. После того как Цезарь снялся с лагеря, Помпей назначил заседание совета. Афраний высказал на нем мнение, что морские силы, которыми он далеко превосходит Цезаря, следует послать против Цезаря и, владея морем, тревожить его, блуждающего по разным путям и находящегося в затруднительном положении, сухопутные же силы поспешно повести самому Помпею в Италию, к нему благорасположенную и лишенную врагов, чтобы, овладев Италией, Галлией и Испанией, из родной и главенствующей земли вновь напасть на Цезаря. Но этими советами, которые были бы для него наилучшими, Помпей пренебрег и послушался тех, которые говорили, что войско Цезаря из-за голода перейдет на его сторону немедленно или что вообще немного останется делать после одержанной у Диррахия победы. Наоборот, было бы позором оставить бегущего Цезаря и, будучи победителем, бежать наравне с побежденным. Помпей присоединился к этому мнению, побуждаемый больше всего стыдом перед восточными народами, не спускавшими с него глаз, а также заботой о Луции Сципионе, как бы он чего не претерпел в Македонии, и в особенности тем, что хотел использовать в борьбе с Цезарем храбрость своего войска. Поэтому он продолжал поход и расположился лагерем у Фарсала против Цезаря. Друг от друга оба лагеря отстояли на 30 стадий.

66. Провиант Помпею доставлялся отовсюду, ибо у него были в такой степени заготовлены дороги, гавани и посты, что и с суши ему постоянно все доставлялось и при любом ветре через море. Цезарь, напротив, имел только то, что с трудом отыскивал и добывал, испытывая при этом сильные затруднения. Однако и при таких обстоятельствах ни один из его воинов его не покинул, а все с каким-то демоническим рвением стремились вступить в бой с врагами, полагая, что, закаленные уже в течение 10 лет, они в битве будут во многих отношениях превосходить новобранцев, между тем как в рытье рвов, сооружении стен и наборе припасов они, вследствие своей старости, более слабы, и вообще, терпя страдания, они предпочитали что-нибудь делать, чем погибнуть без всякого дела от голода. Сознавая все это и зная, что ему противостоят люди, закаленные и доведенные до отчаяния, а также блестящее счастье, обычно сопровождающее Цезаря, Помпей полагал, что было бы рискованно подвергнуть опасности все предприятие из-за исхода одного сражения; более подходящим и безопасным будет нуждой истощать врагов, сидевших на бедной территории, не владеющих морем и не имеющих кораблей даже для того, чтобы быстро убежать. Так, полагаясь на самый верный расчет, Помпей решил всячески затягивать войну, доводя войска Цезаря в результате голода до болезни.

67. Вокруг Помпея находилось множество сенаторов, равных ему по сану, наиболее знаменитые из так называемых всадников и много царей и династов; все они, одни по неопытности, другие вследствие того, что чрезмерно расценивали успехи, добытые при Диррахии, а некоторые и потому, что количественно превосходили силы врагов, - были и такие, которые, утомленные вообще войной, стремились не столько к достойному, сколько к скорейшему ее исходу, - все эти люди побуждали Помпея к битве, постоянно

STATIO ANTIQVITATIS

указывая на то, что Цезарь готовится к бою и ведет себя вызывающе. Помпей, исходя как раз из этого, указывал им, что Цезарь в своем безвыходном положении нуждался в бое, им же именно потому более уместно сохранять спокойствие, и что Цезарь спешит под давлением необходимости. Однако, докучаемый со стороны всего войска, чрезмерно возгордившегося успехом, одержанным у Диррахия, а также подстрекаемый насмешками, затрагивавшими его достоинство, что он будто бы нарочно медлит, будучи одержим властолюбием начальствовать над таким количеством сенаторов, называемый за это "царем царей" и "Агамемноном", потому что и тот благодаря войне владел царской властью, - вот всем этим докучаемый, Помпей отказался от своих собственных расчетов и уступил, поврежденный в разуме божеством, и на сей раз, как и в других случаях в течение всей войны. Став вопреки своей природе вялым и медлительным во всех делах, он, против своего желания, склонился к сражению на горе самому себе и тем, которые его к этому бою склоняли.

68. В ту ночь Цезарь послал три легиона для набора съестных припасов. Одобряя Помпея за медлительность и полагая, что тот ни в коем случае не переменит своего решения, он послал в окрестности за фуражом. А узнав о приготовлениях Помпея, Цезарь обрадовался, догадавшись, что к этому Помпей был вынужден войском, и, быстро созвав всех своих, стал сам готовиться к битве. Принося в полночь жертву Марсу, он взывал и к своей прародительнице Венере (весь род Юлиев, полагал он, происходит от Энея и его сына Ила, слегка изменив его наименование) и дал обет в случае успеха построить в Риме в благодарность храм Венере-победительнице. Когда на небе сверкнул свет со стороны лагеря Цезаря и погас в месте расположения лагеря Помпея, те, которые находились при последнем, говорили, что им предстоит совершить нечто блестящее над врагом. Цезарь же толковал это знамение так: напав на Помпея, он затмит дела Помпея. У Помпея в эту ночь некоторые из убежавших жертвенных животных не были пойманы, а на алтаре расселся рой пчел, эмблема робости. Незадолго до рассвета на лагерь Помпея напало паническое состояние, и после того как Помпей обежал кругом весь лагерь и устранил панику, он впал в глубокий сон.

69. Когда приближенные его разбудили, он сказал, что только что видел во сне, как посвящали в Риме храм Венере-победительнице. И этому-то, не зная обета Цезаря, обрадовались, когда узнали, друзья Помпея и все его войско; они в этом, как и во всем прочем, необдуманно, восторженно и пренебрежительно усматривали предстоящее дело, как уже свершившееся. Многие из них уже и палатки стали увенчивать лаврами, символом победы, а рабы готовили для них великолепные обеды. Были и такие, которые спорили между собой о понтификате Цезаря. Помпей, опытный в делах военных, не любил этих споров; но он скрывал свое негодование и вместе с тем молчал от нерешительности и страха, как будто бы уже был не начальником, а подчиненным и делал все по необходимости, а не по собственному решению. На человека великого, во всяком предприятии до этого дня бывшего наиудачливейшим, напало такое уныние, или потому, что, верно наметив полезное, он в этом не сумел убедить других, а как бы на игральную кость поставил и жизнь стольких людей и свою собственную славу, славу человека до сих пор непобедимого, или же при приближении бедствия его устрашало какое-то пророческое чувство, его, которому в настоящий день предстояло внезапно лишиться столь великой власти. Сказав своим друзьям, что этот день, кто бы из двух ни победил, послужит для римлян навсегда началом великих бедствий, он приготовился к бою. Некоторые, полагая, что от страха у Помпея вырвалось его тайное намерение, считали, что если бы Помпей тогда одержал победу, он не отрекся бы от единовластия.

70. Войско находилось в таком состоянии: многие писатели дают об этом сомнительные сообщения, я же предпочитаю следовать за теми римскими писателями, которые дают наиболее достоверные сведения об италийцах, с которыми они больше всего считались; что касается союзных войск, то о них римские писатели сообщают сведения недостоверные и не учитывают их как силу чужеземную, присоединение которой мало

STATIO ANTIQVITATIS

имело значения. Цезарь имел до 22.000 человек, из них около тысячи конницы; у Помпея войска было больше в два раза, в том числе около 7.000 конницы. Таковы мнения тех, чьи сообщения наиболее правдоподобны, а именно, что в битве столкнулись друг с другом 70.000 италийцев. Другие авторы считают, что их было меньше 60.000, а другие, чрезмерно преувеличивая, насчитывают 400.000. Из этого количества одни авторы считают, что у Помпея было в полтора раза больше войска, чем у Цезаря, другие считают, что у Помпея было около двух третей всего количества - в такой степени колеблются сведения относительно точного количества. Во всяком случае несомненно, что тот и другой вождь больше всего полагались на италийцев. Отряд союзников у Цезаря состоял из конницы из цизальпийских галлов... и из некоторого количества трансальпийских. Из эллинов служили у него в качестве легковооруженных долопы, акарнаны, этолийцы. Таковы были военные союзники Цезаря. На стороне Помпея были представлены в громадном количестве все восточные народы: одни на конях, другие - пешими, а из Эллады - лаконцы, предводительствуемые своими собственными царями, и остальная часть Пелопоннеса, а с ними и беотийцы. Принимали участие в битве и афиняне, причем глашатаями обеих сторон было возвещено, чтобы войско не чинило афинянам никаких обид как лицам, посвященным культу богинь Фесмофор и принимающим только ради славы участие в битве, долженствующей решить судьбу римской гегемонии.

71. Кроме эллинов, в числе союзников были почти все народы, обитающие по морскому берегу в восточном направлении: фракийцы, геллеспонтийцы, вифинцы, фригийцы, ионяне, лидийцы, памфилийцы, писидийцы, пафлагонцы, киликийцы, сирийцы, финикийцы, еврейское племя и с ними соседящие арабы, киприйцы, родосцы, критские пращники и другие островитяне. Были и цари и династы, приведшие свои войска: Дейотар, тетрарх восточных галатов, Ариарат, царь каппадокийцев, стратег Таксил, который привел армян, живших по сю сторону Евфрата, Мегабат, наместник царя Артапата, который привел армян, живших по ту сторону Евфрата. Принимали участие в военных тяготах и другие незначительные династы. Говорят, и из Египта было прислано Помпею 60 кораблей от царствовавших тогда в Египте Клеопатры и ее брата, бывшего тогда еще ребенком, но эти корабли, как, впрочем, и весь остальной морской флот, в битве участия не принимали и остались в бездействии у острова Коркиры. И то обстоятельство, что Помпей пренебрег флотом, следует считать величайшей необдуманностью, ибо при помощи морских сил, которыми он намного превосходил противника, он имел возможность повсюду лишать врага привозимых для него провиантов, вступив же в бой на суше, ему пришлось сражаться с людьми, которые от долгих военных трудов были в себе уверены и в битве становились словно звери. Но, видно, Помпея, который остерегался их у Диррахия, прельстило божественное наваждение, как нельзя более во время послужившее на пользу Цезаря. Ибо благодаря этому войско Помпея весьма легкомысленно зазналось и, одержав верх над мнением своего военачальника, вступило в бой, не имея опыта в военном деле. Но так распорядилось божество, чтобы установить ту власть, которая теперь охватывает все.

72. Каждый из обоих вождей, собрав войско, возбуждал его речью. Помпей при этом сказал следующее: "О, содружинники, вы сейчас скорее военачальники, чем воины. Ведь меня, желающего все больше и больше истощать Цезаря, вы призвали на этот бой. Поэтому и будьте распорядителями на этом состязании, обходитесь с врагами, как обычно обходятся гораздо более многочисленные с малочисленными, взирайте на них с презрением, как победители на побежденных, как молодые на стариков, как люди со свежими силами на сильно утомленных, сражайтесь как люди, у которых столь много сил и снаряжения и которые к тому еще сознают причины войны. Ибо мы сражаемся за свободу и отечество, опираясь на законы и добрую славу, имея стольких знатных мужей, сенаторов и всадников против всего одного человека, который желает присвоить себе верховную власть. Идите же, как вы о том и просили, с доброй надеждой, имея перед

STATIO ANTIQVITATIS

глазами то бегство врагов, которое произошло при Диррахии, то огромное количество знамен, которое мы, одержав победу, отняли в течение одного дня".
73. Так говорил Помпей. Цезарь своим воинам сказал следующее: "О, друзья, наиболее трудное мы уже одолели: вместо голода и нужды мы состязаемся теперь с людьми. Этот день решает все. Вспомните, что вы обещали мне при Диррахии и как вы на моих глазах клялись друг другу не возвращаться без победы. Это те самые люди, на которых мы идем от Геркулесовых столпов, которые убежали от нас из Италии, те самые, которые нас распустили без вознаграждения, триумфа и даров, нас, сражавшихся в течение десяти лет, нас, совершивших столько войн и одержавших бесчисленное множество побед, нас, приобретших для отечества 400 племен иберов, галлов и британцев. Хотя я их призывал к справедливости, они меня не послушались. И щедрость моя на них не подействовала. Вы знаете, что я некоторых отпустил, не причинив им никакого вреда, надеясь, что ими все же будет оказана нам хотя бы некоторая справедливость. За все это в совокупности вы мне сегодня воздайте, за все о вас, если вы это сознаете, попечение, верность и щедрость в вознаграждении.
74. К тому же вам, войскам, во многих трудах испытанным, одержать верх над новобранцами тем более легко, что они склонны, как мальчишки, еще к недисциплинированности и непослушанию своему военачальнику, о котором я узнал, что он со страхом и вопреки своей воле выступает в бой, так как счастье его уже склонилось и он во всем стал вял и медлителен и не столько повелевает, сколько подчиняется. Все это я говорю только об италийцах; что же касается их союзников, то о них не думайте вовсе, не принимайте их в расчет и не сражайтесь с ними совершенно, ибо сирийцы, фригийцы и лидийцы рабы и всегда готовы к бегству и рабству. Им, я это твердо знаю, и вы это сами скоро увидите, даже сам Помпей не поручит сражаться в боевых рядах. Следите только за италийцами, не обращая внимания на то, что союзники, наподобие собак, будут бежать вокруг вас и поднимать шум. Но обратив врага в бегство, италийцев как своих единоплеменников щадите, а союзников истребляйте, чтобы навести ужас на тех. Но прежде всего нужно, чтобы я видел, что вы помните свое обещание победить или умереть; поэтому разрушьте, выступая в бой, возведенные вами укрепления, засыпьте ров, чтобы у нас ничего не оставалось, если мы не победим, чтобы враги видели, что вы не имеете своего лагеря, и сознавали, что у вас нет иного выхода, как занять их лагерь".
75. Так сказал Цезарь и при этом послал все же для охраны палаток две тысячи совершенно престарелых людей. Остальные, выйдя в глубоком молчании, разрушили укрепления и свалили их в ров. Помпей, увидя это - некоторые полагали, что это подготовка к бегству, - осознал всю смелость противника и со стоном сказал себе, что им приходится тягаться со зверьми и что верное средство против зверей - это голод. Но теперь уже было поздно, положение же было критическое. Поэтому он, оставив 4.000 италийцев для охраны лагеря, сам выстроил остальных между городом Фарсалом и рекой Энипеем, там, где и Цезарь расположился напротив него. И тот и другой вождь выстроили италийцев во фронт, разделив их на три части, отстоящие одна от другой на небольшом расстоянии, а конницу расположили на своих флангах, рассеяв повсюду между ними стрелков и пращников. Так выстроили они италийское войско, ибо каждый из вождей больше всего полагался на эти силы. Союзников они выстроили отдельно, ведя их как бы только для показа. Особенно у Помпея это союзное войско было многошумное и многоязычное. И из них македонцев, пелопоннесцев, беотийцев и афинян, молчаливость и дисциплину которых Помпей одобрял, он выстроил на фланге италийцев, а всех остальных, как Цезарь и предполагал, оставил вне боевого строя по племенам, чтобы они, когда битва пойдет врукопашную, окружили врагов и преследовали их, нанося им как можно больше вреда, и разграбили лагерь Цезаря, больше уже не защищенный рвом.
76. Предводителями у Помпея были; в центре фаланги - его шурин Сципион, на левом крыле - Домиций, на правом - Лентул; Афраний и Помпей охраняли лагерь. У Цезаря предводительствовали Сулла, Антоний и Домиций; сам он заблаговременно выстроился с

STATIO ANTIQVITATIS

десятым легионом, как это у него было в обычае. Увидев это, враги направили сюда лучших своих всадников, чтобы они, имея перевес в количестве, если смогут, окружили его. Поняв это, Цезарь устроил засаду из 3.000 наиболее смелых пехотинцев, которым приказал, когда они заметят, что враги бегут вокруг них, выскочить из засады и прямо метать свои копья в лоб всадникам, которые, будучи неопытными и молодыми, дорожа своей наружностью, не вынесут опасности, направленной им прямо в лицо. Так замышляли вожди друг против друга, и каждый из них обходил своих, делал необходимые распоряжения, призывая к храбрости и назначая пароли: Цезарь "Афродита Победоносная", а Помпей - "Геракл Непобедимый".

77. Когда уже все было готово, противники еще долгое время оставались неподвижно в глубоком молчании, все еще только собираясь и медля, и глядели друг на друга, которая из двух сторон первая начнет битву. Большинство было преисполнено жалости, ибо никогда еще до сих пор италийское войско в таком количестве не сталкивалось друг с другом, подвергаясь одной опасности, и, будучи избранными храбрецами обоих лагерей, они жалели друг друга, в особенности потому, что видели, что италийцы идут против италийцев. При приближении бедствия честолюбие, воспламеняющее и ослепляющее всех, погасло и перешло в страх; размышление очистило их от тщеславия, взвешивало опасность и вину, по которой два мужа спорили друг с другом из-за первенства и подвергали опасности свое счастье; два мужа, которые при поражении не смогут быть даже последними, подвергают опасности такое количество благородных мужей. Им пришло на ум, что они были до сих пор друзьями и родственниками и много друг другу содействовали в славе и силе, а теперь несут они мечи один против другого и ввергают подчиненные им войска в подобное же беззаконие, ведя друг на друга единоплеменников и граждан, соплеменников и сородичей, иногда даже и братьев. И это имело место в этой битве, ибо много противоестественного случилось, когда неожиданно столько тысяч из одного народа пришли в столкновение друг с другом. Каждый из вождей при этой мысли преисполнился раскаянием, которое, однако, при настоящем положении дела было бессильно; и, сознавая, что этот день сделает одного из них или первым или последним на всей земле, они медлили приступить к такому рискованному шагу. Говорят, оба вождя даже прослезились.

78. Так, пока они еще медлили и взирали друг на друга, застиг их день. Все италийское войско продолжало стоять спокойно, в строгом молчании. Помпей же, видя, что союзники его в страхе от медлительности, из опасения, чтобы они не нарушили дисциплины еще до сражения, дал первый сигнал к битве. Тогда Цезарь дал сигнал со своей стороны. Тотчас трубы, которых было множество в таком огромном войске на той и на другой стороне, громкими звуками дали призыв, торопили и глашатаи и начальники, обегая войска. Воины торжественно, с изумлением и молчанием шли друг на друга, так как они были испытанные в таких боях бойцы. Когда они приблизились, началось метание стрел и камней; и как только конница несколько опередила пехоту, начались с той и другой стороны попытки перейти в атаку, причем части Помпея, имея преимущество, стали окружать десятый легион Цезаря. Цезарь тогда подал знак сидевшим в засаде, и те, выскочив, устремились на конницу, ударяя направленными вверх копьями прямо в лицо всадников, которые, не вынеся отчаянной атаки и ударов в рот и глаза, в беспорядке бежали. Войско Цезаря, только что боявшееся быть окруженным, теперь само окружило пехоту Помпея, лишенную прикрытия конницы.

79. Помпей, узнав об этом, запретил своим пехотинцам делать вылазки, выбегать вперед из фаланги и метать стрелы, но стоя в вытянутых шеренгах с готовым к нападению копьем, защищаться врукопашную против наступающих. Эту стратегию Помпея некоторые хвалят как наилучшую при окружении врагом, Цезарь же в своих письмах порицает, так как, по его мнению, удары, нанесенные с размаха, имеют большую силу, да и храбрость людей возрастает от бега, при неподвижности же у войска дух падает, и для нападающих оно служит как бы прицелом. Так оно случилось и на этот раз. Десятый

STATIO ANTIQVITATIS

легион с Цезарем окружил левое крыло войска Помпея, лишенное конницы, осыпал неподвижно стоящие части со всех сторон копьями, пока нападавшие не привели их в замешательство, и силой заставил обратиться в бегство. Это и было началом победы Цезаря. При этом множество было убитых и раненых, много было и разнообразных эпизодов. При этой схватке, однако, не было никакого крика от фаланги, никаких восклицаний ни убиваемых, ни раненых; только слышались вздохи и стоны падающих с достоинством на том месте, где они были выстроены. Союзные войска, которые вели себя как зрители боевого состязания, были поражены выдержкой строя и от удивления не осмеливались окружить палатки Цезаря, хотя они охранялись людьми малочисленными и старыми, и только оставались на месте, полные удивления.

80. Когда левое крыло Помпея стало отступать - отступало оно шаг за шагом, не переставая сражаться, - союзные войска, ничего не предприняв, обратились в безоглядное бегство с криками: "Мы побеждены", и опрокидывали, словно вражеские, свои собственные палатки и заграждения, уничтожая их и похищая при своем бегстве все, что только они могли унести. Уже и другое крыло италийских войск Помпея, узнав о поражении левого крыла, стало медленно отступать, вначале в полном порядке и по мере возможности обороняясь, а затем под натиском врагов, окрыляемых удачей, оно тоже обратилось в бегство. Чтобы части войска Помпея вновь не соединились и чтобы таким образом было выиграно не одно лишь сражение, а вся война, Цезарь с большой хитростью разослал глашатаев по всем своим частям, во все стороны, чтобы победители-италийцы оставили в неприкосновенности своих единоплеменников и наступали только на союзников. Глашатаи, приблизившись к побежденным, убеждали их остановиться, ничего для себя на опасаясь. Один от другого узнавая это воззвание, они останавливались. И "стоять без страха" стало как бы паролем войска Помпея, тогда как в остальном оно ничем не отличалось от войска Цезаря, нося, как италийцы, ту же одежду и говоря на том же языке. Пробегая сквозь их ряды, войско Цезаря уничтожало союзников Помпея, которые не могли противостоять им, и наибольшая резня произошла здесь.

81. Помпей, увидев бегство своего войска, словно обезумел и медленно удалился в лагерь. Подойдя к своей палатке, он сел там безмолвный, наподобие Аякса Теламонида, о котором рассказывают, что он подобное же претерпел в Илионе, когда был окружен врагами и когда божество помрачило ему ум. Из остальных лишь очень немногие последовали за Помпеем в лагерь: воззвание Цезаря остановило их на месте без страха, войско же Цезаря, обежав войска Помпея, разъединило их по частям. К концу дня Цезарь, неутомимо повсюду обегая войско, увещевал еще понатужиться, пока не возьмут лагерь Помпея, причем объяснял, что если враги снова соберутся с силами, они окажутся победителями одного дня, если же лагерь врагов будет захвачен, этим делом приведена будет к благополучному концу вся война. С этой мольбой протягивал к войску Цезарь руки и сам первый открыл преследование. Физически многие из войска Цезаря были утомлены, но дух их поддерживали эти рассуждения и сам полководец тем, что шел с ними вместе на врага. Побуждала их к тому удача всего происшедшего и надежда, что, захватив лагерь Помпея, они заберут в нем много добычи, - в надежде и при удачах люди меньше всего чувствуют усталость. В таком состоянии они снова устремились вперед и напали на лагерь, совершенно пренебрегая противящимися этому. Помпей, узнав это, очнулся из странного своего молчания и воскликнул: "Неужели и против нашего укрепления?",- и, сказав это, переменил одежду, сел на лошадь и в сопровождении четырех друзей не останавливался в бегстве, пока в начале следующего дня не прибыл в Лариссу. Цезарь, согласно угрозе, высказанной, когда выстраивал свои войска в бой, остановился в укреплении Помпея и вкусил там пищу, приготовленную для Помпея, а все его войско - пищу врагов.

82. Убитых с обеих сторон италийцев (число убитых союзников не было установлено как из-за их многочисленности, так и из-за пренебрежения к ним) было в войске Цезаря тридцать центурионов и двести легионеров, а по другим источникам, тысяча двести, в

STATIO ANTIQVITATIS

войске Помпея - 10 сенаторов, среди них и Луций Домиций, посланный сенатом к Цезарю в Галлию в качестве его преемника, и около 40 так называемых всадников из знатных. Из остального войска - те писатели, которые склонны преувеличивать, называют цифру в 25.000, но Азиний Поллион, один из командиров Цезаря в этой битве, пишет, что трупов, принадлежавших сторонникам Помпея, было найдено 6.000.
Таков был конец знаменитой битвы при Фарсале. Первую и вторую боевые награды получил сам Цезарь, признанный всеми наиболее отличившимся, а с ним вместе и десятый легион. Третья боевая награда была присуждена центуриону Крассинию, который, будучи спрошен Цезарем, вышедшим в бой, о предстоящем исходе его, громко воскликнул: "Мы победим, Цезарь, и живого или мертвого, но меня ты сегодня похвалишь". Все войско свидетельствовало, что все время Крассиний, словно одержимый, беспрерывно обегал ряды, совершая много блестящих дел. После поисков он был найден среди трупов. Цезарь возложил на него боевую награду, похоронив его в особой могиле вблизи братского погребения.

Вопросы по тексту источника:

1. Какова была, по сведениям Аппиана, численность войск Цезаря и Помпея?
2. Каким образом повлиял полководческий талант Цезаря на ход боевых действий гражданской войны?

1.3. Цезарь в Египте. Кампания против Фарнака.

Аппиан. Гражданские войны. Книга II. Пер. М.С. Альтмана.

83. Помпей, с прежней скоростью спеша из Лариссы к морю, сел на маленькую лодку и, встретив проплывавший корабль, переправился в Митилену. Там он забрал свою жену Корнелию и на четырех кораблях, которые ему послали родосцы и тирийцы, отправился, оставив без внимания в тот момент Коркиру и Африку, где у него было другое многочисленное войско и невредимый флот, и устремился на восток, в Парфию, где собирался, опираясь на нее, восстановить утерянное. Намерение свое он долго скрывал, пока не рассказал о нем своим друзьям, будучи уже в Киликии. Они просили его остерегаться Парфии, против которой еще недавно строил свои планы Красс и которая еще воодушевлена его поражением, и просили не вести в страну необузданных варваров красавицу-жену, Корнелию, особенно как бывшую жену Красса. Когда он стал делать другие предложения относительно Египта и Юбы, то его друзья, отказавшись от последнего как от человека, ничем не прославившегося, согласились с ним в отношении Египта, который и был близок и представлял обширное государство, а также и потому, что он был богат и могуществен кораблями, хлебом и деньгами. Цари же его, хотя еще были детьми, по своим родителям являлись друзьями Помпея.
84. По всем этим соображениям Помпей отплыл в Египет. Как раз незадолго до этого Клеопатра, которая управляла Египтом вместе с братом, убежав из Египта, набирала войско в Сирии; брат Клеопатры, Птолемей, охранял Египет у горы Касия от вторжения Клеопатры. Каким-то злым гением ветер отнес судно Помпея как раз к этому месту. Увидев на суше большое количество войска, Помпей остановил свой корабль, предположив, как оно и в самом деле было, что там находится царь, и, послав к нему, напомнил о себе и о дружбе к нему отца Птолемея. Птолемею было тогда еще только около 13 лет; он находился под опекой Ахиллы, который командовал войсками, и евнуха Пофина, который ведал финансами. Относительно Помпея они устроили предварительное совещание, и тут же присутствовавший ритор Феодот из Самоса, учитель Птолемея, предложил преступное дело - заманить Помпея в засаду и убить его, чтобы этим угодить Цезарю. Когда это мнение было принято, Помпею, под предлогом, что здесь море мелкое и неудобное для больших кораблей, была послана невзрачная лодка, в которую село

STATIO ANTIQVITATIS

несколько царских гребцов. Был на этой лодке и некий Семпроний, римлянин, в то время служивший в войске Птолемея, прежде же служивший у самого Помпея. Этот Семпроний приветствовал Помпея от имени царя и пригласил его плыть к юному правителю как к другу. В то же время и все войско, как бы из почтения к Помпею, выстроилось вдоль берега, а в центре войска выделялся одетый в пурпур царь.

85. Помпею все это показалось подозрительным: и расположение в боевом порядке войска, и качество судна, за ним посланного, и то, что за ним не приплыли ни сам царь, ни его наиболее видные приближенные. При этих обстоятельствах Помпей на память привел стихи Софокла: "Кто направляется к тирану, превращается в его раба, хоть если бы пришел к нему свободным", и сел в лодку. Во время плаванья, когда все вокруг него молчали, подозрение Помпея еще более усилилось. Потому ли, что Помпей узнал в Семпроний римлянина, вместе с ним сражавшегося, или потому что, видя все время его одного только стоящим, он предполагал, что он делал это согласно воинской дисциплине, по которой воин не смеет сесть в присутствии своего начальника, Помпей обратился к нему с вопросом: "Тебя ли я вижу, соратник?" Семпроний в ответ на это кивнул головой, и как только Помпей повернулся, нанес ему первый удар сам, а за ним и другие. Жена Помпея и его друзья, все это видевшие издалека, закричали и, простирая руки к богам мстителям за вероломство, поспешно отплыли, как от вражеской страны.

86. Приближенные Пофина, отрубив голову Помпея, сохранили ее для передачи Цезарю, чтобы получить от него за это великую благодарность; на самом деле Цезарь достойно наказал их за вероломство, все же остальное тело кто-то похоронил на побережье и насыпал на нем невзрачный холм, а кто-то написал следующую эпитафию: "Мелкий холмик покрывает здесь того, кто владел храмами". С течением времени вся могила целиком скрылась под песком, а бронзовые изображения, которые родственники Помпея впоследствии ему посвятили в ближайшем храме у Касия, оказались поврежденными и снесенными в недоступную часть святилища. Там их, уже в мое время, римский император Адриан, проезжая по Египту, искал и, найдя, снова привел в порядок могилу Помпея, так что ее можно было узнать, и исправил изображения самого Помпея. Таков был конец Помпея, завершившего великие войны и принесшего великую пользу римскому владычеству, за что он и был назван "Великим"; до того он никогда не был побежден, но с самой юности был непобедим и счастлив. И с 23 до 58 лет Помпей управлял Римом непрерывно, будучи по силе своей подобен монарху. Соперничая же с Цезарем, он считался демократическим правителем.

87. Луций Сципион, шурин Помпея, и другие наиболее знатные лица, спасшиеся в битве при Фарсале, спешно собрались все на Коркире у Катона, который был оставлен во главе еще одной армии и 300 кораблей. Они поступали более осмотрительно, чем Помпей. Наиболее знатные из них разделили между собой морские силы: Кассий отплыл в Понт к Фарнаку, чтобы поднять его против Цезаря, Сципион и Катон отплыли в Африку, надеясь на поддержку Вара и его войска и на Юбу, нумидийского царя, их союзника. Помпей, старший сын Помпея Великого, и с ним Лабиен и Скапула, отправились с частью армии в Испанию и, восстановив ее против Цезаря, набрали там новое войско из иберов, кельт-иберов и рабов и, таким образом, оказались в еще большей боевой готовности, чем раньше. Такие огромные силы были еще в резерве у Помпея, а он, ни во что их не ставя, убежал, как одержимый неким духом. Войска, которые находились в Африке, хотели, чтобы над ними начальствовал Катон, но он отказался, так как налицо имелись консулы, которые по сану своему стояли выше его: в Риме Катон был только претором. Начальником поэтому был сделан Луций Сципион. И здесь набиралось большое войско и занималось упражнениями. Эти-то две армии, в Африке и в Испании, наиболее достойные упоминания боевые силы, заготовлены были против Цезаря.

88. Сам Цезарь после победы два дня оставался в Фарсале, совершая жертвоприношения и приводя в порядок войско после битвы. Затем он отпустил на свободу своих союзников фессалийцев, а афинян, просивших у него милости, он простил и сказал: "Сколько раз вас,

STATIO ANTIQVITATIS

которые сами себя губите, еще спасет слава ваших предков!" На третий день, чтобы узнать, куда бежал Помпей, Цезарь направился на восток и, за неимением больших военных кораблей, переплыл Геллеспонт на маленьких челноках. Кассий, направлявшийся к Фарнаку, как раз показался с частью флота в то время, когда Цезарь находился в середине своей переправы. И, конечно, своими военными кораблями он одолел бы маленькие суда Цезаря, но от страха перед счастьем его, столь прославленным и внушающим ужас, Кассий, полагая, что Цезарь идет нарочно на него, протянул руки к нему (с кораблей к лодке!), попросил прощения и передал ему свой флот. Так велика была слава об успехах Цезаря. Ибо я не вижу никакой другой причины и не знаю никакого другого объяснения удачи Цезаря при столь неблагоприятных условиях, когда Кассий, будучи человеком весьма воинственным и владея 70 триремами, не решился вступить в бой с Цезарем, встретившимся с ним совершенно неподготовленным. Кассий из одного только страха перед проплывающим мимо него Цезарем так позорно сдался, а впоследствии он убил Цезаря, когда тот в Риме был уже полным властелином. Очевидно, Кассием овладел в свое время особенный страх перед удачливостью Цезаря, возвышавшей последнего.

89. Так неожиданно спасшись. Цезарь переплыл Геллеспонт и простил ионийцев, эолийцев и все те племена, которые живут на большом полуострове, называемом Нижней Азией; прощение он передал через послов, которых они ему выслали с просьбой об этом. Узнав, что Помпей отправился в Египет, Цезарь отплыл к Родосу. Не дожидаясь там своего войска, которое прибывало частями, он со всеми наличными силами сел на триремы, взятые у Кассия и родосцев. Куда именно он направил плавание, он никому не открыл и, выведя корабли в море вечером, приказал кормчим всех следовавших за ним кораблей править ночью по свету, а днем по знамени с его собственного корабля. Кормчему же своего корабля он, далеко уже отплыв от земли, велел направиться к Александрии. По истечении трехдневного плавания он прибыл к Александрии. Царь Птолемей еще находился у Касия, и его опекуны приняли Цезаря радушно. Вначале Цезарь из-за малочисленности бывших с ним сил прикинулся беспечным, не преследующим никаких политических целей, дружески принимал всех, кто к нему обращался, и, обходя город, дивился его красоте и, стоя среди народа, прислушивался к философам. Благодаря такому образу действий он снискал благодарность и добрую славу со стороны александрийцев как человек, не вмешивающийся в их дела.

90. Когда же к нему приплыло войско, он за преступление по отношению к Помпею покарал смертью Пофина и Ахиллу, Феодота же, убежавшего, повесил впоследствии Кассий, отыскав его в Азии. Когда вследствие этого александрийцы заволновались и царское войско обратилось против Цезаря, произошли различные схватки вокруг царского дворца и на побережье рядом с ним. Однажды даже пришлось Цезарю, убегая оттуда, прыгнуть в море и проплыть от берега на большое расстояние под водой; александрийцы, захватив его плащ, повесили его как трофей. Однако наконец у него произошел у Нила бой с царем. В этом бою Цезарь одержал большую победу. Так прошло 9 месяцев, пока вместо Птолемея он не объявил Клеопатру царицей Египта. С Клеопатрой же Цезарь, обозревая страну, плавал по Нилу на 400 кораблях, предаваясь и другим наслаждениям. Но обо всем этом с большой точностью и подробностью рассказано в сочинении о Египте. Голову Помпея, преподнесенную ему, Цезарь не взял, но приказал похоронить и воздвигнуть в честь нее недалеко от города святилище, которое было названо святилищем Немесиды. Это святилище в мое время, в царствование императора Траяна, когда он в Египте уничтожал иудеев, было срыто Траяном из военных соображений.

91. Совершив все это в Александрии, Цезарь через Сирию устремился против Фарнака. Последний между тем успел совершить многое: он занял несколько римских селений и, столкнувшись в бою с претором Цезаря Домицием, одержал над ним блестящую победу, после которой, весьма возгордившись, обратил жителей города Амиса, на Понте, сочувствующего римлянам, в рабство и всех сыновей их оскопил. Когда Цезарь стал

STATIO ANTIQVITATIS

приближаться, Фарнак устрашился и раскаялся в своем поведении, и когда Цезарь был от него на расстоянии 200 стадиев, выслал к нему послов для заключения мира: послы поднесли Цезарю золотой венок и, по своей глупости, предложили ему обручиться с дочерью Фарнака. Цезарь, узнав об этом предложении, продвинулся со своим войском и шел сам впереди, беседуя с послами, пока не подошел к укреплению Фарнака. Тогда он воскликнул: "Неужели этот отцеубийца не получит своей кары немедленно?", - вскочил на коня и уже при первой атаке обратил Фарнака в бегство и многих из его войска перебил, хотя у самого Цезаря было только около тысячи всадников, выбежавших первыми с ним в атаку. Тогда он, как передают, сказал: "О, счастливый Помпей! Так, значит, за то тебя считали великим и прозвали Великим, что ты сражался с такими людьми при Митридате, отце этого человека!" В Рим Цезарь об этом сражении послал следующее донесение: "Пришел, увидел, победил".

92. Фарнак после этого поражения убежал в Боспорское царство, полученное им от Помпея. Цезарь, не задерживаясь на мелочах, в то время как ему предстояли крупные войны, отправился в Азию. По пути он разбирал дела городов, чрезмерно обремененных откупщиками податей, но об этом мной уже рассказано в книге об Азии. В это же время, узнав, что в Риме произошло восстание и что Антоний, начальник его конницы, вынужден с войском охранять форум, Цезарь все бросил и поспешно направился к Риму. Когда он прибыл туда, гражданское волнение улеглось. Но вспыхуло новое волнение уже в самих войсках из-за того, что им не выдали вознаграждений, которые были им обязаны выдать за победу при Фарсале, и из-за того, что они до сих пор еще, вопреки закону, продолжают оставаться на военной службе. Войска требовали, чтобы их всех распустили по домам. Цезарь и в самом деле им однажды обещал какие-то неопределенные награды в Фарсале и другой раз - по окончании войны в Африке. В ответ на все эти требования Цезарь послал к солдатам некоторых из начальников с обещанием выдать каждому воину еще по 1.000 драхм. Но войско ответило, что оно не хочет больше обещаний, а чтобы деньги были выданы тотчас. Саллюстий Крисп, посланный к ним по поводу этого, чуть не был убит, его спасло только бегство. Цезарь, узнав это, послал другой легион солдат, которые по приказанию Антония охраняли город, и велел караулить его дом и ворота Рима, опасаясь грабежа. Сам же, несмотря на то, что все боялись и увещевали его остерегаться нападения со стороны войска, в то время как войска еще продолжали волноваться, весьма храбро направился к ним на Марсово поле без всякого о том предуведомления и показался на трибуне.

93. Солдаты с шумом, но без оружия, сбежались и, как всегда, увидев внезапно перед собою своего императора, приветствовали его. Когда он их спросил, чего они хотят, они в его присутствии не осмелились говорить о вознаграждении, но кричали, считая требование, чтоб их уволили, более умеренным, надеясь лишь, что, нуждаясь в войске для предстоящих войн, Цезарь с ними будет говорить и о вознаграждениях. Цезарь же, к изумлению всех, нисколько не колеблясь, сказал: "Я вас увольняю". Когда они были еще более этим поражены и когда настала глубокая тишина, Цезарь добавил: "И выдам все обещанное, когда буду справлять триумф с другими войсками". Когда они услышали такое неожиданное для себя и одновременно милостивое заявление, ими овладел стыд, к которому присоединились расчет и жадность; они понимали, что если они оставят своего императора в середине войны, триумф будут справлять вместо них другие части войск, а для них будет потеряна вся добыча с Африки, которая, как они полагали, должна быть велика; к тому же, будучи до сих пор ненавистны врагам, они станут теперь ненавистны также и Цезарю. Беспокоясь и не зная, что предпринять, солдаты совсем притихли, дожидаясь, что Цезарь им в чем-нибудь уступит и под давлением обстоятельств передумает. Цезарь со своей стороны тоже замолк, и когда приближенные стали увещевать его что-нибудь сказать еще и не говорить кратко и сурово, оставляя войско, с которым столь долго он вместе воевал, он в начале своего слова обратился к ним

STATIO ANTIQVITATIS

"граждане" вместо "солдаты"; это обращение служит знаком того, что солдаты уже уволены со службы и являются частными людьми.
94. Солдаты, не стерпев этого, крикнули, что они раскаиваются и просят его продолжать с ними войну. Когда же Цезарь отвернулся и сошел с трибуны, они с еще большей стремительностью и криками настаивали, чтобы он не уходил и наказал виновных из них. Он еще чуть-чуть задержался, не отвергая их просьбы и не возвращаясь на трибуну, показывая вид, что колеблется. Однако все же он взошел на трибуну и сказал, что наказывать из них он никого не хочет, но он огорчен, что и десятый легион, который он всегда предпочитал всем другим, принимал участие в мятеже. "Его одного, - сказал он, - я и увольняю из войска. Но и ему я отдам обещанное, когда вернусь из Африки. Когда война будет закончена, я всем дам землю, и не так, как Сулла, отнимая ее у частных владельцев и поселяя ограбленных с ограбившими рядом, так что они находятся в вечной друг с другом вражде, но раздам вам землю общественную и мою собственную, а если нужно будет, и еще прикуплю". Рукоплескания и благодарность раздались от всех, и только десятый легион был в глубокой скорби, так как по отношению к нему одному Цезарь казался неумолимым. Солдаты этого легиона стали тогда просить метать между ними жребий и каждого десятого подвергнуть смерти. Цезарь при таком глубоком раскаянии не счел нужным их больше раздражать, примирился со всеми и тут же направил их на войну в Африку.

Вопросы по тексту источника:

1. Какова была – в описании Аппиана – роль Марка Порция Катона в событиях гражданской войны 49-45 гг. до н.э.?
2. При каких обстоятельствах Цезарь произнес фразу: «Veni, vidi, vici»?

1.4. Африканская кампания Цезаря. Разгром помпеянских войск в Испании.

Аппиан. Гражданские войны. Книга II. Пер. С.И. Ковалева и М.С. Альтмана.

44. Таково было положение дел у Цезаря. В Африке у Помпея командовал Вар Аттий; Юба, царь мавританских номадов, был с ним в союзе. Курион в интересах Цезаря напал на них из Сицилии с двумя легионами, двенадцатью большими военными кораблями и многими грузовыми судами. Он пристал к Утике и в небольшом конном сражении около нее обратил в бегство нескольких всадников из номадов. Войску, стоящему еще под оружием, Курион позволил провозгласить себя императором. Это почетное имя дается полководцу воинами, которые тем самым как бы свидетельствуют, что он достоин быть их повелителем. В старину полководцы принимали эту почесть в награду за всякие великие дела, теперь же, как я узнаю, чтобы заслужить ее, необходимо уложить 10.000 человек.
Еще когда Курион плыл из Сицилии, африканцы предполагали, что он из честолюбия разобьет лагерь возле вала Сципиона, привлеченный славой его подвигов, и отравили там воду. Они не ошиблись в расчете. Курион устроил здесь стоянку, и войско тотчас заболело. У тех, кто пил воду, зрение становилось неясным, как в тумане, наступал глубокий обморок, а после него разнообразные извержения пищи и судороги во всем теле. Вследствие этого Курион начал переносить лагерь к самой Утике, ведя войско, ослабевшее от болезни, через большое и длинное болото. Когда же до них дошла весть о победе Цезаря в Испании, они снова ободрились и построились к битве у моря в небольшом укреплении. В происшедшем сильном сражении у Куриона пал один человек, у Вара же шестьсот; еще больше было ранено.
45. Когда подходил Юба, появился ложный слух, что он повернул назад около реки Баграда, отстоявшей недалеко оттуда, так как-де его царство опустошилось соседями.

STATIO ANTIQVITATIS

Рассказывали, что он оставил на реке полководца Сабурру с небольшим только отрядом. Доверяя этой ложной молве, Курион, жарким летом, около третьего часа дня, песчаной и безводной дорогой повел свои главные силы на Сабурру. Ибо если и оставалась кое-какая зимняя влага, она была высушена жаром солнца, а реку же занимал Сабурра и сам царь, который находился там же. Введенный в заблуждение, Курион поднялся на холмы с войском, измученным усталостью, зноем и жаждой. Когда враги увидели его в таком состоянии, они начали переходить реку в полной боевой готовности. А Курион с весьма неразумной смелостью начал спускаться с холмов, ведя совершенно ослабевшее войско. Когда его окружили всадники номадов, он на некоторое время отступил и стянул войско. Но теснимый врагом, Курион снова отступил на холмы. Азиний Поллион в начале несчастья бежал с немногими людьми к лагерю в Утике, чтобы Вар как-нибудь не напал на него при известии о поражении Куриона. Последний, храбро сражаясь, пал вместе со всем наличным войском, так что за Поллионом никто не вернулся в Утику. Таков оказался результат битвы на реке Багради. Отрезанная голова Куриона была доставлена Юбе.

46. Когда о несчастье стало известно в лагере у Утики, командующий флотом Фламма немедленно бежал с флотом, прежде чем успел принять к себе кого-нибудь из находящихся на берегу. Азиний, переправившись на легкой лодке к стоящим на море купцам, просил их подплыть к берегу и взять войско. Некоторые действительно подплыли ради этого ночью к берегу, но когда солдаты все вместе поднялись на корабли, те начали тонуть. Тогда купцы большую часть солдат, успевших выехать в море и имевших деньги, побросали в воду, прельстившись их деньгами. Вот что случилось с теми, которые взошли на корабли. С оставшимися же на берегу еще ночью произошло иное, хотя и нечто подобное. Днем они сдались Вару, а когда прибыл Юба, он поставил их около стены и приказал их переколоть как остатки своей победы. Юба сделал это без согласия Вара и ни о чем не подумав. Таким образом погибло два римских легиона, прибывших с Курионом в Африку, погибли все всадники, легковооруженные и обозная прислуга. А Юба вернулся домой, считая все это дело большой заслугой перед Помпеем…

95. Совершив переправу из Регия в Мессену, Цезарь прибыл в Лилибей. Узнав, что Катон с частью морских и сухопутных сил охраняет снаряжение для войны в Утике вместе с теми 300, которые издавна были назначены военными советниками при нем под именем сената, а верховный начальник Луций Сципион с лучшими частями войск воюет в Гадрумете, Цезарь поплыл против Сципиона. Сципион как раз в это время, оказалось, направился к Юбе, и Цезарь приготовился к бою у лагеря Сципиона, считая, что выгодно сражаться с врагом в отсутствии его полководца. Ему противостояли Лабиен и Петрей, помощники Сципиона, они одержали над Цезарем большую победу, обратив в бегство его войско и преследуя его с гордостью и презрением до тех пор, пока раненная в живот лошадь не сбросила Лабиена. Лабиена тотчас унесли его телохранители, стоявшие со щитами возле сражающегося. Петрей, полагая, что войско оказалось при испытании на высоте и что он сумеет одержать победу, когда захочет, не стал продолжать начатое преследование и сказал: "Не будем отнимать победу у нашего полководца Сципиона". Остальное было делом счастья Цезаря: когда враги, как казалось, могли победить, победители сами внезапно прекратили сражение. Передают, что во время бегства своего войска Цезарь приставал ко всем воинам, чтобы они повернулись, кого-то из несущих "орлов" - самые главные знамена у римлян - Цезарь повернул своей рукой и вновь направил вперед, пока Петрей не повернул обратно, а Цезарь охотно вновь отступил. Таков был результат первого сражения Цезаря в Африке.

96. Когда немного спустя после этого стали ожидать прибытия самого Сципиона с 8 легионами пехоты, 20.000 конницы, среди которых было большинство ливийцев, со множеством легковооруженных солдат и до 30 слонов, а со Сципионом еще прибыл Юба с другими 30.000 пехотинцев и 20.000 нумидийской конницы, множеством копийщиков и 60 слонами, войско Цезаря охватил ужас, и оно было в замешательстве как от того испытания, которому оно уже подверглось, так и от славы наступавших и

STATIO ANTIQVITATIS

многочисленности, и большого мужества особенно нумидийских всадников. Пугала и война против слонов, для них совершенно непривычная. В это самое время мавританский вождь Бокх захватил царскую резиденцию Юбы - Цирту, и Юба, извещенный об этом, поспешно со всем своим войском возвратился к себе, оставив Сципиону только 30 слонов. Вследствие этого войско Цезаря настолько приободрилось, что пятый легион даже попросил выстроить его против слонов и одержал над противником полную победу. И еще поныне этому легиону присвоен за это на знамени знак "слона".

97. Происшедшее сражение было значительным, упорным на всем своем протяжении, с переменным счастьем, но к вечеру одолел, хотя и с трудом, Цезарь, который для того, чтобы довести победу до конца, не прекратил победоносного сражения и при наступлении ночи и тотчас захватил лагерь Сципиона.

Враги по частям разбежались, кто куда мог, а сам Сципион с Афранием, бросив все, бежали морем с 12 невооруженными кораблями. Таким образом, и эта армия, состоявшая приблизительно из 80 тысяч человек, в течение долгого времени обученная, после первой битвы внушавшая храбрость и надежду, при втором столкновении полностью была уничтожена. О Цезаре между тем распространилась слава, что у него особая судьба быть непобедимым; никто из побежденных Цезарем не приписывал этого одной только доблести Цезаря, но и свои собственные ошибки они также приписывали счастью Цезаря. Ибо и эта война так быстро была проиграна из-за нерасчетливости полководцев, выступавших против Цезаря, которые, с одной стороны, не изнуряли его, когда он бывал в затруднительных обстоятельствах в чужой стране, с другой стороны, не довели первую победу до конца.

98. Когда на третий день стало обо всем этом известно в Утике, а также и о том, что Цезарь направляется прямо туда, началось невольное общее бегство. Катон никого не удерживал, но всем из знатных, кто у него просил корабли, давал их. Сам он остался в совершенном спокойствии, и утикийцам, обещавшим ему, что будут за него ходатайствовать еще раньше, чем за себя, смеясь ответил, что он не нуждается в примирении с ним Цезаря. Он, Катон, убежден в том, что и Цезарь это прекрасно знает. Перечислив все свои склады и о каждом из них выдав документы утическим правителям, Катон к вечеру принял ванну и, сев за ужин, ел, как он привык с тех пор, как умер Помпей. Он ничего не изменил в своих привычках, не чаще и не реже, чем всегда, обращался к присутствующим, беседовал с ними относительно отплывших, расспрашивал насчет ветра - благоприятен ли он, о расстоянии, которое они уже отплыли, - опередят ли они прибытие Цезаря на Восток. И отправляясь ко сну, Катон также не изменил ничего из своих привычек, кроме того только, что сына своего обнял более сердечно. Не найдя у постели обычно там находящегося своего кинжала, он закричал, что его домашние предают его врагам, ибо чем другим, говорил он, сможет он воспользоваться, если враги придут ночью. Когда же его стали просить ничего против себя не замышлять и лечь спать без кинжала, он сказал весьма убедительно: "Разве, если я захочу, я не могу удушить себя одеждой или разбить голову о стену, или броситься вниз головой, или умереть, задержав дыхание?" Так говоря, убедил он своих близких выдать ему его кинжал. Когда он его получил, он попросил Платона и прочел его сочинение о душе.

99. Когда он окончил диалог Платона, то, полагая, что все, которые находились у его дверей, заснули, поразил себя кинжалом под сердце. Когда выпали его внутренности и послышался какой-то стон, вбежали те, которые находились у его дверей; еще целые внутренности Катона врачи опять вложили внутрь и сшили разорванные части. Он тотчас притворился ободренным, упрекал себя за слабость удара, выразил благодарность спасшим его и сказал, что хочет спать. Они взяли с собой его кинжал и закрыли двери для его спокойствия. Он же, представившись будто он спит, в молчании руками разорвал повязки и, раскрыв швы раны, как зверь разбередил свою рану и живот, расширяя раны ногтями и роясь в них пальцами и разбрасывая внутренности, пока не умер. Было ему тогда около 50 лет, и славу имел он человека самого непоколебимого в следовании тому,

STATIO ANTIQVITATIS

что он признавал правильным, а следовал он справедливому, должному и прекрасному не только в своем поведении, но и в помыслах, выявляя исключительное величие души. Так, Марцию, дочь Филиппа, с которой он сочетался, когда она была девицей, и которую он очень любил и от которой имел детей, он тем не менее отдал одному из своих друзей, Гортензию, жаждавшему иметь детей и не имевшему их, так как был женат на бесплодной. Когда жена Катона забеременела и от друга, он вновь взял ее к себе в дом, как бы дав ее ему взаймы. Таков был Катон. Утикийцы пышно его похоронили. Цезарь по поводу его смерти сказал, что Катон из зависти лишил его возможности красивой демонстрации, а когда Цицерон в честь умершего составил похвальное слово под заглавием "Катон", Цезарь, со своей стороны, написал обвинительное слово и назвал его "Анти-Катон".

100. Юба и Петрей, узнав о всем происшедшем и не имея никаких средств ни к бегству, ни к спасению, во время обеда убили мечами друг друга. Цезарь объявил царство Юбы подданным Риму и во главе его назначил Саллюстия Криспа. Утикийцам и сыну Катона он даровал прощение. Также и дочь Помпея Великого, с двумя ее детьми захваченную в Утике, он отослал невредимыми к Помпею (сыну Помпея Великого). Всех, кого он захватил из совета трехсот, он истребил. Главнокомандующий Луций Сципион в бурное время столкнулся на море с неприятельскими кораблями. Он вел себя доблестно; когда же его захватили, то он умертвил себя и был брошен в море.

Вопрос по тексту источника:

1. Как, при опоре на тест Аппиана, можно ответить на вопрос о причине, по которой Марк Порций Катон покончил с собой?

2. Гражданские войны после смерти Цезаря (44-31 гг. до н. э.)

2.1. Начало гражданской войны. Битва при Мутине. Заключение II триумвирата.

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга II. Пер. А.И. Немировского.

IV. 4. Первый толчок к гражданским волнениям дало завещание Цезаря. Антоний, второй его наследник, придя в ярость от того, что предпочтение было отдано Октавию, упорно противодействовал введению одаренного юноши в наследство. (2) Его, едва достигшего восемнадцати лет, он считал изнеженным слабым юнцом, которого легко обмануть, а себя, благодаря совместной службе с Цезарем, человеком высшего достоинства. Поэтому он пытался расстроить вступление Октавия в наследование расхищением имущества, преследовал его личными нападками и всеми средствами мешал введению в род Юлиев. (3) Наконец, он выступил против юноши открыто, с оружием, и уже набрал армию, которая в Цизальпинской Галлии окружила препятствовавшего ее операциям Децима Брута. (4) Октавий Цезарь привлек к себе симпатии молодостью, допущенной по отношению к нему несправедливостью и величием имени, которое он принял. Он призвал к оружию ветеранов и — во что трудно поверить, — будучи частным лицом, напал на консула. (5) Сняв осаду Мутины, он освободил Брута и захватил лагерь Антония. При этом он проявил личную храбрость: будучи ранен и истекая кровью, выхватил легионного орла из рук умирающего знаменосца и отнес на своих плечах в лагерь…

IV. 6. Хотя Антоний сам по себе был достаточным препятствием к миру и обузой для государства, Лепид как бы добавил в пламя жару. Как быть, если против тебя два консула и две армии? Октавиану пришлось примкнуть к сообществу кровавого заговора. Различны были как стремления, так и природные качества триумвиров. (2) Лепидом руководила алчность, возлагавшая надежды на расстройство порядка в государстве, Антонием — жажда мести тем, кто объявил его врагом отечества, Цезарем — неотмщенный отец и

STATIO ANTIQVITATIS

ненавистные его манам Кассий и Брут. (3) Ради этого своеобразного договора три вождя заключили мир. У Конфлуентов, между Перузией и Бононией, они пожали друг другу руки и приветствовали войско. Триумвират вступил в силу, и в государство, подавленное оружием, вернулись, следуя недоброму примеру, проскрипции, жертвы которых — сто сорок сенаторов — не уступали сулланским. (4) Бесславный, печальный конец ожидал тех, кто искал опасения в бегстве по всему миру. И можно ли сетовать на эту жестокость, если Антоний включил в проскрипционный список своего дядю Луция Цезаря, а Лепид — брата Луция Павла. (5) Давно уже в Риме стало обычаем выставлять на рострах головы казненных. Однако граждане так и не смогли сдержать слез, когда увидели отрубленную голову Цицерона на его же собственных рострах, и, как прежде сбегались слушать, так теперь сбежались посмотреть. (6) Это преступление таблиц Антония и Лепида. Октавиан довольствовался убийцами отца: если б убийство Цезаря осталось неотомщенным, считалось бы справедливым убийство его самого.

Вопросы по тексту источника:

1. Назовите, основываясь на тексте Флора, причины образования II триумвирата.
2. Какова была роль Децима Брута в гражданской войне 44-42 гг. до н.э.?

2.2. Военные действия триумвиров против республиканцев.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Брут. Пер. С.П. Маркиша.

18. Итак, Цезарь умер, и Брут, выступив вперед, хотел произнести речь. Но как ни успокаивал он сенаторов, как ни старался удержать их на месте, все в ужасе, в величайшем смятении бежали, и у двери началась жестокая давка, хотя никто за ними не гнался: заговорщики твердо положили не убивать никого, кроме Цезаря, но всех призвать к освобождению. Правда, когда они обдумывали и обсуждали свой план, все высказывались за то, чтобы умертвить еще Антония, человека дерзкого и наглого, приверженца единовластия, ибо долгим общением с солдатами он приобрел большое влияние в войске, а главное – с неуемным и буйным нравом соединил теперь высокое достоинство консула, будучи товарищем Цезаря по должности. Но Брут решительно воспротивился этому намерению, во-первых, взывая к справедливости, а во-вторых, надеясь, что Антоний переменится. Он верил, что этот человек – с добрыми задатками, честолюбивый и жадный до славы – после убийства Цезаря будет увлечен их примером, их прекрасною целью и поможет отечеству вернуть утраченную свободу. Так Брут спас Антонию жизнь, но тот, охваченный страхом, переоделся в платье простолюдина и бежал.
Между тем Брут и его товарищи, с окровавленными руками, потрясая обнаженными мечами и кинжалами, двинулись вверх, на Капитолий, призывая сограждан к освобождению. Поначалу всюду звучали отчаянные крики, люди метались с места на место, увеличивая смятение, вызванное непредвиденным поворотом событий, но, убеждаясь, что ни дальнейшего кровопролития, ни грабежа брошенных без присмотра денег и товаров не происходит, все мало-помалу успокоились, и многие из сенаторов и незнатных граждан начали стекаться к Капитолию. Когда собралась большая толпа, Брут произнес подходящую к случаю речь, стараясь оправдаться перед народом и склонить его на свою сторону. Собравшиеся отвечали громкими похвалами и призывали всех сойти вниз, так что заговорщики, ободрившись, стали спускаться на форум. Во главе их шел Брут в блестящем окружении виднейших граждан; они торжественно свели его с Капитолия и поставили на ораторское возвышение. Это зрелище смутило пеструю и далеко не мирно настроенную толпу на форуме, она притихла и чинно ждала, что будет дальше. Когда Брут начал говорить, его не перебивали и слушали спокойно, но случившееся было по душе отнюдь не каждому, и это обнаружилось, едва только вперед выступил Цинна с обвинениями против убитого: площадь огласилась гневными воплями,

STATIO ANTIQVITATIS

Цинну осыпали бранью, так что в конце концов, заговорщикам пришлось снова удалиться на Капитолий. Брут опасался осады и, считая несправедливым, чтобы не участвовавшие в деле подвергали себя опасности наравне с ним и его товарищами, отослал лучших граждан, которые вместе с ним поднялись в крепость.

19. На другой день, однако, сенаторы сошлись на заседание в храм Земли и, выслушав Антония, Планка и Цицерона, – все трое говорили о единодушии и забвении прошлого, – постановили не только считать заговорщиков свободными от вины, но и просить консулов представить сенату мнение, какими наградами следует их почтить. После заседания Антоний немедленно отправил сына заложником на Капитолий, и когда Брут и его сообщники спустились, пошли взаимные приветствия и объятия, а затем Антоний пригласил к обеду Кассия, Лепид – Брута, и так каждый получил приглашение от кого-либо из своих друзей или доброжелателей. С первыми лучами солнца снова собрался сенат. Засвидетельствовав вначале свою признательность Антонию, за то, что он пресек междоусобную войну в самом зародыше, и обратившись с похвалами к тем из заговорщиков, которые присутствовали в курии, сенаторы произвели распределение провинций. Бруту был назначен Крит, Кассию – Африка, Требонию – Азия, Кимвру – Вифиния, другому Бруту – Галлия, что лежит по Эридану.

20. После этого заговорили о завещании и похоронах Цезаря, и Антоний требовал огласить завещание во всеуслышание, а тело предать погребению открыто и с надлежащими почестями – дабы лишний раз не озлоблять народ; Кассий резко возражал Антонию, но Брут уступил, совершив, по общему суждению, второй грубый промах. Его уже и прежде обвиняли в том, что, пощадив Антония, он сохранил жизнь жестокому и до крайности опасному врагу, а теперь, когда он согласился, чтобы Цезаря хоронили так, как желал и настаивал Антоний, это сочли ошибкою и вовсе непоправимой. Прежде всего, Цезарь отказывал каждому из римлян по семидесяти пяти драхм и оставлял народу свои сады по ту сторону реки (ныне там воздвигнут храм Фортуны) – и, узнав об этом, граждане ощутили пламенную любовь к убитому и горячую тоску по нему. Далее, когда тело было вынесено на форум, Антоний, произнося в согласии с обычаем похвальную речь умершему, заметил, что толпа растрогана его словами, переменил тон и с горестными сетованиями схватил и развернул окровавленную тогу Цезаря, всю изодранную мечами. От порядка и стройности погребального шествия не осталось и следа. Одни неистово кричали, грозя убийцам смертью, другие – как в минувшее время, когда хоронили народного вожака Клодия, – тащили из лавок и мастерских столы и скамьи и уже складывали громадный костер. На эту груду обломков водрузили мертвое тело и подожгли – посреди многочисленных храмов, неприкосновенных убежищ и прочих священных мест. А когда пламя поднялось и загудело, многие стали выхватывать из костра полуобгоревшие головни и мчались к домам заговорщиков, чтобы предать их огню. Но Брут и его единомышленники, надежно приготовившись заранее, отразили опасность.

Жил в Риме некий Цинна, поэт, не имевший к заговору ни малейшего отношения, напротив – верный друг Цезаря. Ему приснилось, будто Цезарь зовет его на обед, он отказывается, а тот упорно настаивает и, в конце концов, берет его – изумленного и испуганного – за руку и силою ведет в какое-то обширное и темное место. После этого сна его лихорадило всю ночь до рассвета, но утром, когда начался обряд погребения, Цинна постыдился остаться дома и вышел. Толпа между тем уже бушевала, его увидели и, приняв не за того, кем он был на самом деле, но за другого Цинну, который недавно поносил Цезаря на форуме, растерзали в клочья.

21. Этот ужасный случай всего более – наряду с переменой в поведении Антония – напугал Брута и его друзей, и они покинули Рим. Первое время они оставались в Антии, рассчитывая вернуться, как только ярость народа уляжется и утихнет, а этого, полагали они, дождаться будет нетрудно, ибо порывы, владеющие толпою, неверны и мимолетны. Кроме того, они располагали поддержкой сената, который, правда, оставил убийц Цинны

STATIO ANTIQVITATIS

безнаказанными, но пытался выловить и заключить под стражу поджигателей, напавших в день похорон на их дома. Уже и простой люд начинал тяготиться Антонием, который сделался чуть ли не единоличным властителем, и тосковать по Бруту. Ожидали, что он сам будет руководить и распоряжаться играми, которые должен был устроить по долгу претора, но Брут узнал, что многие старые воины, прежде служившие под началом Цезаря и получившие от него землю в деревнях и близ городов, замышляют отомстить его убийце и небольшими отрядами стекаются в Рим, а потому не посмел приехать. Тем не менее игры были даны и отличались большою пышностью и великолепием, несмотря на отсутствие претора, который заранее скупил великое множество диких зверей и теперь распорядился ни единого не продавать и не оставлять, но всех до последнего выпустить на арену. Сам он нарочно отправился в Неаполь, чтобы встретить большую труппу актеров, а друзьям писал, чтобы они уговорили выступить некоего Канутия, который тогда пользовался на театре громадным успехом, – уговорили, ибо принуждать силою никого из греков не годится. Писал он и Цицерону и просил его быть на играх непременно.

22. В таком-то вот положении находились дела, когда в Рим прибыл молодой Цезарь, и события немедленно изменили свой ход. Это был внучатый племянник Цезаря, по завещанию им усыновленный и назначенный наследником. Во время убийства он находился в Аполлонии, занимаясь науками и поджидая Цезаря, намеревавшегося в самом ближайшем будущем выступить походом на парфян. Узнав о случившемся, молодой человек немедленно приехал в Рим. Торопясь приобрести благосклонность народа, он, первым делом, принял имя Цезаря и, распределяя между гражданами деньги, которые им оставил его приемный отец, одним ударом пошатнул положение Антония, а щедрыми раздачами привлек и переманил на свою сторону многих старых солдат Цезаря. Когда же, из ненависти к Антонию, приверженцем молодого Цезаря сделался и Цицерон, Брут резко порицал его и писал, что Цицерон не властью господина тяготится, но лишь испытывает страх перед злым господином и, когда он и в речах и в письмах клянется, будто молодой Цезарь – достойный человек, он просто-напросто выбирает себе ярмо полегче. «Но предки наши не смирялись, – продолжает Брут, – и с добрыми господами!» Сам он еще твердо не решил, начинать ли войну или хранить спокойствие, но одно ему ясно уже теперь – никогда и ни за что он не будет рабом. И он не может не удивляться тому, что Цицерон, который так отчаянно боится ужасов междоусобной войны, позорного и бесславного мира не боится и в уплату за ниспровержение одного тиранна – Антония – требует для себя права поставить тиранном Цезаря.

23. Так писал Брут в первых своих письмах. Но видя, что государство разделилось на два враждебных стана – стан Цезаря и стан Антония, что войска, словно на продаже с торгов, изъявляют готовность присоединиться к тому, кто больше заплатит, он, в совершенном отчаянии, решил покинуть Италию и сухим путем, через Луканию, добрался до Элеи, что на берегу моря. Оттуда Порции предстояло вернуться в Рим. Она пыталась скрыть волнение и тоску, но, несмотря на благородную высоту нрава, все же выдала свои чувства, рассматривая картину какого-то художника, изображавшую сцену из греческой истории: Андромаха прощается с Гектором и, принимая сына из его рук, пристально глядит на супруга. Видя образ своих собственных страданий, Порция не могла сдержать слез и все плакала, много раз на дню подходя к картине. Когда же Ацилий, один из друзей Брута, прочитал на память обращенные к Гектору слова Андромахи:

Гектор, ты все мне теперь – и отец, и любезная матерь.
Ты и брат мой единственный, ты и супруг мой прекрасный.

– Брут улыбнулся и заметил: «А вот мне никак нельзя сказать Порции то же, что говорит Андромахе Гектор:

Тканьем, пряжей займись, приказывай женам домашним.

STATIO ANTIQVITATIS

Лишь по природной слабости тела уступает она мужчинам в доблестных деяниях, но помыслами своими отстаивает отечество в первых рядах бойцов – точно так же, как мы». Об этом разговоре сообщает сын Порции Бибул.

24. Из Элеи Брут поплыл в Афины. Народ приветствовал его не только восторженными кликами на улицах, но и особыми постановлениями Собрания. Поселившись у одного из своих гостеприимцев, Брут ходил слушать академика Феомнеста и перипатетика Кратиппа и, занимаясь с ними философией, казалось, с головою был погружен в науку, но между тем, исподволь, вел приготовления к войне. Он отправил в Македонию Геростратa, чтобы расположить в свою пользу начальников тамошних войск, и сплачивал вокруг себя молодых римлян, которые учились в Афинах. Среди них был и сын Цицерона. Брут расхваливал его на все лады и говорил, что и во сне и наяву восхищается редкостным благородством юноши и его ненавистью к тираннии. Наконец, он переходит к открытым действиям и, узнав, что от азиатского берега отошло несколько римских судов, груженных деньгами и находящихся под командою претора, отличного человека и доброго его знакомца, выходит к Каристу ему навстречу. Брут убедил претора передать суда и груз в его распоряжение, а затем принимал его у себя. Пир отличался особою пышностью (Брут справлял день своего рождения), и когда, покончив с едою и перейдя к вину, гости пили за победу Брута и свободу римлян, хозяин, желая воодушевить собравшихся еще сильнее, потребовал себе чашу, но, приняв ее, без всякой видимой причины вдруг произнес следующий стих:

Грозная Мойра меня и сын Лет**о** погубили.

В дополнение к этому писатели сообщают, что накануне своей последней битвы Брут дал воинам пароль «Аполлон». Вот почему в стихе, который сорвался тогда у него с уст, видят знамение, предвозвестившее разгром при Филиппах.

25. После этого Антистий передает ему пятьсот тысяч драхм из тех денег, какие должен был отвезти в Италию, а все остатки Помпеева войска, еще скитавшиеся в фессалийских пределах, начинают радостно собираться под знамена Брута. У Цинны Брут забрал пятьсот конников, которых тот вел к Долабелле в Азию. Приплыв в Деметриаду, он завладел большим складом оружия, которое было запасено по приказу старшего Цезаря для парфянского похода, а теперь ждало отправки к Антонию.

Претор Гортензий уже уступил Бруту власть над Македонией, а все цари и правители окрестных земель уже обещали ему свою поддержку, когда пришла весть, что брат Антония, Гай, переправившись из Италии и высадившись, немедленно двинулся на соединение с войском Ватиния, занимавшим Эпидамн и Аполлонию. Чтобы упредить Гая и расстроить его планы, Брут внезапно выступил со своими людьми и, несмотря на сильнейший снегопад и бездорожье, шел с такою быстротой, что намного опередил подсобный отряд, который нес продовольствие. Но вблизи Эпидамна, от усталости и стужи, на него напал волчий голод. Главным образом недуг этот поражает скот и людей, измученных долгим пребыванием под снегом, – то ли потому, что при охлаждении и уплотнении тела вся теплота его уходит внутрь и до конца переваривает всю принятую человеком пищу, либо же, напротив, оттого, что едкие и тонкие испарения тающего снега пронизывают тело и губят его теплоту, выгоняя ее наружу. Ведь и испарина, сколько можно судить, вызывается теплотою, угашаемою встречей с холодом на поверхности тела. Более подробно этот вопрос рассматривается в другом сочинении.

26. Брут лишился чувств, и так как ни у кого из воинов не было с собою ничего съестного, его приближенные вынуждены были обратиться за помощью к неприятелю. Подойдя к городским воротам, они попросили у караульных хлеба. Но те, узнавши, что Брут заболел, явились сами и принесли ему еды и питья. В благодарность за услугу Брут, овладев городом, обошелся милостиво и дружелюбно не только с этими воинами, но – ради них –

STATIO ANTIQVITATIS

и со всеми прочими. Между тем Гай Антоний прибыл в Аполлонию и созывал туда всех воинов, размещенных неподалеку. Но воины уходили к Бруту, и убедившись, что Бруту сочувствуют жители города, Гай выступил в Буфрот. Еще в пути он потерял три когорты, которые были изрублены Брутом, а затем, пытаясь отбить у противника выгодные позиции близ Биллиды, завязал сражение с Цицероном и потерпел неудачу. (Молодой Цицерон был у Брута одним из начальников и много раз одерживал победы над врагом.) Вскоре после этого Гай, оказавшись среди болот, слишком рассредоточил боевые силы, и тут его настиг сам Брут; не позволяя своим нападать, он окружил противника отрядами конницы и распорядился щадить его – в надежде, что спустя совсем немного эти воины будут под его командой. И верно – они сдались сами и выдали своего полководца, а войско Брута сделалось многочисленным и грозным. Пленному Гаю он оказывал долгое время полное уважение и даже не лишил его знаков власти, хотя многие, в том числе и Цицерон, писали ему из Рима, настоятельно советуя казнить этого человека. Когда же Гай вступил в тайные переговоры с военачальниками Брута и попытался вызвать мятеж, Брут велел посадить его на корабль и зорко сторожить. Воины, которые, поддавшись соблазну, стеклись в Аполлонию, звали туда Брута, но он отвечал, что это противно римским обычаям и что они сами должны прийти к полководцу и умолять его о милости и снисхождении к их проступкам. Они выполнили его условие, и Брут их простил.

27. Брут собирался переправиться в Азию, когда получил сообщение о случившихся в Риме переменах. Сенат поддержал молодого Цезаря в борьбе с Антонием, и Цезарь, изгнав своего врага из Италии, теперь уже сам внушал страх и тревогу, ибо вопреки законам домогался консульства и содержал громадное войско – без всякой нужды для государства. Видя, однако, что сенат недоволен и обращает взоры за рубеж, к Бруту, и даже особым постановлением утвердил за ним его провинции, Цезарь испугался. Он отправил к Антонию гонца с предложением дружбы, а потом окружил город своими солдатами и таким образом добился консульства, хотя был еще совершеннейший мальчишка и не достиг даже двадцати лет, как сказано в его же собственных «Воспоминаниях». Немедленно вслед за тем он возбуждает против Брута и его товарищей уголовное преследование за убийство без суда первого из высших должностных лиц в государстве. Обвинителем Брута он назначил Луция Корнификия, обвинителем Кассия – Марка Агриппу. Они были осуждены заочно, причем судьи подавали голоса, подчиняясь угрозам и принуждению. Рассказывают, что когда глашатай, в согласии с обычаем, выкликал с ораторского возвышения имя Брута, вызывая его на суд, народ громко застонал, а лучшие граждане молча понурили головы, Публий же Силиций у всех на глазах разразился слезами, за что имя его, спустя немного, было внесено в список обрекаемых на смерть. После этого трое – Цезарь, Антоний и Лепид – заключили союз, поделили между собою провинции и истребили, объявив вне закона, двести человек. В числе погибших был и Цицерон.

28. Когда весть об этом достигла Македонии, Брут оказался перед необходимостью написать Гортензию, чтобы он казнил Гая Антония – в отместку за смерть Брута Альбина и Цицерона: с первым Брута связывало родство, со вторым дружба. Вот почему впоследствии, после битвы при Филиппах, Антоний, захватив Гортензия в плен, приказал заколоть его на могиле своего брата. Брут о кончине Цицерона говорил, что сильнее, чем скорбь и сострадание, его сокрушает стыд при мысли о причинах этой смерти, и вину за все случившееся возлагал на друзей в Риме. Они сами, больше, чем тиранны, виновны в том, что влачат рабскую долю, восклицал Брут, если терпеливо смотрят на то, о чем и слышать-то непереносимо!

Перевезя свое – теперь уже внушительное и мощное – войско в Азию, Брут приказал снаряжать корабли в Вифинии и близ Кизика, а сам подвигался сушею, улаживая дела городов и ведя переговоры с властителями. Одновременно он послал гонца в Сирию, чтобы вернуть Кассия из египетского похода, ибо, как писал ему Брут, не державы для себя ищут они, но хотят освободить отечество и того лишь ради скитаются по свету,

STATIO ANTIQVITATIS

собирая военную силу, с помощью которой низложат тираннов. Всякий миг и час им следует держать в уме эту главную цель, а потому не удаляться от Италии, но спешить домой на помощь согражданам. Кассий согласился с этими доводами и повернул назад, а Брут выступил ему навстречу. Они встретились близ Смирны – впервые с тех пор, как расстались в Пирее и один направился в Сирию, а другой в Македонию, – и оба ощутили живейшую радость и твердую надежду на успех при виде войска, которое собрал каждый из них. И верно, ведь они покинули Италию наподобие самых жалких изгнанников, безоружными и нищими, не имея ни судна с гребцами, ни единого солдата, ни города, готового их принять, и вот, спустя не так уж много времени, они сходятся снова, располагая и флотом, и конницей, и пехотою, и деньгами в таком количестве, что способны достойно соперничать со своими противниками в борьбе за верховную власть в Риме.

29. Кассий желал, чтобы они с Брутом пользовались равными почестями, но Брут опередил и превзошел его желание, и обыкновенно приходил к нему сам, принимая в расчет, что Кассий старше годами и менее вынослив телом. Кассий пользовался славою опытного воина, но человека раздражительного и резкого, который подчиненным не внушает ничего, кроме страха, и слишком охотно и зло потешается насчет друзей, Брута же за его нравственную высоту ценил народ, любили друзья, уважала знать, и даже враги не питали к нему ненависти, ибо он был на редкость мягок и великодушен, неподвластен ни гневу, ни наслаждению, ни алчности и с непреклонною твердостью держался своего мнения, отстаивая добро и справедливость. Всего более, однако, славе и влиянию Брута способствовала вера в чистоту его намерений. В самом деле, даже от Помпея Великого никто всерьез не ожидал, что в случае победы над Цезарем он откажется от власти и подчинится законам, напротив, все опасались, как бы он не удержал власть навсегда, назвав ее, – чтобы успокоить народ, – именем консульства или диктатуры, или какой-либо иной, более скромной и менее высокой должности. Что же касается Кассия, такого горячего и вспыльчивого, так часто отступавшего от справедливости ради собственной выгоды, и сомнений-то почти не было, что он воюет, терпит скитания и опасности, ища лишь могущества и господства для себя, а отнюдь не свободы для сограждан. Ведь и в более ранние времена люди вроде Цинны, Мария, Карбона обращали отечество в военную добычу или, если угодно, в награду победителю на состязаниях и разве что во всеуслышание не объявляли, что вооруженною рукой оспаривают друг у друга тираннию. Однако ж Брута, сколько нам известно, даже враги не обвиняли в подобной переменчивости и вероломстве, а Антоний в присутствии многих свидетелей говорил, что, по его мнению, один лишь Брут выступил против Цезаря, увлеченный кажущимся блеском и величием этого деяния, меж тем как все прочие заговорщики просто-напросто ненавидели диктатора и завидовали ему. Вот почему Брут, как явствует из его писем, не столько полагался на свою силу, сколько на нравственную высоту. Так, когда решающий миг уже близится, он пишет Аттику, что нет судьбы завиднее его: либо он выйдет из битвы победителем и освободит римский народ, либо погибнет и тем самым избавит себя от рабства. «Все остальное для нас ясно и твердо определено, – продолжает Брут, – неизвестно только одно – предстоит ли нам жить, сохраняя свою свободу, или же умереть вместе с нею». Марк Антоний, говорится в том же письме, терпит достойное наказание за свое безрассудство. Он мог бы числиться среди Брутов, Кассиев и Катонов, а стал прихвостнем Октавия, и если теперь не понесет поражения с ним вместе, то вскорости будет сражаться против него. Этими словами Брут словно бы возвестил будущее, и возвестил точно.

30. В Смирне Брут просил Кассия поделиться с ним деньгами, – которых тот собрал немало, – ибо все, что было у него самого, он израсходовал на постройку флота, достаточно многочисленного, чтобы сделать их безраздельными хозяевами Средиземного моря. Друзья не советовали Кассию давать деньги. «Несправедливо! – кричали они. – Ты берёг и хранил, ты взимал и взыскивал, навлекая на себя всеобщую ненависть, а плоды

STATIO ANTIQVITATIS

забирает Брут, чтобы угождать своим солдатам!» Тем не менее Кассий отдал Бруту третью часть своей казны.
После этого они снова расстались, и каждый принялся за свои дела. Кассий взял Родос и обошелся с жителями очень жестоко, – и это после того, как, вступая в город, отвечал тем, кто приветствовал его именем царя и владыки: «Не царь и не владыка, но убийца и каратель владыки и царя!» Брут требовал у ликийцев денег и воинов, но народный вожак Навкрат склонил города к мятежу, и ликийцы заняли несколько высот, чтобы помешать Бруту вторгнуться в их страну. Сперва Брут двинул против них свою конницу, которая напала на врага во время завтрака и перебила шестьсот человек, а потом, захватив несколько крепостей и городков, отпустил всех пленных без выкупа, надеясь привлечь к себе народ добротою. Но ликийцы были строптивы, урон, который они несли, крайне их озлоблял, а снисходительность и человеколюбие Брута нимало не трогали, и в конце концов Брут загнал самых горячих и воинственных среди них в Ксанф и осадил город.
Осажденные пытались бежать, переплыв под водою реку, что протекала у стен Ксанфа, но запутывались в расставленных на глубине сетях, которые звоном колокольцев, привязанных к поплавкам, немедленно выдавали попадавшихся. Тогда ксанфийцы сделали ночью вылазку и подожгли часть осадных машин, но римляне быстро заметили противника и оттеснили его назад, а когда сильные порывы ветра стали перебрасывать языки пламени через крепостные зубцы и занялись близлежащие дома, Брут испугался за судьбу всего города и приказал своим помочь горожанам тушить пожар. 31. Но ликийцев внезапно охватило чудовищное, поистине неописуемое безумие, которое скорее всего следовало бы назвать жаждою смерти. Люди всех возрастов, свободные и рабы, вместе с женщинами, с детьми, взбирались на стены и оттуда копьями и стрелами осыпали неприятелей, спешивших им на помощь, а сами тащили камыш, дрова и вообще все, что легко воспламеняется и горит, и таким образом разнесли огонь повсюду, беспрерывно его поддерживая и всячески раздувая его ярость. Пламя опоясало Ксанф сплошным кольцом и ослепительно полыхало в ночной мгле, а Брут, глубоко потрясенный тем, что совершалось у него на глазах, проезжал верхом вдоль городских стен, страстно желая помочь, простирал руки к осажденным и упрашивал их пожалеть и спасти свой город. Но никто его не слушал, все стремились любым способом лишить себя жизни, – не только мужчины и женщины, но даже малые дети: с криками и воплями они прыгали в огонь, бросались вниз головой со стен, подставляли горло или обнаженную грудь под отцовский меч и молили разить без пощады. Когда город уже погиб, римляне заметили женщину, висевшую в петле, к шее удавленницы был привязан мертвый ребенок, и мертвой рукой она подносила горящий факел к своему жилищу. Столь страшным было это зрелище, что Брут не решился на него взглянуть, но, услышав рассказ очевидцев, заплакал и через глашатая посулил награду воинам, которые спасут жизнь хотя бы одному ликийцу. Сообщают, что набралось всего сто пятьдесят человек, не противившихся спасению и не уклонившихся от него. Так ксанфийцы, спустя долгое время, словно бы завершили назначенный судьбою круг и своею неукротимой отвагою пробудили воспоминание об участи их предков, которые в войну с персами подобным же образом сожгли и разрушили свой город и погибли от собственной руки.
32. Патары упорно отказывали римлянам в повиновении, и Брут не решался напасть на город, боясь такого же безумия, как в Ксанфе. После долгих размышлений он отпустил без выкупа несколько женщин из Патар, захваченных его солдатами. То были жены и дочери видных граждан, и своими рассказами о Бруте, о его необыкновенной честности и справедливости они убедили отцов и мужей смириться и сдать город римлянам. После этого и все прочие ликийцы покорились и доверились Бруту. Его честность и доброжелательность превзошли все их ожидания, ибо в то самое время, когда Кассий заставил родосцев выдать все золото и серебро, какое было у каждого в доме (из этих взносов составилась сумма около восьми тысяч талантов), да сверх того обязал город в целом уплатить еще пятьсот талантов, в это самое время Брут взыскал с ликийцев сто

STATIO ANTIQVITATIS

пятьдесят талантов и, не причинив им более никакого вреда или же убытка, ушел в Ионию.

33. Среди многих достопамятных поступков, которые совершил Брут, награждая и карая по заслугам, я расскажу лишь об одном, доставившем наибольшее удовлетворение и самому Бруту и благороднейшим из римлян. Когда Помпей Магн, разбитый Цезарем и лишившийся своей великой власти, бежал и приблизился к египетскому берегу у Пелусия, опекуны малолетнего царя держали совет с друзьями, и мнения разделились – одни считали нужным принять беглеца, другие советовали не впускать его в Египет. Но некий хиосец Феодот, нанятый к царю учителем красноречия и, за недостачею более достойных, тоже приглашенный на совет, объявил, что и те и другие не правы и что в сложившихся обстоятельствах единственно целесообразное решение – принять Помпея, а затем его умертвить. И в заключение речи примолвил, что, дескать, мертвец не укусит. Все согласились с Феодотом, и Помпей Магн пал, явивши своею участью пример величайшей неожиданности, подстерегающей человека, и гибель его была плодом и следствием изощренного красноречия софиста, как похвалялся сам Феодот. Немного спустя в Египет прибыл Цезарь, и все эти злодеи понесли жестокую кару и расстались с жизнью, только Феодот получил от судьбы отсрочку, но, вдосталь вкусив позора, нищеты и бездомных скитаний, в конце концов, не укрылся от взора Брута, когда тот проходил через Азию. Злодея привели на суд и казнили, и смертью своей он приобрел больше известности, нежели жизнью.

34. Брут звал Кассия к себе в Сарды и выступил ему навстречу вместе с друзьями, а все войско, выстроенное в полном вооружении, провозгласило обоих императорами. Но, как всегда бывает в важных предприятиях, сопряженных с участием многих друзей и полководцев, у обоих накопились обвинения и жалобы, и первым делом, прямо с дороги, они заперлись вдвоем и, с глазу на глаз, принялись осыпать друг друга упреками, потом перешли к прямым нападкам и обличениям, а под конец даже полились слезы и зазвучали слова, чересчур страстные и прямолинейные, так что друзья за дверями дивились их ожесточению и силе гнева и опасались, как бы разговор этот не кончился бедою, однако ж войти, памятуя строгий запрет, не смели. Только Марк Фавоний, горячий поклонник Катона, в любви своей к философии высказывавший больше необузданного чувства, чем здравого размышления, все же попытался проникнуть внутрь. Слуги задержали его на пороге, но не так-то просто было остановить Фавония, рвущегося к цели, – в любых обстоятельствах он действовал одинаково стремительно и буйно. Свое достоинство римского сенатора он не ставил ни во что, и нередко киническою откровенностью речей заглушал их оскорбительный смысл, так что грубая его назойливость воспринималась как шутка. Вот и в тот раз, оттолкнув стражу, он силою ворвался в двери и деланным голосом произнес гомеровские стихи, вложенные поэтом в уста Нестору:

Но покоритесь, могучие! оба меня вы моложе

и так далее, Кассий рассмеялся, но Брут выгнал Фавония, обозвав его грязным псом и лжепсом. Все же вторжение Фавония положило спору конец, и они разошлись. Затем Кассий давал обед, на который Брут позвал своих друзей. Все уже легли за стол, когда появился Фавоний, только что после купания. Брут объявил во всеуслышание, что этого гостя никто не приглашал, и велел ему поместиться на верхнем ложе, но Фавоний оттолкнул служителей и улегся на среднем. И за вином царили веселые шутки, перемежавшиеся приятными рассказами и философской беседою.

35. На другой день Брут разбирал дело римлянина Луция Оцеллы, бывшего претора и доверенного своего помощника, которого сардийцы обвиняли в хищении казенных денег, и осудив его, лишил гражданской чести. Это чрезвычайно раздосадовало Кассия. Сам он незадолго до того, когда двоих его друзей изобличили в таком же точно преступлении, изругал их с глазу на глаз, но в открытом заседании оправдал и продолжал пользоваться

STATIO ANTIQVITATIS

их услугами. Он даже порицал Брута за чрезмерную приверженность законам и справедливости в такое время, которое требует гибкости и снисходительности. Но Брут просил его вспомнить иды марта, когда они убили Цезаря, – а ведь Цезарь сам не грабил всех подряд, он только давал возможность делать это другим. А стало быть, если и существует какое-либо основание, позволяющее не думать о справедливости, то уж лучше было бы терпеть бесчинства друзей Цезаря, чем смотреть сквозь пальцы на бесчинства собственных друзей. «Да, – пояснил Брут свою мысль, – ибо тогда нас корили бы только за трусость, а теперь, к довершению всех трудов наших и опасностей, мы прослывем врагами справедливости». Таковы были правила и убеждения Брута.

36. Когда они уже готовились переправиться из Азии в Европу, Бруту, как сообщают, явилось великое и удивительное знамение. Он и от природы был не сонлив, а упражнениями и непримиримою строгостью к себе сократил часы сна донельзя, так что днем вообще не ложился, а ночью – лишь после того, как не оставалось ни единого дела, которым он мог бы заняться, и ни единого человека, с которым он мог бы вести беседу. А в ту пору, когда война уже началась и исход всего начатого был в руках Брута, а мысли и заботы его были устремлены в будущее, он обыкновенно с вечера, сразу после обеда, дремал недолго, чтобы всю оставшуюся часть ночи посвятить неотложным делам. Если же он все завершал и приводил в порядок скорее обычного, то читал какую-нибудь книгу, вплоть до третьей стражи – пока не приходили с докладом центурионы и военные трибуны. Итак, он собирался переправлять войско в Европу. Была самая глухая часть ночи, в палатке Брута горел тусклый огонь; весь лагерь обнимала глубокая тишина. Брут был погружен в свои думы и размышления, как вдруг ему послышалось, будто кто-то вошел. Подняв глаза, он разглядел у входа страшный, чудовищный призрак исполинского роста. Видение стояло молча. Собравшись с силами, Брут спросил: «Кто ты – человек или бог, и зачем пришел?» Призрак отвечал: «Я твой злой гений, Брут, ты увидишь меня при Филиппах». – «Что ж, до свидания», – бесстрашно промолвил Брут.

37. Когда призрак исчез, Брут кликнул рабов. Они уверяли, что ничего не видели и не слышали никаких голосов. Всю ночь Брут не сомкнул глаз, а рано поутру отправился к Кассию и рассказал о своем видении. Кассий, который держался взглядов Эпикура и нередко беседовал об эпикурейской философии с Брутом, отвечал так: «По нашему учению, Брут, не все, что мы видим или же чувствуем, – истинно. Ощущение есть нечто расплывчатое и обманчивое, а мышление с необычайною легкостью сочетает и претворяет воспринятое чувствами в любые мыслимые образы предметов, даже не существующих в действительности. Ведь эти образы подобны отпечаткам на воске, и человеческая душа, которой свойственно не только воспринимать их, но и создавать самой, способна сама по себе, без малейших усилий, придавать им самые различные формы. Это видно хотя бы на примере сновидений, силою воображения создаваемых почти из ничего, однако же насыщенных всевозможными картинами и событиями. По своей природе душа находится в беспрерывном движении; движение ее и есть то, что мы называем представлениями и мыслями. Что же касается тебя, то, вдобавок ко всему, тело твое, измученное непосильными трудами, колеблет и смущает разум. Теперь о духах. Мы не верим в их существование, а если они существуют, то не могут иметь ни человеческого обличия, ни голоса, и власть их на нас не распространяется. Я бы, впрочем, хотел, чтобы все было иначе – тогда мы с тобою, возглавляя самое священное и самое прекрасное из всех людских начинаний, могли бы полагаться не только на пехоту, на конницу и на многочисленный флот, но и на помощь богов». Такими доводами пытался Кассий успокоить Брута.

Когда воины всходили на корабли, сверху слетели два орла и уселись на первые знамена. Они сопровождали войско до самых Филипп и кормились тем, что бросали им солдаты, но ровно за день до битвы улетели.

38. Б**о**льшая часть племен, землями которых следовало войско, уже покорилась Бруту, а если встречался город или властитель, раньше избегнувший его внимания, Брут и Кассий

STATIO ANTIQVITATIS

склоняли его на свою сторону теперь и так достигли морского берега против острова Фасоса. Там близ Симбола, в так называемых Теснинах, стоял лагерем Норбан. Страшась окружения, он вынужден был отойти и уступить позицию противнику, который едва не захватил Норбана вместе со всеми его людьми, – ибо Цезарь задерживался из-за болезни, – но Антоний подоспел на помощь с такой быстротой, что Брут просто не поверил своим глазам. Спустя десять дней появился и Цезарь и разбил лагерь напротив Брута, а напротив Кассия стал Антоний. Равнину, которая разделяла враждебные лагери, римляне называют «Филиппийские поля».

Никогда еще столь громадные войска римлян не сражались друг против друга. Числом солдат Брут намного уступал Цезарю, зато войско его отличалось поразительной красотою и великолепием вооружения. Почти у всех оружие было украшено золотом и серебром; на это Брут денег не жалел, хотя во всем остальном старался приучать начальников к воздержности и строгой бережливости. Он полагал, что богатство, которое воин держит в руках и носит на собственном теле, честолюбивым прибавляет в бою отваги, а корыстолюбивым – упорства, ибо в оружии своем они видят ценное имущество и зорко его берегут.

39. Цезарь произвел смотр войску и распорядился выдать каждому из солдат понемногу хлеба и по пяти драхм для жертвоприношения. Тогда Брут, в знак презрения к нужде или же скупости противника, сперва, в согласии с обычаем, устроил на открытом месте смотр и принес очистительные жертвы, а затем распределил по центуриям множество жертвенных животных, да еще сверх того каждый воин получил по пятидесяти драхм, так что в сравнении с неприятелем люди Брута обнаруживали куда больше преданности и рвения.

За всем тем во время смотра Кассию было дурное предзнаменование – ликтор протянул ему венок верхом вниз. Рассказывают, что еще до того, на каких-то играх, в торжественном шествии несли золотую статую Победы, принадлежавшую Кассию, но носильщик поскользнулся, и она упала на землю. Вдобавок, что ни день, над лагерем во множестве появлялись плотоядные птицы, а в одном месте внутри лагерных укреплений заметили рой пчел. Место это прорицатели огородили, чтобы с помощью искупительных обрядов унять суеверный страх, безраздельно завладевший воинами и мало-помалу начинавший смущать и самого Кассия, невзирая на его эпикурейские убеждения. Вот почему Кассий не был склонен немедленно решать исход войны битвою, но советовал отложить сражение и затянуть борьбу, поскольку денег у них достаточно, а численно они слабее врага. Но Брут и раньше стремился как можно скорее завершить дело битвой и либо вернуть отечеству свободу, либо избавить всех людей от бедствий, причиняемых бесконечными поборами, походами и военными распоряжениями, а теперь, видя, что его всадники берут верх во всех стычках и пробных схватках, утвердился в своих намерениях еще более. Кроме того, несколько отрядов перебежали на сторону противника, начались доносы и подозрения, что примеру их готовы последовать другие, и это обстоятельство заставило многих друзей Кассия принять на военном совете сторону Брута. Впрочем и среди друзей Брута нашелся один – Ателлий, – который поддержал Кассия и предлагал хотя бы переждать зиму. На вопрос Брута, что надеется он выгадать, дождавшись следующего года, Ателлий отвечал: «Да хоть проживу подольше, и на том спасибо!» Кассий был возмущен этим ответом, да и всех остальных до крайности раздосадовали слова Ателлия. Итак, решено было дать битву на другой день.

40. Брут был полон счастливых надежд, и после обеда, за которым не смолкали философские рассуждения, лег отдохнуть. Но Кассий, как сообщает Мессала, обедал в узком кругу самых близких друзей и был задумчив и молчалив, вопреки своему нраву и привычкам. Встав из-за стола, он крепко сжал Мессале руку и промолвил по-гречески (как всегда, когда хотел выказать особое дружелюбие): «Будь свидетелем, Мессала, я терплю ту же участь, что Помпей Магн, – меня принуждают в одной-единственной битве подставить под удар все будущее отечества. Не станем, однако ж, терять мужества и

STATIO ANTIQVITATIS

обратим взоры наши к Судьбе, ибо отказывать ей в доверии несправедливо, даже если решения наши окажутся неудачны!» И не прибавив больше ни слова, продолжает Мессала, Кассий обнял его; еще раньше он пригласил Мессалу назавтра к обеду – то был день его рождения.

На рассвете в лагерях Брута и Кассия был поднят сигнал битвы – пурпурный хитон, а сами полководцы встретились посредине, между лагерями, и Кассий сказал: «Я хочу, чтобы мы победили, Брут, и счастливо прожили вместе до последнего часа. Но ведь самые великие из человеческих начинаний – в то же время самые неопределенные по конечному своему исходу, и если битва решится вопреки нашим ожиданиям, нам нелегко будет свидеться снова. Так скажи мне теперь, что думаешь ты о бегстве и о смерти?» и Брут отвечал: «Когда я был молод и неопытен, Кассий, у меня каким-то образом – уж и сам не знаю как – вырвалось однажды опрометчивое слово: я порицал Катона за то, что он покончил с собой. Мне представлялось и нечестивым, и недостойным мужа бежать от своей участи, не претерпеть бесстрашно все, что бы ни выпало тебе на долю, но скрыться, исчезнуть. Теперь я иного мнения. Если бог не судил нам удачи в нынешний день, я не хочу подвергать испытанию новые надежды и новые приготовления, но уйду с благодарностью судьбе за то, что в мартовские иды отдал свою жизнь отечеству и, опять-таки ради отечества, прожил еще одну жизнь, свободную и полную славы». Тогда Кассий улыбнулся, обнял Брута и промолвил: «Что же, с этими мыслями – вперед, на врага! Мы либо победим, либо не узнаем страха пред победителями».

Затем, в присутствии друзей, они уговорились насчет построения войска. Брут просил Кассия уступить начальствование над правым крылом ему, хотя, по общему суждению, и опыт, и годы давали Кассию больше прав на это место в строю. Тем не менее Кассий согласился и даже приказал стать на правое крыло самому лучшему и отважному из своих легионов во главе с Мессалою. И Брут, не теряя ни мгновения, бросил вперед свою пышно разубранную конницу и столь же стремительно начал строить в боевой порядок пехоту.

41. Тем временем Антоний вел от болота, у края которого находился его лагерь, рвы по направлению к равнине, чтобы отрезать Кассию путь к морю, а Цезарь, или, вернее, войска Цезаря, – ибо сам он был нездоров и в деле не участвовал, – спокойно выжидали, никак не предполагая, что неприятель завязывает сражение, но в полной уверенности, что это всего-навсего вылазка с целью помешать работам и распугать солдат-землекопов дротиками и грозным шумом. Не обращая внимания на тех, кто выстроился против их собственных позиций, они с изумлением прислушивались к громким, но невнятным крикам, доносившимся со стороны рвов.

Меж тем как сам Брут верхом на коне объезжал легионы, ободряя воинов, начальники, один за другим, получали написанные его рукою таблички с паролем. Но лишь немногие воины успели услышать пароль, который стали передавать по рядам, – большинство, не дождавшись команды, в едином порыве, с единым кличем ринулось на врага. Это беспорядочное движение сразу же искривило боевую линию и оторвало легионы друг от друга, и первым легион Мессалы, а за ним соседние соприкоснулись на ходу с левым флангом Цезаря. Едва вступив в схватку с передними рядами и сразив очень немногих, они обошли неприятеля и захватили лагерь. Как рассказывает сам Цезарь в своих «Воспоминаниях», одному из его друзей, Марку Арторию, во сне явилось видение, повелевшее, чтобы Цезарь поднялся с постели и покинул лагерь. Он подчинился – и едва успел выбраться за лагерные укрепления. Враги решили, что Цезарь мертв, ибо пустые его носилки были насквозь пробиты дотиками и метательными копьями. Победители учинили страшную резню и, кроме захваченных в самом лагере, уложили две тысячи лакедемонян, которые явились на помощь Цезарю в разгар битвы.

42. Те воины Брута, которые не участвовали в обходе неприятельского фланга, легко потеснили приведенного в замешательство врага и, изрубив в рукопашной три легиона, упоенные своим успехом, ворвались в лагерь на плечах беглецов. С ними был и сам Брут. Тут, однако, побежденные воспользовались благоприятным для них обстоятельством,

STATIO ANTIQVITATIS

которого не приняли в расчет победители: они нанесли ответный удар по лишенной прикрытия и уже вконец расстроенной боевой линии противника, правое крыло которой, увлекшись погонею, потеряло всякую связь с главными силами. Средина, правда, отбивалась с величайшим ожесточением, и ее сломить не удалось, но левое крыло, где царил беспорядок и где ничего не знали о ходе сражения, они обратили в бегство и гнали до самого лагеря, который и разорили, – без ведома обоих своих полководцев. В самом деле, Антоний, как сообщают, при первом же натиске неприятеля укрылся на болоте, а Цезарь, покинув лагерь, исчез без следа, и к Бруту даже являлись воины с донесением, что убили Цезаря, потрясали окровавленными мечами и описывали наружность и годы. Наконец, после кровопролитного боя, средина отбросила врага, так что Брут одержал полную победу. Зато Кассий понес полное поражение, и вот что единственно сгубило обоих: Брут, полагая, что Кассий победил, не пришел ему на выручку, а Кассий думал, что Брут погиб, и не дождался его помощи. Мессала считает доказательством победы то, что они захватили у врага трех орлов и много иных знамен, тогда как враг не взял у них ничего.

Разрушив дотла лагерь Цезаря и возвращаясь назад, Брут удивился, не видя на прежнем месте ни шатра Кассия, возвышающегося, как обычно, над другими, ни остальных палаток (почти все они были сметены и опрокинуты, как только неприятель ворвался в лагерь). Несколько его приближенных, отличавшихся особою остротой глаза, говорили, что различают в лагере Кассия множество ярко сверкающих шлемов и серебряных щитов, которые движутся с места на место и ни по числу своему ни по внешнему виду не могут принадлежать страже, охраняющей лагерь. Впрочем, продолжали они, по ту сторону укреплений не видно и такой горы трупов, какая непременно осталась бы после разгрома стольких легионов. Эти слова первыми навели Брута на мысль, что стряслась беда. Он велел одному из отрядов нести стражу во вражеском лагере, а сам, прекратив погоню и собрав всех своих воедино, поспешил на подмогу Кассию.

43. Пора, однако, рассказать, что приключилось тем временем с Кассием. Его нисколько не обрадовал первый бросок людей Брута, которые пошли в наступление без пароля и без команды, и с большим неудовольствием следил он за дальнейшим ходом событий – за тем, как правое крыло одержало верх и тут же кинулось грабить лагерь, даже и не думая завершить окружение и сжать неприятеля в кольце. Но сам он вместо того, чтобы действовать с расчетом и решительностью, только медлил без всякого толка, и правое крыло врага зашло ему в тыл, и немедля конница Кассия дружно побежала к морю, а затем дрогнула и пехота. Пытаясь остановить воинов, вернуть им мужество, Кассий вырвал знамя у одного из бегущих знаменосцев и вонзил древко перед собою в землю, хотя даже его личная охрана не изъявляла более ни малейшего желания оставаться рядом со своим командующим. Так, волей-неволей, он с немногими сопровождающими отступил и поднялся на холм, с которого открывался широкий вид на равнину. Впрочем, сам он был слаб глазами и даже не мог разглядеть свой лагерь, который разоряли враги, но его спутники заметили приближающийся к ним большой отряд конницы. Это были всадники, посланные Брутом; Кассий, однако, принял их за вражескую погоню. Все же он выслал на разведку одного из тех, кто был подле него на холме, некоего Титиния. Всадники заметили Титиния и, узнавши друга Кассия и верного ему человека, разразились радостными криками; приятели его спрыгнули с коней и горячо его обнимали, а остальные скакали вокруг и, ликуя, бряцали оружием, и этот необузданный восторг стал причиною непоправимого бедствия. Кассий решил, что под холмом, и в самом деле, враги и что Титиний попался к ним в руки. Он воскликнул: «Вот до чего довела нас постыдная жажда жизни – на наших глазах неприятель захватывает дорогого нам человека!» – и с этими словами удалился в какую-то пустую палатку, уведя за собою одного из своих отпущенников, по имени Пиндар, которого еще со времени разгрома Красса постоянно держал при себе на случай подобного стечения обстоятельств. От парфян он благополучно спасся, но теперь, накинув одежду на голову, он подставил обнаженную

STATIO ANTIQVITATIS

шею под меч отпущенника. И голову Кассия нашли затем отдельно от туловища, а самого Пиндара после убийства никто не видел, и потому некоторые даже подозревали, что он умертвил Кассия но собственному почину. Прошло совсем немного – и всадники стали видны вполне отчетливо, а тут и Титиний с венком, которым его на радостях украсили, явился, чтобы обо всем доложить Кассию. Когда же он услыхал стоны и рыдания убитых горем друзей и узнал о роковой ошибке командующего и о его гибели, он обнажил меч и, отчаянно проклиная свою медлительность, закололся.

44. При первом же известии о поражении Брут поспешил к месту боя, но о смерти Кассия ему донесли уже вблизи лагеря. Брут долго плакал над телом, называл Кассия последним из римлян, словно желая сказать, что людей такой отваги и такой высоты духа Риму уже не видать, а затем велел прибрать и обрядить труп и отправить его на Фасос, чтобы не смущать лагерь погребальными обрядами. Собрав воинов Кассия, он постарался успокоить их и утешить. Видя, что они лишились всего самого необходимого, он обещал каждому по две тысячи драхм – в возмещение понесенного ущерба. Слова его вернули солдатам мужество, а щедрость повергла их в изумление. Они проводили Брута, на все лады восхваляя его и крича, что из четырех императоров один только он остался непобежденным в этой битве. И верно, течение событий показало, что Брут не без основания надеялся выйти из битвы победителем. С меньшим, чем у неприятеля, числом легионов он опрокинул и разбил все стоявшие против него силы, а если бы, к тому же в ходе боя смог воспользоваться всем своим войском, если бы б**о**льшая его часть не обошла вражеские позиции с фланга и не бросилась грабить, – вряд ли можно сомневаться, что противник был бы разгромлен наголову.

45. У Брута пали восемь тысяч (вместе с вооруженными рабами, которых Брут называл «бригами»). Однако противник, как утверждает Мессала, потерял более чем вдвое и потому был опечален и подавлен гораздо сильнее, но – лишь до тех пор, пока, уже под вечер, к Антонию не явился слуга Кассия, по имени Деметрий, и не принес ему снятые прямо с трупа одежды и окровавленный меч. Это настолько воодушевило вражеских начальников, что с первыми лучами солнца они вооружили своих и повели их в битву. Между тем в обоих лагерях Брута царили волнения и тревога, ибо собственный его лагерь был битком набит пленными и требовал сильной охраны, лагерь же Кассия не так-то уж легко и спокойно встретил смену полководца, а, вдобавок, потерпевшие поражение страдали от зависти и даже ненависти к своим более удачливым товарищам. Итак, Брут решил привести войско в боевую готовность, но от сражения уклоняться. Между пленными было множество рабов, и, обнаружив, что они замешались в гущу воинов, Брут счел это подозрительным и приказал их казнить, из числа же свободных некоторых отпустил на волю, объявив, что скорее у его противников были они пленниками и рабами, тогда как у него вновь обрели свободу и гражданское полноправие. Видя, однако, что и его друзья и начальники отрядов полны непримиримого ожесточения, он спрятал этих людей, а затем помог им бежать.

Среди прочих в плен попали мим Волумний и шут Саккулион; Брута они нисколько не занимали, но друзья привели к нему обоих с жалобами, что даже теперь не прекращают они своих дерзких речей и наглых насмешек. Занятый иными заботами, Брут ничего не ответил, и тогда Мессала Корвин предложил высечь их плетьми на глазах у всего войска и нагими отослать к вражеским полководцам, чтобы те знали, какого рода приятели и собутыльники нужны им в походе. Иные из присутствовавших рассмеялись, однако Публий Каска, тот, что в мартовские иды первым ударил Цезаря кинжалом, заметил: «Худо мы поступаем, принося жертву тени Кассия забавами и весельем. Но мы сейчас увидим, Брут, – продолжал он, – какую память хранишь ты об умершем полководце, – ты либо накажешь тех, кто готов поносить его и осмеивать, либо сохранишь им жизнь». На это Брут, в крайнем раздражении, отвечал: «Вы же сами знаете, как надо поступить, так зачем еще спрашиваться у меня?» Эти слова Каска счел за согласие и смертный приговор несчастным, которых без всякого промедления отвели в сторону и убили.

STATIO ANTIQVITATIS

46. Затем Брут выплатил каждому обещанные деньги и, выразив некоторое неудовольствие своим воинам за то, что они бросились на врага, не дождавшись ни пароля, ни приказа, не соблюдая строя и порядка, посулил отдать им на разграбление два города – Фессалонику и Лакедемон, – если только они выкажут отвагу в бою. В жизни Брута это единственный поступок, которому нет извинения. Правда Антоний и Цезарь, чтобы наградить солдат, чинили насилия, куда более страшные, и, очищая для своих победоносных соратников земли и города, на которые те не имели ни малейших прав, чуть ли не всю Италию согнали с давно насиженных мест, но для них единственною целью войны были власть и господство, а Бруту, чья нравственная высота пользовалась такою громкою славой, даже простой люд не разрешил бы ни побеждать, ни спасать свою жизнь иначе, чем в согласии с добром и справедливостью, и особенно – после смерти Кассия, который, как говорили, иной раз и Брута толкал на чересчур крутые и резкие меры. Однако же, подобно тому как на судне, где обломилось кормовое весло, начинают прилаживать и приколачивать всякие доски и бревна, лишь бы как-нибудь помочь беде, так же точно и Брут, оставшись один во главе такого громадного войска, в таком ненадежном, шатком положении, и не имея рядом с собой полководца, равного ему самому, был вынужден опираться на тех, что его окружали, а стало быть, – во многих случаях и действовать, и говорить, сообразуясь с их мнением. Мнение же это состояло в том, что необходимо любой ценой поднять боевой дух воинов Кассия, ибо справиться с ними было просто невозможно: безначалие сделало их разнузданными наглецами в лагере, а поражение – трусами пред лицом неприятеля.

47. Впрочем, и у Цезаря с Антонием положение было ничуть не лучше. Продовольствия оставалось в обрез, и, так как лагерь их был разбит в низине, они ждали мучительной зимы. Они сгрудились у самого края болота, а сразу после битвы пошли осенние дожди, так что палатки наполнялись грязью и водой, и месиво это мгновенно застывало от холода. В довершение всего приходит весть о несчастии, постигшем их силы на море: корабли Брута напали на большой отряд, который плыл к Цезарю из Италии, и пустили его ко дну, так что лишь очень немногие избегли гибели, да и те умирали с голода и ели паруса и канаты. Получив это сообщение, Антоний и Цезарь заторопились с битвою, чтобы решить исход борьбы прежде, чем Брут узнает о своей удаче. И сухопутное и морское сражения произошли одновременно, но вышло так – скорее по какой-то несчастливой случайности, чем по злому умыслу флотских начальников, – что даже двадцать дней спустя после победы Брут еще ничего об ней не слыхал. А иначе, располагая достаточными запасами продовольствия, разбивши лагерь на завидной позиции, неприступной ни для тягот зимы, ни для вражеского нападения, он не скрестил бы оружия с неприятелем еще раз, ибо надежная победа на море после успеха, который одержал на суше он сам, исполнила бы его и новым мужеством и новыми надеждами. Но власть, по-видимому, не могла долее оставаться в руках многих, требовался единый правитель, и божество, желая устранить того единственного, кто еще стоял поперек дороги будущему правителю, не дало добрым вестям дойти до Брута. А между тем они едва не коснулись его слуха, ибо всего за день до битвы поздним вечером из вражеского стана явился перебежчик, некий Клодий, и сообщил, что Цезарь, получив донесение о гибели своего флота, жаждет сразиться с неприятелем как можно скорее. Но словам этого человека не дали никакой веры и даже не допустили его к Бруту в твердом убеждении, что он либо пересказывает нелепые слухи, либо просто лжет, чтобы угодить новым товарищам по оружию.

48. Говорят, что в эту ночь Бруту снова явился призрак. С виду он был такой же точно, как в первый раз, но не проронил ни слова и молча удалился. Правда, философ Публий Волумний, проделавший под командою Брута весь поход от начала до конца, об этом знамении не упоминает, зато пишет, что первый орел был весь облеплен пчелами и что на руке у одного из начальников вдруг, неизвестно от чего, выступило розовое миро и, сколько его ни вытирали, выступало снова, а что уже перед самою битвой в промежутке

STATIO ANTIQVITATIS

между обоими лагерями сшиблись и стали драться два орла и вся равнина, затаив дыхание, следила за боем, пока, наконец, та птица, что была ближе к войску Брута, не поддалась и не улетела прочь. Часто вспоминают еще об эфиопе, который, когда отворили лагерные ворота, попался навстречу знаменосцу, и воины, сочтя это дурной приметой, изрубили его мечами.

49. Брут вывел войско на поле и выстроил его в боевом порядке против неприятеля, но долгое время не начинал битву: проверяя построение, он получил несколько доносов и сам заподозрил иные из отрядов в измене. Кроме того он видел, что конница отнюдь не горит желанием сражаться, но все время озирается, выжидая действий пехоты. И тут, внезапно, один конник, прекрасный воин, чья отвага была отмечена высокими наградами, выехал из рядов неподалеку от Брута и ускакал к неприятелю. Звали его Камулат. Брут был до крайности раздосадован этим неожиданным предательством и, уступая чувству гнева, но вместе с тем и страшась, как бы пример Камулата не оказался заразителен, тут же двинулся на врага, хотя солнце уже склонялось к западу – шел девятый час дня. Тот фланг, что находился под прямым начальством Брута, взял верх над неприятелем и обратил в бегство левое его крыло. Конница своевременно поддержала пехоту и вместе с нею теснила и гнала расстроенные ряды противника. Но другой фланг начальники, чтобы предотвратить окружение, растягивали все больше и больше, а так как численное превосходство было на стороне Цезаря и Антония, боевая линия истончилась в средине и потеряла силу, так что натиска врага выдержать не смогла и побежала, а те, кто совершил этот прорыв, немедленно ударили Бруту в тыл. В этот грозный час Брут свершил все возможное и как полководец и как воин, но победы не удержал, ибо даже то, что было явной удачей в первой битве, теперь обернулось ему во вред. В самом деле, тогда вся разбитая часть вражеского войска была тотчас истреблена, а войско Кассия, хотя и понесло поражение, мертвыми потеряло совсем немного. Но разгром превратил этих спасшихся от смерти в неисправимых трусов, и теперь они заразили робостью и смятением чуть ли не каждого из бойцов.

В этот же час сын Катона Марк, сражаясь среди самых храбрых и знатных молодых воинов и чувствуя, что неприятель одолевает, тем не менее не побежал, не отступил, но, громко выкликая свое имя и имя своего отца, разил врага до тех пор, пока и сам не рухнул на груду вражеских трупов. И по всему полю боя падали мертвыми лучшие, самые доблестные, бесстрашно отдавая свою жизнь за Брута.

50. Среди близких его друзей был некий Луцилий, человек благородный и достойный. Он заметил, что отряд варварской конницы, не обращая внимания ни на кого из беглецов, упорно гонится на Брутом, и решил любою ценой их остановить. И вот, немного поотстав от прочих, Луцилий кричит преследователям, что Брут – это он, и всадники поверили с тем большею легкостью, что пленник просил доставить его к Антонию: Цезаря, дескать, он боится, Антонию же готов довериться. В восторге от этой счастливой находки, восхваляя свою поразительную удачу, они повезли Луцилия в лагерь, выслав вперед гонцов. Антоний до того обрадовался, что несмотря на поздний час – уже ложились сумерки – поспешил навстречу всадникам, а все остальные, кто узнавал, что Брута схватили и везут живым, сбегались вместе, и одни жалели об его злой судьбе, другие твердили, что он опорочил былую свою славу, сделавшись из недостойной привязанности к жизни добычею варваров. Конники были уже близко, и Антоний, не зная, как ему принять Брута, остановился, а Луцилий, когда его вывели вперед, без малейших признаков страха объявил: «Марка Брута, Антоний, ни один враг не поймал и, верно, никогда не поймает – судьба да не одержит такой победы над доблестью! Если же его все-таки сыщут – живым или мертвым, – он в любом случае окажется достоин себя и своей славы. Я обманул твоих воинов – и потому я здесь, и без возражений приму любую самую жестокую кару за свой обман». Все были поражены и растеряны, но Антоний, обернувшись к тем, кто привез Луцилия, сказал так: «Вас, друзья, эта ошибка, конечно немало огорчает, вы считаете себя оскорбленными не на шутку. Но будьте совершенно

STATIO ANTIQVITATIS

уверены, вам досталась добыча еще лучше той, какую вы искали. Ведь искали вы врага, а привели нам друга. Что бы я стал делать с Брутом, если бы он живым попал в мои руки, – клянусь богом, не знаю, но такие вот люди пусть всегда будут мне друзьями, а не врагами!» Он обнял Луцилия и поручил его заботам одного из своих приближенных, а впоследствии мог твердо рассчитывать на его верность во всех случаях жизни, до самого конца.

51. Брут переправился через речушку с крутыми и лесистыми берегами и, так как уже стемнело, счел ненужным забираться далеко в чащу, но вместе с немногими друзьями и начальниками расположился в какой-то лощине у подножья высокой скалы. Опустившись наземь, он поднял глаза к усыпанному звездами небу и произнес два стиха, из которых один Волумний привел:

Зевс, кару примет пусть виновник этих бед!

а другой, как он пишет, забыл. Помолчав немного, Брут принялся оплакивать друзей, которые пали, защищая его в бою. Он не пропустил никого, каждого назвал по имени, но особенно горько сокрушался о Флавии и Лабеоне. (Лабеон был у него легатом, а Флавий – начальником рабочего отряда.) Один из его спутников, который и сам хотел пить, и видел, что Брута тоже томит жажда, взял шлем и бегом спустился к реке. В этот миг в противоположной стороне раздался какой-то шум, и Волумний со щитоносцем Дарданом пошел взглянуть, что случилось. Вскорости они были обратно и первым делом спросили, не осталось ли воды. Ласково улыбнувшись Волумнию, Брут отвечал: «Всё выпили, а вам сейчас принесут еще». Снова послали того же, кто ходил в первый раз, но он встретился с неприятелем, был ранен и едва-едва ускользнул.

Брут предполагал, что потери убитыми не столь уже велики, и Статилий вызвался пробиться через неприятельские караулы, – ибо другого пути не было, – осмотреть лагерь и, если расчеты Брута верны и лагерь цел, дать сигнал факелом и возвратиться назад. Горящий факел вдали они увидели и поняли, что Статилий благополучно достиг цели, но время шло, а он все не возвращался, и Брут сказал: «Если Статилий жив, он непременно будет с нами». Случилось, однако ж, так, что на обратном пути он наткнулся на врагов и в стычке погиб.

52. Была уже глубокая ночь, и Брут, не поднимаясь с места, наклонился к своему рабу Клиту и что-то ему шепнул. Ничего не сказав в ответ, Клит заплакал, и тогда Брут подозвал щитоносца Дардана и говорил с ним с глазу на глаз. Наконец, он обратился по-гречески к самому Волумнию, напомнил ему далекие годы учения и просил вместе с ним взяться за рукоять меча, чтобы усилить удар. Волумний наотрез отказался, и остальные последовали его примеру. Тут кто-то промолвил, что медлить дольше нельзя и надо бежать, и Брут, поднявшись, отозвался: «Вот именно, бежать, и как можно скорее. Но только с помощью рук, а не ног». Храня вид безмятежный и даже радостный, он простился со всеми по очереди и сказал, что для него было огромною удачей убедиться в искренности каждого из друзей. Судьбу, продолжал Брут, он может упрекать только за жестокость к его отечеству, потому что сам он счастливее своих победителей, – не только был счастливее вчера или позавчера, но и сегодня счастливее: он оставляет по себе славу высокой нравственной доблести, какой победителям ни оружием, ни богатством не стяжать, ибо никогда не умрет мнение, что людям порочным и несправедливым, которые погубили справедливых и честных, править государством не подобает.

Затем он горячо призвал всех позаботиться о своем спасении, и сам отошел в сторону. Двое или трое двинулись за ним следом, и среди них Стратон, с которым Брут познакомился и подружился еще во время совместных занятий красноречием. Брут попросил его стать рядом, упер рукоять меча в землю и, придерживая оружие обеими руками, бросился на обнаженный клинок и испустил дух. Некоторые, правда, утверждают, будто Стратон сдался на неотступные просьбы Брута и, отвернувши лицо, подставил ему

STATIO ANTIQVITATIS

меч, а тот с такою силой упал грудью на острие, что оно вышло между лопаток, и Брут мгновенно скончался.

Вопросы по тексту источника:

1. Перечислите основных представителей республиканского лагеря, названных Плутархом.
2. Охарактеризуйте лидеров республиканцев Марка Брута и Гая Кассия, опираясь на сведения Плутарха.
3. Обладали ли Брут и Кассий авторитетом в военных кругах?

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга II. Пер. А.И. Немировского.

IV. 7. Могло показаться, что Брут и Кассий изгнали Цезаря с царского трона, как Тарквиния, но этим клятвопреступлением они погубили свободу, которую более всего хотели восстановить. (2) Совершив убийство и опасаясь, не без основания, ветеранов Цезаря, они сразу же покинули курию и стали искать защиты на Капитолии. У ветеранов не было недостатка в рвении отомстить за Цезаря, но отсутствовал вождь. (3) Когда же стало ясно, какая опасность угрожает государству, идея мести была отвергнута, но одобрения убийцы не получили. (4) По совету Цицерона была объявлена амнистия, однако, чтобы не оскорблять народного горя, заговорщикам дали провинции, намеченные им убитым ими же Цезарем, — Сирию и Македонию. Месть за Цезаря скорее отсрочили, чем отменили. (5) Итак, государственная власть была распределена между триумвирами скорее как было возможно, чем как следовало. Оставив Лепида охранять столицу, Цезарь с Антонием выступили против Брута и Кассия. (6) Те же, собрав огромные силы, заняли арену, оказавшуюся в свое время роковой для Гнея Помпея. Знамения с полной очевидностью предвещали неминуемое поражение. (7) Рой пчел сел на значки, и птицы, обычно питающиеся трупами, облетели лагерь, как бы считая его своим. (8) И эфиоп, встретившийся идущим на битву, был достаточно ясным гибельным знамением. Самому Бруту, когда он, по обыкновению, бодрствовал ночью с зажженным светильником, явился темный призрак, который на вопрос, кто он, ответил: "Твой злой гений" — и скрылся из глаз. (9) В лагере Цезаря птицы и жертвенные животные так же ясно дали лучшие предсказания. Не менее важным оказалось то, что лекарь Цезаря был предупрежден вещим сном, чтобы Цезарь покинул лагерь, которому угрожает захват. Он внял этому сну. (10) И вот началась битва. Некоторое время сражались с равным пылом, хотя у одних полководцы присутствовали, а у других нет: кому помешала болезнь, кому страх и медлительность. Неумолимая Фортуна, как показал исход битвы, находилась то на стороне мстителей, то на стороне тех, кому мстили. Начало битвы было неопределенным, и обе стороны находились в одинаково критическом положении: (11) здесь был взят лагерь Цезаря, там — лагерь Кассия. Насколько же военное счастье действеннее доблести! И как верно то, что вырвалось из уст умирающего: "Доблесть существует только на словах, не на деле". Победу в этом сражении принесла ошибка. (12) Кассий во время отступления своего фланга увидел всадников, удаляющихся после захвата лагеря Цезаря, и, решив, что они бегут, отошел за холм. (13) Пыль, крики, надвигающаяся ночь помешали ему понять случившееся, к тому же запоздал посланный к нему лазутчик. Сочтя дело своей партии проигранным, он подставил голову одному из стоявших рядом и попросил ее отрубить. (14) Брут, лишившись Кассия, потерял и силу духа. Чтобы не отречься от того, в чем поклялся (было решено, что они не переживут поражения), он также приказал одному из своих спутников пронзить себя мечом. (15) Удивительно, почему эти мудрейшие и храбрейшие мужи не убили себя сами. Разве что они следовали принципам своей философской школы, которые запрещали храбрейшим и

STATIO ANTIQVITATIS

благочестивейшим мужам, решившимся на самоубийство, налагать на себя руки: предписывалось воспользоваться чужим преступлением.

Вопрос по тексту источника:

1. Сопоставьте оценки Плутарха и Флора одеятельности республиканцев Брута и Кассия.

2.3. Борьба Антония с Октавианом и примирение триумвиров. Мизенский мир и возобновление войны Октавиана с Секстом Помпеем.

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга II. Пер. А.И. Немировского.

IV. 8. По устранении убийц Цезаря еще оставалась семья Помпея. Один из его сыновей пал в Испании, другой спасся бегством. Собрав остатки разбитой армии, вооружив эргастулы, он захватил Сицилию и Сардинию и уже с помощью флота занял центральные воды. (2) Какой контраст между ним и отцом! Отец истребил киликийцев, сын занимался пиратством. Он опустошил Путеолы, Формии, Вольтурн, одним словом, всю Камланию, Понтийские болота, Энарию и даже устье реки Тибра. Столкнувшись с кораблями Цезаря, поджег и потопил их. Не только сам Помпей, но и Мена и Менекрат, гнусные рабы, которых он поставил во главе флота, носились по всему берегу в поисках добычи. (3) За свои военные успехи он посвятил Пелору сто быков с позолоченными рогами, а в дар Нептуну бросил живого, украшенного золотом коня, чтобы владыка морей позволил ему властвовать над своим морем. Наконец опасность стала настолько велика, что был заключен мирный договор с врагом, если можно назвать врагом сына Помпея. (4) Какова же была радость, хотя и недолгая, когда в Байях было принято решение о возвращении и восстановлении Помпея в имущественных правах. Помпей устроил пир на борту корабля и, сетуя на свой жребий, не без приветливости произнес, когда возлегли за столом: "Вот мои кили!", намекая на то, что отец жил в Килях, знаменитом районе столицы, а его собственный дом и пенаты нависают над морем. (5) Однако из-за неуступчивости Антония, который скупил и промотал имущество Помпея как военную добычу, вступление Секста в права владения не состоялось. Он начал нарушать мирный договор. Дело дошло до оружия, и против юноши направили флот со всеми силами империи. Его подготовка была великолепна сама по себе. (6) Срыв участок берега, начиная с Геркуланской дороги, превратили Лукринское озеро в гавань и к нему присоединили Авернское озеро, удалив между ними землю; рассчитывали, что маневрируя на этом тихом пространстве, флот получит навык ведения морского боя. (7) Вынужденный вести эту грандиозную войну, юноша был разбит в Сицилийском проливе. И он унес бы с собой к подземным богам доброе имя полководца, если бы ничего не предпринял впоследствии. [8] Но свойство великого дарования — не терять надежды! Он же, когда все было потеряно, отплыл в Азию и — что горестнее всего для храброго человека — попал там в плен, на суд врагов, чтобы умереть от руки палача. (9) Со времени Ксеркса не было столь печального бегства. Тот, кто прежде командовал флотом в 350 кораблей, бежал на шести или семи судах с погашенными на флагмане огнями, бросив в море перстни, дрожа и оглядываясь и все же не опасаясь, что будет настигнут.

IV. 9. Хотя в лице Кассия и Брута Цезарь уничтожил враждебную партию, а в лице Помпея истребил даже ее имя, он не мог добиться прочного мира, пока оставался Антоний, этот камень преткновения и обуза для безопасности государства. (2) Для гибели ему было достаточно одних пороков. Дойдя до крайности в своей страсти к честолюбию и роскоши, он освободил от распространяемого им ужаса сперва врагов, потом сограждан и, наконец, свой век. (3) Парфяне после разгрома Красса воспряли духом и с радостью узнали о гражданских беспорядках среди римского народа. При первой возможности они

STATIO ANTIQVITATIS

выступили без колебания. (4) Подстрекателем был Лабиен, посланный Кассием и Брутом, с преступной яростью призвавшими на помощь врагов! И те под предводительством Пакора, юноши царской крови, рассеяли гарнизоны Антония. Легат Сакса, не желая попасть в их руки, пронзил себя мечом. (5) В конце концов с потерей Сирии зло распространилось бы шире, поскольку враги совершили завоевания под видом оказания помощи. Вентидий, другой легат Антония, благодаря невероятному счастью разгромил полчища Лабиена, самого Пакора и всю парфянскую конницу между Оронтом и изгибом Евфрата. (6) Было их более двадцати тысяч. Не обошлось без хитрости полководца, изобразившего панику и заставившего врага подойти ближе к лагерю, чтобы лишить его возможности использовать стрелы. Пакор пал, храбро сражаясь. После того, как его голову пронесли по восставшим городам, Сирия была возвращена Риму без войны. Убийство Пакора уравновесило поражение Красса.

IV. 10. После того, как парфяне и римляне испытали друг друга в бою, а печальная судьба Красса и Пакора показала силы обеих сторон, была возобновлена дружба на условиях взаимного уважения и Антоний заключил договор с царем. (2) О безграничная людская гордыня! Из желания прочитать под своими статуями имена Аракса и Евфрата, без повода, без плана и даже без формального объявления войны (как будто сохранение тайны также относится к искусству полководца) он, оставив Сирию, совершил нападение на парфян. (3) Этот народ, опытный в военных делах, изобразил притворную панику и бегство в свои равнины. Антоний сразу же стал преследовать их как победитель. Но уже к вечеру на них, уставших от долгого пути, неожиданно обрушилась, как вихрь, небольшая часть вражеского войска и два легиона были засыпаны пущенными отовсюду стрелами. (4) Ни одно из поражений нельзя было бы сравнить с тем, которое угрожало на следующий день, если бы не вмешалось сочувствие богов. Некто, уцелевший от разгрома Красса, подскакал к лагерю в парфянском наряде и, обратившись с приветствием на латинском языке, что само по себе придавало веры, сообщил об угрозе: (5) "Уже приближается царь со своими силами. Вы должны отступить и достигнуть гор. Но, возможно, даже и там вы не уйдете от врага". В результате за отступающими последовала меньшая часть врагов. Но все-таки враги были. (6) Остальное войско было бы уничтожено, если бы воины, когда на них градом посыпались стрелы, случайно, но словно по наущению, не упали навзничь и, накрывшись щитами, не произвели впечатление убитых. И парфяне опустили луки. (7) Но когда римляне снова поднялись на ноги, это показалось варварам настолько удивительным, что один из них подал голос: "Идите добром, римляне. Молва заслуженно называет вас победителями народов, если вы избежали оружия парфян". Потерь от трудностей перехода было не меньше, чем от врагов. (8) Прежде всего потому, что в этой местности было опасно пить воду. Кое-кому была очень вредна соленая вода. И даже пресная приносила вред ослабленным и пьющим с жадностью. (9) Не в меньшей мере способствовали эпидемии жара Армении и снега Каппадокии, а также внезапный переход от одного климата к другому. (10) Так что от шестнадцати легионов осталась едва одна треть. Всю серебряную посуду разбили топорами; прославленный полководец не раз просил у своего телохранителя смерти, и в конце концов ему пришлось бежать в Сирию. Там он в результате какого-то невероятного безрассудства сделался еще более неукротимым, словно его спасение было победой.

Вопрос по тексту источника:

1. Как можно охарактеризовать отношение Луция Аннея Флора к Гнею Помпею и его сыну Сексту?

Дион Кассий Кокцеян. Римская история. Книга XLVIII. Пер. В.В. Рязанова.

1. Так погибли Брут и Кассий, убитые теми же мечами, которыми они убили Цезаря. Также и другие участники заговора против него были все, кроме очень немногих,

STATIO ANTIQVITATIS

уничтожены — одни перед этим, другие в это же время, и некоторые впоследствии. Правосудие и Божественная Воля, казалось, сделали так, что убили и самих себя люди, ранее убившие своего благодетеля, того, кто достиг такой высоты одновременно благодаря собственной доблести и доброй судьбе. (2) Что касается Цезаря и Антония, с другой стороны, то они в это время получили преимущество над Лепидом, потому что он не разделил с ними победу; однако вскоре им суждено было обратиться против друг друга. Ибо трудно для трех людей, или даже двух, равных в звании и в военных успехах, взявших под контроль такие обширные интересы, быть единого мнения. (3) Следовательно, хотя они какое-то время извлекали пользу из совместных действий с целью свержения своих противников, теперь они начали использовать все приобретенное для борьбы друг с другом. Таким образом, они немедленно перераспределили империю, так, чтобы Испания и Нумидия отошли к Цезарю, Галлия и Африка к Антонию; далее они согласились, что, в случае, если Лепид выкажет свое недовольство этим, они должны будут уступить ему Африку. 2. Только эти провинции они распределили между собой, так как Секст по прежнему занимал Сардинию и Сицилию, а другие области вне Италии были все еще в хаосе. Относительно самой Италии я, конечно, ничего не могу сказать, поскольку она всегда исключалось из таких распределений; ибо они никогда даже не говорили, что боролись, чтобы получить ее, но как будто защищали ее. (2) Так что они оставили Италию и провинции, удерживаемые Секстом, в общей собственности, а Антоний взял на себя задачу ослабить тех, кто боролся против них и собрать деньги, необходимые для выплат, обещанных солдатам; Цезарь же должен был лишить власти Лепида в случае, если он сделает любой враждебный ход, вести войну против Секста (3) и распределить между ветеранами, достигшими возрастного предела, обещанную им землю; этих они сразу же уволили со службы. Кроме того, он послал с Антонием два своих легиона, а Антоний обещал вернуть ему в обмен столько же легионеров из числа находившихся в то время в Италии. (4) Когда эти соглашения были достигнуты, подписаны и запечатаны, Антоний и Цезарь обменялись копиями документов, чтобы в случае какого-либо нарушения оно могло быть доказано записями. Вслед за этим Антоний отправился в Азию, а Цезарь в Италию.

3. На обратном пути Цезарь был так надломлен болезнью, что люди в Риме даже ожидали его смерти. Они считали, однако, что он так долго мешкал не столько из-за болезни, сколько из-за того, что замышлял какое-то очередное зло, и готовились испытать всевозможные бедствия. (2) Все же они не только присудили победителям в честь их победы множество почестей, которые были бы даны, конечно, и их противникам, одержи те победу (в таких случаях каждый всегда отвергает проигравшего и удостаивает победителя), но постановили также, хотя и против своего желания, устроить в течение почти целого года благодарственные празднования в честь Цезаря, прямо приказавшего им сделать это в одобрение мести, настигшей убийц. (3) Пока Цезарь медлил, ходило множество слухов, вызывавших самые разнообразные чувства. Например, некоторые распространяли сообщение, что он умер, и это вызвало радость многих людей; другие говорили, что он замышляет некое зло, и наполнили многих людей опасением. (4) Поэтому некоторые продолжали прятать свою собственность и защищать себя, а другие решили, что только бегством они могли бы сделать возможным свое спасение. Другие, которых было большинство, не способные даже придумать план из-за чрезмерного страха, готовились встретить гибель. (5) Число храбрых людей было незначительно и чрезвычайно мало; поскольку в свете прежних огромных насилий над жизнью и собственностью они ожидали, что может случиться что-нибудь подобное или еще худшее, ибо теперь они были окончательно побеждены. (6) Поэтому Цезарь, опасавшийся, что они могут начать восстание, тем более, что там был Лепид, отправил письмо к сенату, убеждая его членов быть в хорошем настроении, и далее обещая действовать в умеренном и гуманном духе, по примеру своего отца.

STATIO ANTIQVITATIS

4. Вот что тогда происходило. На следующий год консулами считались Публий Сервилий и Луций Антоний, но в действительности ими были Антоний и Фульвия. Она, теща Цезаря и жена Антония, нисколько не считалась с Лепидом из-за его пассивности и управляла делами самостоятельно, так что ни сенат, ни народное собрание не могли провести никакого решения вопреки ее воле. (2) Во всяком случае, когда Луций потребовал, чтобы ему позволили праздновать триумф над народами, живущими в Альпах, на том основании, что он победил их, Фульвия какое-то время выступала против него, и никто не противился ей, но когда Луций добился ее покровительства и она дала разрешение, все голосовали за триумф единодушно; (3) поэтому, хотя номинально именно Антоний […] и праздновал триумф над народами, которых, по его словам, победил (в действительности, он не сделал ничего заслуживающего триумфа и даже вообще не имел командования в тех областях), все же это был фактически триумф Фульвии […]. Во всяком случае, она получила большее могущество, чем он, (4) ведь дать разрешение на проведение триумфа значит больше, чем отпраздновать триумф, полученный из чужих рук. Хотя Луций получил триумфальные одежды, колесницу и выполнил другие обряды, принятые в таких случаях, казалось, что именно Фульвия устраивала зрелище, используя его только как помощника. (5) Это происходило в первый день года, и Луций хвастался, что он, подобно Марию, провел триумф в первый день того месяца, в котором начал исполнять консульские обязанности. (6) Мало того, он ликовал даже больше, чем Марий, заявляя, что добровольно сложил триумфальные одеяния и собрал сенат в гражданской одежде, тогда как Марий сделал это неохотно. И он добавлял, что Марию достался один-единственный венок, тогда как сам он получил множество от народа, от каждой трибы, — честь, которой не удостаивался ни один из прежних победителей, — в его случае вследствие влияния Фульвии и денег, которые он тайно раздавал различным людям.

5. В этом году Цезарь прибыл в Рим; предприняв обычные шаги, чтобы отпраздновать свою победу, он обратился к управлению и ведению государственных дел. Лепид не прибегал к революционным мерам, отчасти потому, что боялся Цезаря, и отчасти потому, что у него недоставало решимости; а Луций и Фульвия сначала сохраняли спокойствие, ибо рассчитывали на родство с Цезарем и партнерство в осуществлении власти. (2) Но через некоторое время они поссорились: Луций и Фульвия — из-за того, что при распределении земли они не получили долю Антония, Цезарь — из-за того, что не получил от них войска. Поэтому брак, закрепляющий их родство, был расторгнут, и они перешли к открытой войне. (3) Поскольку Цезарь не мог выносить трудный характер своей тещи и предпочитал иметь разногласия скорее с ней, чем с Антонием, он отослал назад ее дочь, заявив, что она все еще девственница, — подтвердив это присягой, — не заботясь о том, подумают ли люди, что он планировал это заранее, готовясь к будущим событиям, или что она столь долгое время оставалась в его доме девственницей по иным причинам. (4) После этого между ними больше не существовало никакой дружбы, но Луций вместе с Фульвией попытался взять в свои руки контроль над делами, притворяясь, что делает это от имени Антония, и ни в чем не уступал Цезарю (чтобы подтвердить преданность брату он взял имя Pietas); (5) в то время как Цезарь, со своей стороны, не предъявлял никаких открытых обвинений против Антония, опасаясь сделать того своим врагом, пока он управляет азиатскими провинциями, но обвинял тех двоих и предпринимал меры, чтобы сорвать их решения, на том основании, что они действовали во всех отношениях вопреки желанию Антония и стремились к собственному господству.

6. Обе стороны возлагали самые большие надежды на право распределения земли, и, следовательно, этим и было вызвано начало их ссоры. Цезарь желал действовать самостоятельно при распределении земель между всеми, кто участвовал в кампании под командованием его и Антония, согласно договору, заключенному между ними после победы, чтобы завоевать их поддержку, (2) в то время как Луций и Фульвия потребовали право самим распределить между своими солдатами выделенные им земли и колонизировать города, чтобы обеспечить себе влияние на эти колонии. Обеим сторонам

STATIO ANTIQVITATIS

казалось самым простым дать войскам, которые сражались за них, имущество невооруженных. Но, вопреки их ожиданиям, поднялось большое волнение, и дело начало двигаться к войне. (3) Поскольку сначала Цезарь продолжал отнимать у владельцев и раздавать ветеранам земли всей Италии (кроме тех, которыми владели старые солдаты, получившие их как подарок при отставке или купившие землю у правительства), вместе с рабами и всем имуществом; люди, лишавшиеся своей собственности, были страшно разгневаны на него. (4) Вслед за этим Фульвия и консул изменили свои планы, надеясь получить б**о**льшую власть, защищая угнетенных, и, следовательно, пренебрегли теми, кто должен был получить имущество, и обратили свое внимание к другому классу, более многочисленному и воодушевленному справедливым негодованием из-за ограбления, которому он подвергался. (5) Затем они стали поддерживать дело этих людей индивидуально, помогая им и объединяя их, так что люди, которые ранее боялись Цезаря, теперь стали храбрыми, найдя вождей, и больше не уступали ничего из своей собственности, так как предполагали, что Марк также одобрял политику консула. 7. Луций и Фульвия, соответственно, завоевывали симпатии этого класса и в то же самое время не сталкивались со сторонниками Цезаря. Ибо вместо того, чтобы притворяться, будто бы солдаты не нуждаются в распределении, они пытались доказать, что имущества тех, кто боролся против них, достаточно для солдат, (2) особенно указывая на большое количество земли и предметов роскоши, из которых, как они объявляли, то, что еще не распродано, следует непосредственно распределить между людьми, а стоимость уже распроданного — выплатить им. Если даже это не удовлетворяло их, они пытались обеспечить их привязанность, возлагая надежды на Азию. (3) Таким образом очень быстро получилось, что Цезарь, насильственно забиравший собственность тех, кто чем-либо обладал, и из-за этого причинявший неприятности и опасности всем, наносил вред обеим партиям; тогда как Луций и Фульвия ни у кого ничего не отнимали и показывали тем, кто должен был получить подарки, что обещания, данные им, могут быть выполнены без конфликта, с помощью ресурсов, имеющихся в наличии, и тем самым покорили оба класса. (4) Из-за всего этого, а также из-за голода, который мучительно угнетал их в это время, поскольку море у Сицилии контролировалось Секстом, а Ионийский Залив — Гнем Домицием Агенобарбом, Цезарь оказался в тяжелом положении. (5) Ибо Домиций был одним из убийц Цезаря, и, спасшись после сражения при Филиппах, собрал маленький флот и стал на какое-то время хозяином Залива, нанося очень большой вред делу противников.

8. Все это стало очень беспокоить Цезаря, так же, как и то, что в спорах между ветеранами и сенаторами и классом землевладельцев в целом — а эти споры росли в огромном количестве, так как борьба шла за огромную награду, — он не мог примкнуть к ни к одной стороне без опасности. (2) Для него невозможно было, конечно, угодить обеим, поскольку одна сторона желала разжечь бунт, другая — сохранить порядок, одна сторона стремилась захватить чужую собственность, другая — удержать свою. И каждый раз, отдавая предпочтение интересам той или иной партии — в зависимости от того, что находил необходимым, — он навлекал на себя ненависть другой; и встречал не столько благодарность за дарованные милости, сколько ненависть за отказ сделать уступки. (3) Ибо один класс принимал как должное все, что ему давали, и не расценивал это как благодеяние, в то время как другой был возмущен тем, что у них отнимали их собственность. И в результате он продолжал оскорблять или одну группу, или другую и подвергался упрекам то за что, что он друг народа, то за то, что он друг армии. (4) Таким образом, он не добился никакого успеха и узнал по собственному опыту, что оружием не превратить враждебное отношение в дружеское, с помощью оружия можно лишь истребить непокорных, но нельзя вынудить их любить того, кого они не желают любить. (5) Вслед за этим он неохотно уступил и не только стал воздерживаться от лишения сенаторов их собственности (раньше он считал возможным отбирать у них имущество, спрашивая: «Из какого еще источника мы должны тогда выплатить ветеранам их

STATIO ANTIQVITATIS

награду?» — как будто они поручили ему вести войну или давать огромные обещания солдатам), но также и не захватывал и иной частной собственности, такой как приданое или участки земли, которые были меньше обычного надела, обещанного каждому ветерану.

9. Когда он начал так действовать, сенат и прочие, кто теперь не лишался имущества, стали благожелательны к нему, но ветераны были возмущены, чувствуя, что Цезарь щадит имущество и честь других за счет их собственного имущества и чести, так как они получат меньше. (2) Они убили многих центурионов и прочих, защищавших Цезаря и пытавшихся предотвратить беспорядки, и чуть не убили самого Цезаря, ища любой предлог для удовлетворения своего гнева. (3) И они не прекращали свои волнения до тех пор, пока их собственным родственникам, а также отцам и сыновьям погибших в сражении, не была возвращена вся та земля, которой они владели. В результате солдаты вновь стали более дружественными к Цезарю, в то время как по той же причине народные массы были снова возмущены. (4) Они неоднократно вступали в столкновения и между ними продолжалась непрерывная борьба, так что с обеих сторон было много раненых и убитых. Одна партия была сильнее благодаря имеющемуся у нее оружию и военному опыту, другая — благодаря огромной численности и применяемой тактике обстрела противников с крыш в уличных боях. (5) В результате многие здания сгорели, и арендная плата для проживающих в городе была снижена до максимума в две тысячи сестерциев, в то время как для живущих в остальной части Италии, она была уменьшена на четверть в течение одного года. Ибо подобная борьба происходила во всех городах, везде, где эти две партии сталкивались друг с другом.

10. Так как эти события продолжались, а солдаты, посланные Цезарем в Испанию, восстали в Плаценции и не успокоились, пока не получили денежных подарков от жителей города, и так как, кроме того, Кален и Вентидий, владевшие Трансальпийской Галлией, не давали им перейти Альпы, (2) Цезарь стал бояться, что его постигнет бедствие, и решил примириться с Фульвией и консулом. И когда ему не удалось этого сделать самостоятельно, он обратился за помощью к ветеранам и через них попытался достичь примирения. (3) Луций и Фульвия обрадовались этому, и, так как они привлекли к себе тех, кто потерял землю, Луций объезжал их по всем направлениям, организуя их и отдаляя от Цезаря, в то время как Фульвия с сенаторами и всадниками из ее сторонников, с которыми она обычно совещалась, заняла Пренесте, даже посылая распоряжения в разные места. (4) И стоит ли удивляться этому, когда она, будто в насмешку, сама появлялась с мечом, раздавала пароль солдатам, и в многих случаях произносила речь перед войском, всем этим еще больше оскорбляя Цезаря? 11. Он, однако, не имел никакой возможности победить противников, уступая им не только в численности войск, но также и в авторитете среди граждан; поскольку он причинял бедствия многим, тогда как они наполняли каждого надеждой. Поэтому он часто через друзей предлагал Луцию и Фульвии примирение, и когда они не ответили ему ничего, он отправил к ним посланников из ветеранов. (2) Он хотел таким способом, если возможно, получить желаемое примирение, чтобы преодолеть существующие трудности и извлечь пользу, сравняв их силы в будущем; но в случае, если посольство потерпит неудачу, он полагал, что, во всяком случае, возложит ответственность за ссору на противников. (3) Так и случилось. Поэтому, когда он не добился ничего даже через солдат, он отправил сенаторов, показывая им договор, который Антоний заключил с ним, и просил их суда для преодоления «разногласий». (4) Но это тоже не было выполнено, так как его противники сначала выдвинули много встречных требований, которые Цезарь, как они были уверены, не сможет выполнить, и затем заявили, что все время действовали согласно приказу Марка Антония; вслед за этим Цезарь еще раз обратился к ветеранам.

12. После этого ветераны в большом количестве собрались в Риме, объясняя это желанием обратиться к народу и сенату. Но, не затрудняя себя этим бессмысленным делом, они собрались на Капитолии, и, приказав зачитать договор, заключенный

STATIO ANTIQVITATIS

Антонием и Цезарем, утвердили эти соглашения и потребовали назначить себя судьями в разногласиях между ними. (2) После того, как это решение было записано на табличках и запечатано, они отправили таблички девам-весталкам на хранение и приказали Цезарю (который присутствовал) и другой партии (через посольство) явиться для суда в Габии в назначенный день. (3) Цезарь выказал готовность подчиниться суду, и Луций с Фульвией обещали быть там, но не явились, либо потому, что боялись, либо потому, что считали это ниже своего достоинства; во всяком случае, они, чтобы высмеять ветеранов, называли их среди других названий senatus caligatus, из-за военных ботинок, которые они носили. Так что ветераны осудили Луция и Фульвию как виновных в раздоре и поддержали сторону Цезаря; (4) и затем, после дальнейшего обсуждения, они вновь вступили в войну и энергично начали приготовления к ней. В частности, они собрали деньги из всех источников, даже из храмов; они забирали все священные дары, которые могли быть обращены в деньги, как в самом Риме, так и в остальной части Италии, которая была под их контролем. (5) Деньги и солдаты прибыли к ним также из Ближней Галлии, которая была включена к этому времени в территорию Италии, чтобы никто не держал солдат к югу от Альп под предлогом управления провинцией.

13. Как Цезарь делал свои приготовления, так и Луций с Фульвией собирали запасы и войска. Тем временем обе стороны отправляли посольства и посылали солдат и офицеров во всех направлениях, и каждой удалось захватить некоторые области, хотя в других они встретили сопротивление. Большинство этих операций, особенно те, что не имели особого значения и не являлись незабываемыми достижениями, я буду пропускать, но отмечу кратко места, наиболее достойные упоминания.

(2) Цезарь совершил набег на Нурсию, в Сабине, и покорил сабинов, и разбил гарнизон, расположенный перед городом, но был отражен от города Тизиеном Галлом. Поэтому он перебрался в Умбрию и начал осаду Сентина, но не сумел захватить его. (3) Луций тем временем сначала под разными предлогами посылал солдат своим друзьям в Риме, а затем внезапно сам пошел против Города, разбил отряд конницы, который вышел ему навстречу, отбросил пехоту назад за стены, (4) и после этого захватил Город, ибо солдаты, прибывшие туда ранее, атаковали защитников изнутри, и ни Лепид, которому была поручена охрана Рима, не оказал никакого сопротивления из-за его свойственной ему пассивности, ни Сервилий, консул, который был слишком беспечен. Узнав это, Цезарь оставил Квинта Сальвидиена Руфа продолжать осаду Сентина и направился в Рим. (5) Когда Луцию стало об этом известно, он отступил до прибытия Цезаря, проведя через народное собрание решение, позволяющее ему оставить город, чтобы начать войну; речь перед народом он произнес в военной одежде, чего до сих пор еще никто не делал. Таким образом Цезарь вошел в столицу без боя, преследовал Луция, но не сумел захватить его, затем вернулся в Рим и установил более надежную стражу. (6) Тем временем, как только Цезарь покинул Сентин, а Гай Фурний, защищавший город, совершил вылазку и преследовал его на большое расстояние, Руф неожиданно напал на город, захватил его, разграбил и сжег. Жители Нурсии заключили соглашение, не пострадав; однако, когда, похоронив павших в сражении с Цезарем, они написали на могилах, что те погибли, сражаясь за свободу, то были наказаны огромным штрафом, так что им пришлось отказаться от своего города и всей своей земли.

14. Тем временем Луций, как я уже говорил, отступил из Рима и отправился в Галлию; найдя дорогу закрытой, он отклонился к Перузии, этрусскому городу. Там он был перехвачен сначала полководцами Цезаря, а позже и самим Цезарем, и осажден. (2) Осада оказалась длительным предприятием, ибо это место было от природы хорошо укреплено и в изобилии снабжено припасами; а конница, посланная Луцием прежде, чем он был полностью окружен, очень беспокоила осаждающих, в то время как многие другие быстро прибыли на его защиту из различных частей Италии. (3) Много вылазок было сделано после прибытия этого подкрепления и много сражений произошло у стен, но сторонники Луция, хотя и добивались успеха, были вынуждены сдаться из-за голода. Полководец и

STATIO ANTIQVITATIS

некоторые другие получили прощение, но большинство сенаторов и всадников были обречены на смерть. (4) Рассказывают, что их не просто убивали, но приносили в жертву у алтаря старшего Цезаря — три сотни всадников и много сенаторов, среди них Тиберий Каннуций, который ранее во время своего трибуната созывал народное собрание для Цезаря Октавиана. (5) Жители Перузии и прочие захваченные там в большинстве своем погибли, а сам город был полностью уничтожен огнем, кроме храма Вулкана и статуи Юноны. (6) Эта статуя, каким-то чудом сохранившаяся, была привезена в Рим в соответствии с видением, явившимся Цезарю во сне, и он дал право заселять город любому, кто желал жить там, хотя они и не получили ничего из его территории за пределами первой мили.

15. После захвата Перузии в консульство Гнея Кальвина (вторичное) и Азиния Поллиона другие районы Италии также перешли к Цезарю, некоторые насильственным образом, а некоторые по собственной воле. По этой причине Фульвия с детьми бежала к мужу, (2) и многие из известных людей последовали или за ней к Антонию или к Сексту на Сицилию. Юлия, мать Антониев, сначала отправилась туда и была принята Секстом с необычайной добротой; позже он послал ее к ее сыну Марку с предложениями дружбы между ним и Секстом и в сопровождении послов. (3) Среди тех, кто в то время покинул Италию и нашел убежище у Антония, был Тиберий Клавдий Нерон. Он отвечал за гарнизон в Кампании и, когда партия Цезаря получила преимущество, бежал со своей женой Ливией Друзиллой и сыном Тиберием Клавдием Нероном. (4) Это было еще одной из самых странных прихотей судьбы; та Ливия, что когда-то бежала от Цезаря, позже станет его женой, а Тиберий, который тогда обратился в бегство со своими родителями, унаследовал от Цезаря титул императора.

16. Это, однако, произошло позже. В описываемое время граждане Рима вновь надели мирные одежды, которые ранее сняли без какого-либо декрета, под давлением народа; они устроили празднества, приняли в городе Цезаря в триумфальных одеждах и удостоили его лаврового венка, дав ему также право носить их постоянно. (2) И после того, как Италия была подчинена, а Ионийский Залив очищен (Домиций, отчаявшийся в возможности удержать его без поддержки, отплыл к Антонию), Цезарь продолжил приготовления к экспедиции против Секста. Однако, узнав о силе этого противника и о том, что тот вел переговоры с Антонием с помощью его матери и послов, он испугался, что будет вынужден воевать на два фронта. (3) Поэтому, предпочтя Секста как более заслуживающего доверия, или, возможно, как более сильного, чем Антоний, он послал к нему его мать Муцию и женился на родственнице тестя Секста Луция Скрибония Либона в надежде, что с помощью этой услуги и этого родства он мог бы сделать его другом.

17. Нужно пояснить, что Секст, выехав из Испании в соответствии с договором с Лепидом, немного позже был назначен командующим флотом; и хотя и был лишен должности Цезарем, однако удержал флот и осмелел настолько, чтобы приплыть в Италию. Но когда сторонники Цезаря захватили контроль над страной, (2) и он узнал, что был осужден ими как один из убийц отца Цезаря, то покинул материк и плавал среди островов, снабжая себе продовольствием без обращения к преступлениям. Поскольку он не принимал участия в убийстве, то ожидал, что сам Цезарь восстановит его в правах. (3) Когда, однако, имя Секста было выбито на табличках и стало известно, что проскрипционный эдикт относится также и к нему, он отчаялся в восстановлении в правах и приготовился к войне. Он продолжил строить триремы, принимать дезертиров, добиваться поддержки пиратов и принимать под защиту изгнанников. (4) Этими средствами он скоро достиг могущества и стал властелином моря у Италии, совершал набеги на ее гавани, угонял суда и участвовал в грабежах. Поскольку дела Секста шли хорошо и его деятельность снабжала его солдатами и деньгами, он приплыл в Сицилию и без труда захватил Милы и Тиндариду, хотя и был отражен от Мессаны Помпеем Вифиником, губернатором Сицилии. (5) Однако он не покинул остров, но наводнил страну отрядами, прервал импорт продовольствия и склонил на свою сторону тех, кто

STATIO ANTIQVITATIS

хотел оказать помощь сицилийцам, вселяя во многих опасения подобной судьбы и устраивая засады для других и вредя им. Он также привлек к себе квестора, завладев его фондами, и наконец получил контроль над Мессаной и также Вифиником, заключив соглашение, по которому последний должен был обладать равной с ним властью. (6) Вифинику он тогда не причинил вреда, но у граждан изъял оружие и деньги. Его следующим шагом было покорение Сиракуз и некоторых других городов, где он набрал еще больше солдат и очень сильный флот. Кроме того, Квинт Корнифиций прислал ему значительное войско из Африки.

18. Пока Секст становился все сильнее, Цезарь какое-то время ничего не предпринимал в отношении него, и потому что пренебрегал им, и потому что был занят текущими делами. Но когда много людей в городе стало умирать от голода и Секст сделал попытку высадиться также в Италии, Цезарь наконец начал снаряжать флот и послал Сальвидиена Руфа с армией вперед к Регию. (2) Руф сумел вытеснить Секста из Италии, а когда Секст был отброшен на Сицилию, начал строить лодки из кожи, подобные тем, что используются на океане. Он делал внутренний каркас из легких прутьев и покрывал его бычьей кожей, на манер круглого щита. (3) Когда над ним начали смеяться и он решил, что пересекать пролив на этих лодках будет опасно, то отказался от них и рискнул переправляться с флотом, который уже был готов и только что прибыл; Но это оказалось невозможным, так как многочисленность и превосходящий размер его судов были бессильны перед опытом и отвагой противника. (4) Цезарь сам был свидетелем сражения, ибо эти события происходили, когда он отправлялся в Македонию, и крайне огорчился, особенно потому что впервые был побежден в столкновении. По этой причине он не рисковал снова переправляться с главными силами, хотя главная часть его флота была сохранена, (5) но предпринял много попыток сделать это тайно, чувствуя, что, если бы он мог бы ступить на остров, то его пехота была бы значительно сильнее. Однако, через некоторое время, убедившись, что у него ничего не получается из-за бдительной охраны, установленной со всех сторон, он приказал, чтобы другие следили за Сицилией, а сам отправился на встречу с Антонием в Брундизии, ибо тот в сопровождении своего главного флота пересек Ионийский Залив.

19. После этого Секст занял весь остров и предал смерти Вифиника, которого обвинил в подготовке заговора. Он также произвел триумфальное действо и устроил морское сражение пленников в проливе неподалеку от Регия, — чтобы его противники могли это видеть, — приказав маленьким деревянным лодкам сражаться с кожаными, в насмешку над Руфом. (2) После этого он построил еще больше судов и господствовал над окружающим морем; он также приобрел дополнительную славу и гордость, называя себя сыном Нептуна, так как его отец некогда управлял всем морем. Так он поживал, пока существовала сила Кассия и Брута; (3) но когда они погибли, Луций Стай и другие нашли у него убежище. Секст сперва был рад привлечь его на свою сторону, поскольку он привел с собой войска, которыми командовал; но позже, видя, что это активный и мужественный человек, казнил его по обвинению в предательстве. (4) Таким образом укрепленный флотом Стая и также множеством рабов, которые продолжали прибывать из Италии, он получил огромную силу; ибо так много рабов бежало в то время, что девы-весталки приносили жертвы, чтобы их бегство прекратилось.

20. По этим причинам и потому что, Секст принимал изгнанников, укреплял дружбу с Антонием и разграбил большую часть Италии, Цезарь желал договориться с ним; но когда ему это не удалось, он приказал Марку Випсанию Агриппе готовить войну против Секста, а сам отправился в Галлию. (2) Однако, когда Секст узнал об этом, то дождался, пока Агриппа не оказался занят в Аполлоновых играх; поскольку он был претором в то время и не только возвеличивал себя различными способами на основании своей близкой дружбы с Цезарем, но, в частности, устроил двухдневное празднование Цирковых игр и гордился проведением игры под названием «Троя», в которой участвовали знатные юноши. И в то время, как он был таким образом занят, Секст переправился в Италию и находился там,

STATIO ANTIQVITATIS

совершая опустошительные набеги, пока не прибыл Агриппа; тогда он оставил гарнизоны в нескольких местах и отплыл обратно. (3) Что касается Цезаря, то, как я сказал, он ранее пытался получить во владение Галлию через различных агентов, но это было невозможно из-за Калена и других сторонников Антония. Но когда он узнал, что Кален заболел и умер, то без труда занял ее и захватил его армию. (4) Тем временем, видя, что Лепид раздражен потерей своей провинции, Цезарь отдал ему Африку, желая, чтобы тот получил область как подарок от него одного, а не от Антония также, и стал бы таким образом лучше расположенным к нему.

21. Римляне, как я отмечал, имели две провинции в этой части Африки. Перед созданием триумвирата наместниками были Тит Секстий в Нумидии и Корнифиций с Децимом Лелием в другой; первый был дружественным Антонию, а другие два — Цезарю. (2) Какое-то время Секстий ждал, боясь, что другие, имевшие большие силы, вторгнутся в его область, и готовился противостоять им там. Но когда они задержались, он начал презирать их; и был еще более воодушевлен, когда корова, как рассказывают, заговорила человеческим голосом и предложила ему отложить другие дела, (3) и затем он видел сон, в котором, бык, захороненный в городе Тукка, казалось, приказал выкопать его голову и нести ее на шесте, намекая, что таким образом Секстий сможет победить. Тогда, отбросив колебания, особенно после того, как нашел быка в том самом месте, где ему было указано во сне, он взял на себя инициативу, вторгнувшись в Африку. (4) Сначала он занял Гадрумет и некоторые другие места, захватив их врасплох при внезапном нападении; но позже, утратив бдительность вследствие этого успеха, был разгромлен квестором Корнифиция, потерял большую часть своей армии и отошел в Нумидию. И так как он был разбит тогда, когда при нем не было головы быка, он приписал свое поражение этому факту и сделал приготовления, чтобы вновь выступить в поход. (5) Противники опередили его, вторгшись в его провинцию, и в то время как другие осаждали Цирту, квестор Корнифиция с конницей пошел против него, одолел его в нескольких конных сражениях и победил квестора Секстия. После этого Секстий получил свежее подкрепление, снова рискнул пойти на сражение, в свою очередь победил квестора, и запер Лелия, вторгшегося в страну, в пределах его укреплений. (6) Он обманул Корнифиция, который намеревался прийти на защиту коллеги, дав ему понять, что Лелий схвачен, и приведя его таким образом в уныние, победил его; и убил в сражении не только Корнифиция, но также и Лелия, сделавшего вылазку, чтобы ударить врагу в тыл.

22. После этих успехов Секстий занял Африку и управлял обеими провинциями в безопасности, пока Цезарь, согласно договору, заключенному им с Антонием и Лепидом, не принял командование над этими областями и не поручил Гаю Фуфицию Фангону управлять ими; и после этого Секстий добровольно уступил провинции. (2) Однако, когда после сражения с Брутом и Кассием Цезарь и Антоний перераспределили мир, Цезарь получил Нумидию за его долю Ливии, а Антоний Африку, — ибо Лепид, как я отмечал, управлял ими только номинально, и часто даже не назывался в документах, — (3) когда, говорю я, это произошло, Фульвия приказала Секстию возобновить его правление Африкой. Он в это время все еще оставался в Ливии под предлогом зимнего сезона, но на самом деле очень хорошо зная, что предстоит новая революция. Не убедив Фангона удалиться из страны, он связался с местными племенами, которые терпеть не могли Фангона, ибо тот служил в наемных войсках — многие из них, как я говорил уже в моем рассказе, были избраны в сенат, — и правил аборигенами ужасно. (4) При таком повороте событий Фангон отправился в Нумидию, где плохо обошелся с жителями Цирты, потому что они презирали его ввиду существующих обстоятельств. Он также лишил царства некоего Арабиона, князька соседних варваров, которые сначала помогали Лелию, но позже примкнули к Секстию; это он сделал потому что Арабион отказался заключить с ним союз. (5) Когда князек сбежал к Секстию, Фангон потребовал его выдачи, после отказа рассердился, захватил Африку и разорил часть страны; но когда Секстий против него начал войну, Фангон был побежден в небольших, но многочисленных стычках и

STATIO ANTIQVITATIS

снова бежал в Нумидию. (6) Секстий двинулся за ним и надеялся относительно скоро его победить, особенно при помощи конницы Арабиона, но начал подозревать Арабиона и предательски убил его, после чего уже ничего не смог совершить, так как конница, разгневанная смертью Арабиона, оставила Секстия и в большинстве своем перешла на сторону Фангона. 23. На некоторое время Секстий и Фангон заключили союз, согласившись, что причина для войны между ними устранена; позже, однако, Фангон дождался, пока Секстий не почувствовал себя в безопасности из-за перемирия и затем вторгся в Африку. (2) Вслед за этим они вступили в сражение друг с другом, и сначала у обоих один фланг победил, а второй был разбит; поскольку у Фангона была сильнее его нумидийская конница, а у Секстия — гражданская пехота, они разграбили лагеря друг друга не зная, какая судьба постигла их товарищей. (3) Затем, когда они отступили и поняли, что случилось, они вновь вступили в бой, нумидийцы были разбиты, а Фангон бежал в горы; но ночью мимо проходило множество беглецов, и, думая, что это конница врага, он совершил самоубийство. (4) Таким образом, Секстий без помех получил власть над всеми другими районами и подчинил голодом Заму, которая оборонялась в течение долгого времени. После этого он снова управлял обеими областями до прибытия Лепида. (5) Против него он не предпринимал никаких мер, — либо потому что думал, что это решение одобрено Антонием, либо потому что был далеко не так силен, как Лепид; вместо этого, он сохранял спокойствие, действуя, как будто его благосклонность к Лепиду сама собой разумелась. Таким образом, Лепид получил во владение обе области.

24. Но довольно об этом. В это же время, после сражения при Филиппах, Марк Антоний прибыл на территорию Азии, где налагал штрафы на города и продавал должности; многие районы он посетил лично, в другие послал агентов. (2) Тем временем он влюбился в Клеопатру, которую встретил в Киликии, и после этого уже не думал о чести, но стал рабом египетской женщины и посвятил все свое время страсти к ней. Это заставило его сделать много возмутительных вещей, и прежде всего вырвать ее братьев из храма Артемиды в Эфесе и предать их смерти. (3) И, наконец, он оставил Планка в провинции Азия, Саксу в Сирии, а сам отбыл в Египет. Этот поступок был причиной многих беспорядков: жители острова Арадос не приняли во внимание агентов, посланных к ним, чтобы собрать деньги, и даже зашли так далеко, что убили некоторых из них, и парфяне, которые и ранее были активны, (4) теперь нападали на римлян больше чем когда-либо. Их вождями были Лабиен и Пакор. Последний был сыном царя Орода, а первый — сын Тита Лабиена. Вот как Лабиен оказался у парфян и стал действовать заодно с Пакором. (5) Он был союзником Брута и Кассия, пославших его до сражения к Ороду, чтобы добиться подкрепления, был задержан им на долгое время, в то время как царь ожидал поворота событий, не решаясь присоединить свои войска к их силам, но опасаясь и отказаться. (6) Позже, когда новости о поражении достигли его, и, казалось, победители были намерены не пощадить никого из тех, кто им сопротивлялся, Лабиен остался среди варваров, предпочтя жить среди них, чем погибнуть дома. Теперь, как только Лабиен узнал о деморализации Антония, о его страсти и о его отъезде в Египет, он убедил парфянского царя напасть на римлян. (7) Ибо он заявил, что их армии или полностью уничтожены или ослаблены, а остальные войска мятежны и скоро опять возьмутся за оружие; поэтому он советовал царю подчинить Сирию и соседние районы, ведь Цезарь был занят в Италии борьбой с Секстом, а Антоний потворствовал своей страсти в Египте. (8) Он обещал принять командование в войне и уверил Орода, что если следовать этим путем, то он отделит от Рима многие провинции, поскольку они сами уже отложились от римлян из-за постоянно испытываемых притеснений.

25. Такими доводами он убедил Орода поручить ему ведение войны и получил в свое распоряжение большие силы и Пакора, сына царя. С ними он вторгся в Финикию, и двинулся против Апамеи, был отражен от ее стен, но без сопротивления привлек гарнизоны страны на свою сторону. (2) Эти гарнизоны состояли из отрядов, служивших у Брута и Кассия; Антоний включил их в свои войска и в то время назначил их на

STATIO ANTIQVITATIS

гарнизонную службу в Сирию, потому что они знали страну. Лабиен легко привлек всех этих людей, так как они были хорошо знакомы с ним, за исключением Саксы, их тогдашнего командира, который был братом полководца Саксы, а также квестором и поэтому, единственный из всех, отказался перейти на другую сторону; (3) а полководца Саксу он победил в генеральном сражении благодаря превосходству в количестве и качестве своей конницы, и когда тот позже сбежал ночью от своих солдат, то преследовал его. Причина бегства Саксы была в том, что он боялся, что его союзники перейдут на сторону Лабиена, пытавшегося переманить их посредством памфлетов, которые он постоянно подбрасывал в лагерь Саксы. (4) Теперь, когда Лабиен настиг беглецов, он убил большинство из них, а затем, когда Сакса спасся в Антиохию, он захватил Апамею, которая больше не сопротивлялась, так как жители считали Саксу мертвым; впоследствии он заключил договор и с Антиохией, когда Сакса ее покинул, и наконец, после преследования беглеца в Киликии, захватил самого Саксу и предал его смерти. 26. После смерти Саксы Пакор объявил себя властителем Сирии и покорил все города, кроме Тира; но тот город уже был занят спасшимися римлянами и симпатизировавшими им местными жителями, и ни убеждение не могло справиться с ними, ни сила, так как Пакор не имел флота. (2) Поэтому они продолжали сопротивляться нападавшим, но Пакор удерживал всю остальную часть Сирии. Затем он вторгся в Палестину и сверг Гиркана, который в это время правил там, получив назначение от римлян, и утвердил в его землях его брата Аристобула из-за вражды, существующей между ними. (3) Тем временем Лабиен занял Киликию и обеспечил покорность всех городов на материке кроме Стратоникеи, тогда как Планк, опасаясь его, бежал на острова; большинство мест он подчинял без борьбы, но за Миласу и Алабанду ему пришлось сражаться. (4) Хотя эти города и приняли гарнизоны от него, но во время праздника истребили их и восстали; за это Лабиен наказал людей Алабанды, когда захватил этот город, и снес до основания город Миласу после того, как он был оставлен. Что касается Стратоникеи, то он осаждал ее долгое время, но никак не мог захватить.

(5) Теперь вследствие этих успехов Лабиен продолжил налагать штрафы и грабить храмы и называл себя императором и Парфянским, в последнем случае действуя вопреки римской традиции, так как он брал имя от тех, кого вел против римлян, как будто парфянам, а не своим соотечественникам он наносил поражение. 27. Что касается Антония, то, хотя он был информирован обо всех этих событиях, как, без сомнения, и о происходящем в Италии, все же он в обоих случаях не сумел вовремя принять защитные меры, ибо был настолько опьянен страстью, что не думал ни о союзниках, ни о врагах. (2) Это правда, что Антоний искренне посвящал себя исполнению своих обязанностей, пока находился в подчиненном положении и стремился к высшим почестям, но теперь, войдя во власть, он больше не уделял внимания делам, а следовал роскошному и непринужденному образу жизни Клеопатры и египтян до тех пор, пока не был полностью деморализован. (3) И когда, наконец, он был вынужден лично вмешаться в ход боевых действий, то приплыл к Тиру, чтобы оказать ему помощь, но видя, что остальная часть Сирии уже была занята до его прибытия, предоставил жителей их судьбе под тем предлогом, что он должен был готовиться к войне против Секста; а свою медлительность в отношении последнего оправдывал, ссылаясь на парфян. (4) И таким образом, как он оправдывался, он не оказал никакой помощи союзникам в Азии — из-за Секста, а Италии — из-за своих азиатских союзников, но проплыл вдоль всей Азии и переправился в Грецию. (5) Там, после встречи с матерью и женой, он объявил Цезаря своим врагом и заключил союз с Секстом. После этого он приплыл в Италию, захватил Сипонт, и приступил к осаде Брундизия который отказался прийти с ним к соглашению.

28. Пока он был занят этим, Цезарь, уже прибывший из Галлии, собрал свои силы и послал Публия Сервилия Рулла к Брундизию, а Агриппу — против Сипонта. Агриппа взял город штурмом, но Сервилий был внезапно атакован Антонием, убившим и взявшим в плен многих из его людей. (2) Эти два лидера, таким образом, начали открытую войну и

STATIO ANTIQVITATIS

посылали сообщения различным городам и ветеранам, повсюду, откуда они надеялись получить помощь; и вся Италия была вновь ввержена в хаос, особенно Рим; и некоторые уже выбирали одну сторону или другую, а другие колебались. В то время как сами лидеры и те, кто помогал им в войне, находились в состоянии неопределенности, умерла Фульвия, остававшаяся в Сикионе. (3) И хотя Антоний считался виновным в ее смерти из-за своей страсти к Клеопатре и ее экстравагантности, однако, когда эти новости были объявлены, обе стороны сложили оружие и пришли к соглашению, либо потому что Фульвия действительно была причиной их вражды до настоящего времени, либо потому что они использовали ее смерть как предлог, ввиду страха друг перед другом, поскольку их силы, так же как и амбиции, были равны. (4) В соответствии с этой договоренностью Цезарь стал хозяином Сардинии, Далмации, Испании и Галлии, а Антоний получил все области, принадлежавшие римлянам за Ионийским морем в Европе и Азии; что касается областей в Африке, то ими владел Лепид, а Сицилией Секст.

29. Так они вновь разделили империю и затем решили предпринять совместную войну против Секста, хотя Антоний через послов клялся, что будет выступать вместе с Секстом против Цезаря. (2) И в основном по этой причине Цезарь объявил общую амнистию тем, кто бежал к Антонию после войны с Луцием, братом Антония, — и среди них Домицию и некоторым другим из убийц Цезаря, — а также всем тем, кто был внесен в проскрипционные списки или сотрудничал с Брутом и Кассием, а позже встал на сторону Антония. (3) Поистине, так велика порочность, царящая в борьбе партий и войне; ибо власть предержащие не принимали во внимание справедливость, но их вражда и дружба определялись их личными интересами в данный момент, так что они расценивали одних и тех же людей, то как врагов, то как друзей, в зависимости от ситуации.

30. Достигнув этого соглашения в лагерях в Брундизии, они устроили друг для друга приемы, Цезарь в военном и римском стиле, а Антоний — в азиатском и египетском . (2) И теперь, когда они примирились, солдаты, бывшие в то время с Цезарем, окружили Антония и потребовали деньги, которые Цезарь и Антоний обещали им перед сражением при Филиппах; ведь он был послан в Азию, чтобы собрать как можно больше денег. (3) И когда он не смог им ничего дать, они, конечно, нанесли бы ему какой-то вред, если бы Цезарь не остановил их, вдохновив новыми надеждами. После этого они отправили ветеранов в колонии, чтобы защитить себя от дальнейших мятежей, и затем принялись за войну, (4) поскольку Секст высадился в Италии в соответствии с соглашением, которое он заключил с Антонием, намереваясь вместе с Антонием вести войну против Цезаря. Но узнав об их договоре, он возвратился на Сицилию, и приказал Мене, своему вольноотпущеннику, к которому он был чрезвычайно привязан, отправиться вдоль побережья с частью флота и уничтожать имущество его противников. (5) Мена разорил многие районы Этрурии и захватил Марка Тития, сына Тития, который был одним из объявленных вне закона и находился тогда на стороне Секста; этот сын собрал много судов в целях собственного могущества и базировался в Нарбоннской провинции. (6) Этот Титий нисколько не пострадал благодаря своему отцу, а также благодаря тому, что его солдаты носили имя Секста на щитах: его жизнь было сохранена, однако он не отблагодарил своего спасителя по справедливости, но напротив, победил его в сражении и наконец убил его, так, что этот его поступок помнили среди наиболее известных примеров такой неблагодарности. (7) Совершив все это, Мена приплыл в Сардинию и сражался с Марком Лурием, наместником острова; сначала он был разбит, но позже, когда Лурий преследовал его без опаски, он выждал его нападения и развернул свои силы против Лурия, одержав над ним неожиданную победу. (8) Вслед за этим Лурий покинул остров, а Мена занял его; все города сдались ему, кроме Каралиса, который он брал осадой, так как многие беглецы после сражения нашли там убежище. Он выпустил без выкупа нескольких пленников, в том числе Гелена, вольноотпущенника Цезаря, пользовавшегося большим расположением своего господина, — таким образом обеспечивая себе благожелательность

STATIO ANTIQVITATIS

Цезаря и готовя себе убежище под рукой Цезаря, на случай, если когда-либо будет в этом нуждаться.

31. Вот чем занимался в то время Мена; что касается людей в Риме, то они больше не хранили спокойствие, поскольку Сардиния была в руках врага, побережье разграблялось и поставки зерна были прерваны, тогда как голод, множество различных налогов, а также дополнительные сборы, например, с владельцев рабов, очень их раздражали. (2) Насколько они были довольны соглашением Антония и Цезаря, — ибо думали, что согласие между этими людьми означает мир и для них, — настолько или даже больше они были рассержены войной, которую эти два человека продолжали против Секста. (3) Совсем недавно они впустили этих двух правителей в город на лошадях, как будто в триумфе, предоставили им триумфальное платье — такое же, как у тех, кто праздновал триумфы, — разрешили им наблюдать за представлениями, сидя на государственных скамьях и предложили Антонию жениться на овдовевшей сестре Цезаря, Октавии, хотя она и была беременна, (4) теперь же они значительно изменили свое поведение. Сначала, встречаясь на сходках или собираясь на представлениях, они торопили Антония и Цезаря заключить мир и при этом подымали громкий ропот; и так как эти лидеры не слушали их, они все более отдалялись от них и поддерживали Секста. (5) Они не только постоянно роптали, чтобы способствовать его интересам, но даже во время игр в Цирке удостоили громкими аплодисментами статую Нептуна, которую несли в процессии, таким образом выражая свое великое восхищение Секстом. И когда в некоторые дни ее не было в процессии, они набрали камней, выгнали магистратов с Форума, сбросили статуи Цезаря и Антония, и наконец, когда даже этим способом им ничего не удалось добиться, яростно бросились на властителей, как будто собираясь убить их. (6) Цезарь разорвал на себе одежды и принялся умолять их, хотя его сопровождающие были ранены, Антоний же пытался применить к ним насилие. И когда по этой причине народ разъярился и появились опасения, что они совершат впоследствии и другие акты насилия, эти двое были против своего желания вынуждены послать к Сексту мирные предложения.

32. Тем временем Цезарь и Антоний сместили преторов и консулов, хотя оставалось недолго до завершения года, и назначили других, нисколько не заботясь о том, что им придется исполнять служебные обязанности всего несколько дней. (2) Одним из тех, кто в это время стал консулом, был Луций Корнелий Бальб, гадитанец, который настолько превзошел людей своего поколения в богатстве и щедрости, что после смерти оставил в наследство по сто сестерциев каждому римскому гражданину. (3) Они не только сделали это, но и, когда в последний день года умер эдил, выбрали другого на несколько остающихся часов. Именно в это же самое время в Риме был построен водопровод — Aqua Iulia, как он назывался, (4) и консулы провели праздник, который обещали устроить после завершения войны против убийц Цезаря. Обязанности, возлагаемые на коллегию септемвиров, были выполнены понтификами, так как не присутствовало ни одного ее члена. Так же поступали и в многих других случаях впоследствии.

33. Помимо названных событий, случившихся в том году, Цезарь устроил общественные похороны Сферу, который был его слугой в детстве и затем получил свободу. Также он предал смерти Сальвидиена Руфа, которого подозревал в злоумышлениях. (2) Это был человек самого темного происхождения, и однажды, в то время, как он пас стадо, из его головы вырвалось пламя; но он был выдвинут Цезарем на должность консула, хотя не был даже членом сената, а его брат, умерший раньше него, был похоронен за Тибром, после того, как специально для этой цели построили мост. (3) Но ничто в жизни человека не постоянно, и он был, наконец, обвинен в сенате лично Цезарем и убит как враг Цезаря и всего народа. В связи с его казнью были принесены благодарственные жертвы и, кроме того, забота о городе была поручена триумвирам с общепринятым определением «…чтобы государство не потерпело никакого вреда». (4) В предшествующем году люди, принадлежащие к сословию всадников, убивали диких животных в Цирке по случаю Ludi Apollinares. И вопреки правилу был вставлен

STATIO ANTIQVITATIS

дополнительный день для того, чтобы первый день наступающего года не совпал с рыночным, который проводили каждые девять дней — это совпадение всегда строго предотвращалось с ранних времен Рима. Естественно, позже пришлось изъять день, чтобы календарь двигался согласно системе, изобретенной прежним Цезарем. (5) Владения Аттала и Дейотара, умерших в Галатии, были переданы некоему Кастору. Также Публий Фальцидий, бывший в то время трибуном, провел закон о порядке наследования, названный Lex Falcidia, который применяется в полную силу даже сегодня; согласно ему, если наследник почему-либо чувствует себя обремененным, он может получить четвертую часть завещанной ему собственности, отказавшись от остального.

34. Такими были события этих двух лет; в следующем году, когда Луций Марций и Гай Сабин были консулами, сенат ратифицировал все действия триумвиров со времени, когда они сформировали свою олигархию; (2) они учредили некоторые новые налоги, потому что расходы оказались гораздо б**о**льшими, чем бюджет, созданный во времена прежнего Цезаря. Ибо, хотя они тратили огромные суммы на собственные нужды и особенно на солдат, но стыдились только одного — того, что эти расходы противоречили прецеденту. (3) Например, когда Цезарь теперь впервые сбрил бороду, он лично устроил великолепное представление помимо праздника, организованного для всех граждан за общественный счет. Впоследствии он не носил бороды, подобно остальным; ибо он уже начинал очаровываться Ливией и развелся с Скрибонией в тот самый день, когда она родила ему дочь. (4) Поскольку расходы становились гораздо большими, чем прежде, а доходы, в любом случае недостаточные, собирались в это время в даже меньших количествах из-за борьбы партий, триумвиры установили некоторые новые налоги; а также ввели в сенат очень много новых людей, не только из числа союзников, но и солдат, и сыновей вольноотпущенников, и даже рабов. (5) Во всяком случае, некий Максим, тогда собирающийся стать квестором, был узнан своим хозяином и стянут с трибуны; и хотя должность, на которую он осмелился претендовать, гарантировала ему неприкосновенность, все же другого раба, который был обнаружен на должности претора, сбросили вниз со скалы Капитолия, сначала освободив, чтобы наказание могло иметь надлежащее достоинство.

35. Экспедиция, которую Антоний готовил против парфян, послужила им некоторым оправданием для увеличения числа новых сенаторов. По этой же причине они распределили на много лет вперед различные магистратуры, включая консульство на восемь полных лет, чтобы таким образом отблагодарить тех, кто сотрудничал с ними, и привлечь других. (2) И они выбирали не двух ежегодных консулов, как требовала традиция, но теперь впервые выбрали нескольких в самый день выборов. И раньше, конечно, некоторые получали магистратуру, хотя их предшественники не умерли и не были смещены из-за лишения гражданских прав или по иной причине, но все эти люди становились должностными лицами в соответствии с решением магистратов, избранных на полный год; теперь же никого не избирали на весь год, но для различных частей года был назначен разный состав должностных лиц. (3) И люди, первыми занимавшие должность консула, давали имя всему году; других в период их службы называли консулами жители города и остальной части Италии, как это происходит и сегодня, но остальные граждане империи знали немногих из них или даже никого и поэтому назвали их «меньшие консулы».

36. Таковы были действия Цезаря и Антония дома. С Секстом они сначала договорились через посредников о том, как и на каких условиях может быть достигнуто примирение, и затем сами встретились с ним около Мизена. Эти двое расположились на суше, а Секст недалеко от них на окруженной водой насыпи, которая была построена в море с целью обеспечения его безопасности. (2) Здесь же был весь флот Секста и вся пехота тех двоих; мало того, силы одной стороны были собраны на берегу, а другой стороны — на кораблях в полном вооружении, и поэтому всем было совершенно очевидно, что они заключают мир из страха перед военной силой друг друга и по

STATIO ANTIQVITATIS

необходимости: два триумвира — из-за народа, а Секст — из-за своих сторонников. (3) Договор был заключен на тех условиях, что рабы, бежавшие к Сексту, должны получить свободу и все изгнанные должны быть восстановлены в правах, кроме убийц Цезаря. Конечно, они просто лицемерили, исключив из договора последних, так как в действительности некоторые из них уже были восстановлены в правах, и сам Секст считался одним из них. (4) Но, во всяком случае, было записано, что всем остальным, кроме убийц Цезаря, будет позволено возвратиться в безопасности и возмещена четверть их конфискованной собственности; что некоторые из них немедленно получат трибунские, преторские и жреческие должности; что сам Секст будет выбран консулом и принят в коллегию авгуров, (5) получит семьдесят миллионов сестерциев из состояния его отца, и будет управлять Сицилией, Сардинией и Ахайей в течение пяти лет; что он не должен принимать беглецов или увеличивать количество судов или держать гарнизоны в Италии, (6) но должен посвятить свои усилия обеспечению безопасности полуострова со стороны моря и посылать установленное количество зерна людям в городе. Они ограничили его власть этим периодом времени, потому что желали, чтобы казалось, что они также осуществляют временную, а не постоянную власть.

37. После составления и подписания этого договора они отправили его на хранение весталкам, а затем обменялись дарами и обняли друг друга. В тот же самый момент великий оглушительный крик поднялся на материке и на судах. (2) Большинство присутствовавших солдат и гражданских лиц закричали одновременно, будучи ужасно утомлены войной и с нетерпением ожидая мира, так, что даже горы содрогнулись; и вслед за этим среди них поднялась большая тревога, и многие умерли от страха, а другие были затоптаны или задохнулись. (3) Те, кто были в маленьких лодках, не ждали, чтобы достигнуть земли на них, но выпрыгивали в море, а те, кто были на берегу — кидались в воду. Они заключали друг друга в объятья, плавая, и обнимались, погружаясь в воду, что представляло необычайное зрелище. (4) Некоторые знали, что их родственники и друзья живы, и встретившись с ними, дали волю необузданной радости. Другие, считавшие дорогих им людей погибшими, теперь неожиданно увидели их и долгое время не знали, что делать, оставались безмолвными, не веря своим глазам и молясь, чтобы это оказалось правдой; и не могли поверить, пока не назвали их по имени и не услышали в ответ их голоса; (5) тогда, поистине, они радовались не меньше, чем если бы их друзья воскресли из мертвых, и, уступая приливу радости, не могли удержаться от слез. Те же, кто не знал о гибели своих близких и считал, что они живы и здоровы, ходили и искали их, спрашивая каждого встречного. (6) Пока им не удавалось узнать ничего определенного, они были подобны сумасшедшим и погружены в отчаяние, надеясь найти родственников и опасаясь, что они мертвы, не в силах ни оставить надежду, ни побороть горе. (7) Но узнав наконец правду, они рвали на себе волосы и раздирали одежды, призывая утраченных по имени, как будто голоса могли их достигнуть, как будто их друзья только умерли и находились у них перед глазами. (8) И даже если кто-нибудь сам не имел такой причины для радости или печали, на них, по крайней мере, воздействовали переживания остальных; ибо они или радовались с теми, кто был доволен, или огорчались с теми, кто был опечален, и даже будучи свободны от собственных переживаний, они все же не могли остаться безразличными из-за товарищества с остальными. (9) Так что они не были пресыщены радостью и не стыдились печали, ибо все вокруг испытывали то же самое, и потратили полный день и большую часть ночи на это проявление чувств.

38. После этого лидеры, так же как и остальные, принимали и угощали друг друга, сначала Секст на своем судне, а затем Цезарь и Антоний на берегу; ибо Секст настолько превзошел их в военной силе, что не высадился на сушу для встречи с ними, пока они не побывали на борту его судна. (2) И хотя такая договоренность давала Сексту возможность убить их обоих, когда они были в маленькой лодке с несколькими сторонниками, как Мена ему и советовал, он не пожелал так поступить. Разговаривая с Антонием, завладевшим домом его отца в Carinae (название района в Риме), (3) он весьма удачно

STATIO ANTIQVITATIS

пошутил, говоря, что принимает их в Carinae; ведь то же название носят кили судов. Однако он не действовал против них так, будто вспоминал о прошлом с горечью, но на следующий день не только пировал в свою очередь у триумвиров, но и обручил свою дочь с Марком Марцеллом, племянником Цезаря.

39. Эта война тогда была приостановлена; а война с Лабиеном и парфянами подошла к концу следующим образом. Сам Антоний возвратился из Италии в Грецию и надолго там задержался, удовлетворяя свои страсти и разоряя города, чтобы они перешли к Сексту в самом плачевном состоянии. (2) В это время он жил в многих отношениях вопреки традициям своей страны, называя себя, например, Новым Дионисом и настаивая, чтобы его так называли другие; и когда афиняне ввиду этого обручили с ним Афину, он объявил, что вступает в этот брак и потребовал от них в качестве приданого четыре миллиона сестерциев. Занимаясь этими делами, он послал Публия Вентидия вперед, в Азию. (3) Этот офицер, не дожидаясь Антония, напал на Лабиена и ужаснул его внезапностью своего появления и своими легионами, ибо Лабиен был без парфян и имел с собой только местных солдат. Вентидий обнаружил, что Лабиен даже не рискует вступать в сражение, вытеснил его из страны и преследовал во главе легких отрядов до самой Сирии. (4) Вентидий настиг его около гор Тавр и помешал ему идти дальше, но в течение нескольких дней они стояли там, не двигаясь, поскольку Лабиен ожидал парфян, а Вентидий свои тяжеловооруженные отряды. 40. Подкрепление, однако, прибыло одновременно к обеим сторонам; и, хотя Вентидий, опасаясь варварской конницы, остался в своем лагере на высоком холме, (2) парфяне, из-за своей численности и из-за того, что однажды уже побеждали, исполнились презрения к своим противникам и бросились на холм на рассвете, не дожидаясь даже соединения с Лабиеном; и когда никто не вышел им навстречу, двинулись прямо вверх. (3) Когда они были на подъеме, римляне помчались вниз и легко сбросили их вниз. Многие из парфян были убиты в рукопашном бою, но еще больше людей покалечило друг друга при отступлении, так как некоторые уже обратились в бегство, а другие все еще наступали; и оставшиеся в живых сбежали, не к Лабиену, но в Киликию. (4) Вентидий преследовал их до лагеря, но остановился, увидев там Лабиена. Последний выстроил свои силы как будто для того, чтобы предложить ему сражение, но понимая, что его солдаты удручены из-за бегства варваров, он не рискнул вступить в сражение, а ночью попытался выйти из окружения. (5) Однако Вентидий заранее узнал об этом плане от дезертиров и, расставив засады, убил многих пробиравшихся из окружения и захватил остальных, оставленных Лабиеном. Последний, сменив свои одежды, временно оказался в безопасности и некоторое время скрывался в Киликии, (6) но был впоследствии захвачен Деметрием, вольноотпущенником старшего Цезаря, которого в то время Антоний назначил управлять Кипром; Деметрий, узнав что Лабиен бежал, приказал искать его и схватил.

41. После того, как Вентидий вернул Киликию, он принял на себя управление провинцией, но послал Помпедия Силона с конницей вперед к Аману. (2) Эта гора находится на границе между Киликией и Сирией и имеет проход, настолько узкий, что некогда его перегородили стеной и воротами, и от этого место и получило свое название. (3) Силон, однако, не смог захватить его и чуть не потерпел поражение от Фарнапата, офицера Пакора, командующего гарнизоном в проходе. (4) Его спасло то, что во время сражения подошел Вентидий и напал на варваров, не ожидавших его и более малочисленных. Римляне убили Фарнапата и многих других. Таким образом, они без сражения завладели Сирией (так как парфяне бежали отовсюду), за исключением арадийцев, а так же без всяких трудностей заняли Палестину, изгнав из страны царя Антигона. (5) Помимо этого, Вентидий взыскал большие суммы денег с каждой провинции в отдельности, а также с Антигона, Антиоха и Малха Набатейского, потому что они помогали Пакору. Сам Вентидий не получил от сената никакой награды за свои свершения, так как не имел собственных полномочий, а действовал как подчиненный другого; но Антоний удостоил его хвалебными речами и благодарностями. (6) Что

STATIO ANTIQVITATIS

касается арадийцев, то они боялись, что должны будут заплатить штраф за свою смелость против Антония, и не желали прийти с ним к соглашению, но были захвачены другими после многих трудов.

Приблизительно в это время произошло восстание среди иллирийцев, но его подавил Поллион после нескольких сражений. 42.. В Испании восстали церретаны, но и они были покорены Кальвином после некоторых успехов и поражения — последнее потерпел его подчиненный, попавший в засаду варваров и брошенный своими солдатами. (2) Кальвин не предпринимал никаких действий против врага, пока не наказал этих дезертиров; собрав их вместе, как будто для другой цели, он окружил их остальными войсками, и затем предал смерти каждого десятого в двух центуриях и наказал многих центурионов, включая того, который был так называемым примипилом. (3) Совершив это и приобретя репутацию, подобную той, что была у Марка Красса, за приведение армии в порядок, он отправился против своих противников и без особых трудностей победил их. (4) И он получил триумф, несмотря на то, что Испания была назначена Цезарю; ведь властители могли предоставлять почести подчиненным по своему желанию. Золото, которое обычно дают города для триумфа, Кальвин собрал с испанских городов и потратил только часть на празднования, но большую долю на строительство Регии. (5) Она была сожжена, и теперь он восстановил и освятил ее, великолепно украсив различными предметами и статуями, часть из которых он выпросил у Цезаря, обещая вернуть. И когда Цезарь потребовал возврата, Кальвин не вернул их, отшутившись. Притворяясь, у него не хватает помощников, он сказал: «Пошли людей и возьми их». И Цезарь, боясь кощунства, позволил оставить их в качестве даров.

43. Вот что произошло в то время. Но в консульство Аппия Клавдия и Гая Норбана, которые впервые имели по два квестора в качестве помощников, народные массы восстали против сборщиков налогов, жестоко их угнетавших, и вступили в схватки с самими сборщиками, их помощниками и солдатами, помогавшими им собирать деньги; (2) и шестьдесят семь преторов один за другим были назначены и занимали должность. Один человек был выбран квестором, будучи еще мальчиком, и достиг совершеннолетия лишь на следующий день; другой, включенный в сенат, желал сражаться на арене как гладиатор. (3) Мало того, что ему это не позволили, но также был издан закон, запрещавший сенатору сражаться в качестве гладиатора, а рабу быть ликтором; запрещено было и сожжение тел в пределах двух миль от города.

(4) Также в это время случилось много зловещих предзнаменований, например, извержение оливкового масла на берегу Тибра и многое другое. Среди прочего, в результате некоего ритуала, проводимого понтификами, сгорела хижина Ромула; статуя Доблести, стоявшая перед воротами, упала лицом вниз, а некоторые люди, вдохновленные Матерью Богов, объявляли, что богиня гневается на них. (5) По этой причине обратились к Сивиллиным книгам, которые сообщили то же и предписали отнести статую к морю и очистить в его водах. Когда же богиню перенесли на большое расстояние в глубоководный залив и надолго там оставили, вернув назад лишь спустя длительное время, (6) это обстоятельство также вызвало у римлян немалые опасения, и они не успокоились, пока вокруг ее храма и на Форуме не выросло четыре пальмовых дерева.

Помимо этих событий, происходивших тогда, Цезарь женился на Ливии. 44. Она была дочерью Ливия Друза, названного в проскрипционном эдикте и покончившего с собой после поражения в Македонии, и женой Нерона, которого она, как уже говорилось, сопровождала в бегстве. Говорят, что она была на шестом месяце беременности во время свадьбы. (2) Во всяком случае, когда Цезарь сомневался и спрашивал понтификов о возможности брака во время беременности, они ответили, что если бы имелось сомнение, то брак пришлось бы отложить, но если беременность была точно установлена, то для заключения брака нет никаких препятствий. Возможно, они действительно нашли это среди постановлений предков, но, конечно, они сказали бы то же самое, даже если бы ничего не нашли. (3) Ее муж сам выдавал жену замуж, как это делает отец; и на свадебном

STATIO ANTIQVITATIS

пиру произошел следующий случай. Один из мальчиков-шутов, которых женщины держат рядом с собой для развлечения, как правило обнаженными, видя Ливию, возлежащую на одном ложе рядом с Цезарем, и Нерона на другом с мужчиной, подошел к ней и сказал, показывая на Нерона: «Что ты здесь делаешь, госпожа? Твой супруг возлежит вон там». (4) Но довольно об этом. Позже, когда эта женщина уже жила с Цезарем, она родила Клавдия Друза Нерона. Цезарь подтвердил это и отослал ребенка его отцу, что отмечено в его воспоминаниях: «Цезарь возвратил отцу маленького Нерона, которого родила Ливия, его жена». (5) Нерон умер вскоре после этого и оставил Цезаря опекуном и этого мальчика, и Тиберия. В народе много сплетничали об этом и, среди прочего, говорили: «У счастливчиков дети рождаются через три месяца»; и это высказывание стало пословицей.

45. Пока в городе происходили эти события, в Испанию приплыл Богуд из Мавритании, действуя либо по приказу Антония, либо на свой страх и риск, и причинил много ущерба, также и сам неся большие потери; (2) тем временем жители его собственных владений в окрестности Тингиса поднялись против него, так что он покинул Испанию, но не сумел отвоевать свою собственную страну. Ибо сторонники Цезаря в Испании и Бокх прибыли на помощь восставшим, и он не смог с ними справиться. (3) Богуд отбыл, чтобы присоединиться к Антонию, в то время как Бокх немедленно овладел его царством, которое было впоследствии закреплено за ним Цезарем; а люди Тингиса получили гражданство.

(4) В это время, или даже ранее, была начата война между Секстом и Цезарем; ибо, так как они заключили соглашение не по собственной доброй воле или выбору, но по принуждению, они недолго соблюдали его, но сразу нарушили перемирие. (5) Конечно, они непременно начали бы войну даже в том случае, если бы не нашли предлога, однако называли следующие поводы для недовольства. Мена, все еще находившийся тогда в Сардинии, как будто он был претором, навлек на себя подозрения Секста, так как выпустил Гелена и находился в контакте с Цезарем; кроме того, в некоторой мере он был оклеветан людьми его собственного сословия, завидовавшими его власти. (6) Поэтому Секст вызвал его под предлогом того, что он должен дать отчет о зерне и деньгах из порученной ему провинции. Но вместо того, чтобы повиноваться, Мена захватил и убил людей, посланных к нему с этим поручением, и, заключив соглашение с Цезарем, отдал ему остров, флот вместе с армией и подчинился сам. (7) Цезарь, со своей стороны, был рад видеть его, поскольку Мена заявлял, что Секст предоставляет кров беглецам вопреки соглашению, строит триремы и держит гарнизоны в Италии; и мало того, что Цезарь защищал Мену от гнева Секста, но даже пошел дальше и оказал ему большие почести, подарил золотые кольца, и зачислил его в сословие всадников. (8) История золотых колец следующая. Из древних римлян никому, кроме сенаторов и всадников, не позволялось носить золотые кольца: не только тем, кто когда-то был рабом, но даже тем, кто был свободным; (9) именно по этой причине их дают тем вольноотпущенникам, которых выбирает правитель (даже если эти люди уже носят золото другими способами), как почетный знак, указывающий, что они превосходят статус вольноотпущенника и имеют право стать всадниками.

46. Но довольно об этом. Секст обвинял Цезаря не только в предоставлении покровительства Мене, но и по другим причинам: Ахайя была разорена, согласованные сроки не выполнялись ни в отношении него, ни в отношении восстановленных изгнанников, и поэтому он послал в Италию Менекрата, другого своего вольноотпущенника, с приказом разорить Вольтурн и другие части Кампании. (2) Когда Цезарь узнал это, то забрал у дев-весталок документы, содержащие соглашение, и вызвал Антония и Лепида. Лепид не ответил на вызов, а что касается Антония, то, хотя он и прибыл в Брундизий (поскольку все еще находился в Греции), (3) но прежде, чем мог встретиться с Цезарем, который был в Этрурии, встревожился из-за того, что волк забежал в его штаб и загрыз некоторых солдат, и поэтому отплыл назад в Грецию, оправдываясь безотлагательностью парфянских дел. (4) Цезарь, хотя и был твердо убежден в том, что

STATIO ANTIQVITATIS

Антоний специально оставил его один на один с трудностями войны, однако не выказал открыто никакого гнева. Но Секст, со своей стороны, стал повсюду рассказывать о том, что Антоний не одобряет поведение Цезаря, и еще более рьяно принялся за свои дела. В итоге, он напал на Италию, высадился в различных местах, причинил много ущерба, но и сам сильно пострадал. (5) Тем временем у Кум произошло морское сражение между Менекратом и Кальвизием Сабином, в котором Цезарь потерял много кораблей, так как сражался против опытных моряков; но Менекрат из ревности напал на Мену и погиб, таким образом сделав потери Секста столь же большими. (6) По этой причине Секст не притязал на победу, а Цезарь утешился в своем поражении. 47. Тогда Цезарь находился в Регии, и сторонники Секста, опасавшиеся, что он переправится в Сицилию, а также несколько приунывшие из-за смерти Менекрата, отплыли от Кум. (2) Сабин без труда преследовал их до Скиллея, италийского мыса, но когда он проплывал мимо мыса, сильный ветер настиг его, разбивая суда о мыс, топя другие в море, и рассеивая все остальные. (3) Когда Секст узнал об этом бедствии, он послал свой флот против них, поручив командование Аполлофану. Этот командующий обнаружил Цезаря, так как тот плавал вдоль берега, намереваясь переплыть на Сицилию вместе с Сабином, и напал на него. Цезарь собрал свои суда и поставил их на якорь, выстроил тяжеловооруженных солдат на палубах и сначала доблестно отбивался от противника, (4) ибо суда стояли носами к противнику и не подставлялись для нападения, но, будучи более тяжелыми и высокими, наносили больший ущерб тем, которые приближались к ним, а его тяжеловооруженные солдаты, вступив в непосредственное столкновение с врагом, намного превосходили противников. (5) Тогда Аполлофан, табаня, стал передавать раненых и уставших на другие суда, предназначенные для этой цели, и брал на борт свежих людей; он также совершал постоянные нападения и использовал горящие снаряды, так что Цезарь был наконец разбит, бежал к земле и встал на якорь. (6) Но даже тогда враг продолжал его теснить, и сторонники Цезаря неожиданно отбросили якоря и отплыли, чтобы противостоять врагу. Только это, а также наступление ночи, прекратившее боевые действия, помешало Аполлофану сжечь часть судов Цезаря и взять на абордаж остальные.

48. На следующий день после этих событий внезапная буря налетела на Цезаря и Сабина, стоявших на якоре вместе, и в сравнении с ней их предыдущие неудачи показались пустяками. Флот Сабина пострадал меньше, (2) так как Мена, старый морской волк, предвидел шторм и немедленно направил свои суда в открытое море и там поставил их на якорь — на расстоянии друг от друга и на ослабленных линях, так, чтобы лини не натягивались и не рвались, и приказал грести прямо против ветра; таким образом ни один канат не был натянут, и корабль оставался на одном месте, с помощью весел преодолевая то расстояние, на которое его отбрасывал ветер. (3) Но другие командующие, накануне участвовавшие в тяжелом сражении и пока еще пока еще недостаточно знакомые с мореплаванием, были выброшены на берег и потеряли много судов. Ночь, которая прежде оказала им самую большую помощь, была теперь главной причиной бедствия, поскольку всю ночь ветер дул долго и яростно, срывал суда с якорей и разбивал их о камни. (4) Это был их конец; моряки и легионеры бесславно погибали, так как ничего не могли разглядеть в темноте и расслышать из-за шума и эха, тем более, что ветер уносил другие звуки. (5) Из-за этого бедствия Цезарь окончательно отчаялся в высадке на Сицилии и удовлетворился тем, что охранял побережье материка; но Секст еще более возликовал, поверил в то, что является сыном Нептуна, и носил лазоревые одежды, и живыми бросал в пролив не только лошадей, но также, как говорят некоторые, и людей. (6) Сам он грабил Италию, а Аполлофана послал в Африку. Аполлофана преследовал Мена, который настиг его и нанес небольшой ущерб. И когда жители островов у побережья Сицилии продолжили переходить на сторону Секста, Цезарь помешал липарцам, переселив их с острова в Кампанию и принудив их жить в Неаполе, пока война будет продолжиться. 49. Тем временем он продолжал строить суда почти по всей Италии и собирать рабов для использования в качестве гребцов, сначала забирая их у друзей, которые, как

STATIO ANTIQVITATIS

предполагалось, давали охотно, а затем у остальных: у сенаторов, всадников и зажиточных плебеев. Он также создавал тяжеловооруженные отряды и собирал деньги со всех граждан, с союзников и покоренных племен, и в Италии и за ее пределами.

(2) Этот год и следующий он провел, занимаясь строительством судов и сбором и обучением гребцов. Он лично контролировал и управлял всем этим делом, как и другими вопросами в Италии и в Галлии, где началось небольшое восстание, но оборудование флота поручил Агриппе. (3) Цезарь послал за войском Агриппы, сражавшимся с повстанцами в Галлии, где тот стал вторым из римлян, переправившимся через Рейн для ведения войны, и, наградив Агриппу триумфом, поручил ему закончить создание флота и обучение людей. (4) Агриппа, ставший консулом вместе с Луцием Галлом, не праздновал триумф, считая позорным для себя торжествовать, когда Цезарь переживал неудачи, но с большим энтузиазмом принялся за работу. По всему побережью Италии строились суда. Но так как не была найдена бухта, где можно было бы безопасно бросить якорь, ибо большая часть побережья Италии даже в то время была лишена гаваней, он задумал и выполнил великолепное предприятие, которое далее я опишу подробно, так как оно связано с современным положением дел…

54. В то же самое время Антоний возвратился в Италию из Сирии. Он объяснял это тем, что из-за неудач Цезаря намеревался взять на себя часть бремени войны с Секстом. Однако он не остался со своим коллегой; (2) приехав скорее для того, чтобы разузнать о его действиях, чем для того, чтобы что-то совершить, он дал ему несколько кораблей и обещал прислать другие, взамен чего получил тяжеловооруженные отряды и отбыл, заявляя, что собирается начать кампанию против парфян. (3) Перед его отъездом Антоний и Цезарь предъявили друг другу взаимные обиды, сначала через друзей, а затем лично; и так как пока им было недосуг воевать друг с другом, они примирились, в основном с помощью Октавии. (4) И чтобы быть еще теснее связанными родственными узами, Цезарь обручил свою дочь с Антиллом, сыном Антония, а Антоний обручил свою дочь от Октавии с Домицием, хотя он был одним из убийц Цезаря и одним из проскрибированных. (5) Эти соглашения были лишь притворством с обеих сторон, поскольку стороны не собирались выполнять их, а лишь играли роль в соответствии с требованиями момента. Антоний уже с Коркиры отослал Октавию в Италию, чтобы, как он заявил, она не разделяла с ним опасности войны против парфян. (6) Тем не менее, они тогда заключили эти соглашения, одновременно лишив Секста полагавшегося ему консульства и исключив его из жреческой коллегии, и продлили собственную власть еще на пять лет, так как первый срок истек. После этого Антоний поспешил в Сирию, а Цезарь начал войну. (7) Почти все шло так, как он желал, но Мена, ненадежный и всегда поддерживавший более сильную сторону, а кроме того, раздраженный тем, что не получил никакого командования, а был подчинен Сабину, вновь перебежал к Сексту.

Вопросы по тексту источника:

1. Перечислите основные события кампании Октавиана против Секста Помпея, названные Дионом Кассием.
2. Каковы причины разногласий и конфликтов среди триумвиров?
3. Как можно оценить роль армии в рассматриваемых событиях? Какими способами военачальники пытались заручиться поддержкой военных кругов?

2.4. Битва при мысе Акций. Завершающие сражения гражданских войн.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Антоний. Пер. С.П. Маркиша.

STATIO ANTIQVITATIS

60. Когда Цезарь счел свои приготовления достаточными, было постановлено начать войну против Клеопатры и лишить Антония полномочий, которые он уступил и передал женщине. К этому Цезарь прибавил, что Антоний отравлен ядовитыми зельями и уже не владеет ни чувствами, ни рассудком, и что войну поведут евнух Мардион, Потин, рабыня Клеопатры Ирада, убирающая волосы своей госпоже, и Хармион – вот кто вершит важнейшими делами правления.

Войне, как сообщают, предшествовали следующие знамения. Выведенная Антонием колония Пизавр на берегу Адриатического моря была проглочена пучиной во время землетрясения. В Альбе с мраморной статуи Антония струился пот, и несколько дней подряд статуя не просыхала, как ее ни вытирали. Когда Антоний находился в Патрах, молния сожгла тамошний храм Геракла, а из «Битвы с гигантами» в Афинах порыв ветра вырвал изображение Диониса и забросил в театр. Между тем Антоний, как уже говорилось выше, происхождение свое возводил к Гераклу, а укладом жизни подражал Дионису и даже именовался «новым Дионисом». Та же буря, обрушившись на Афины, из многих гигантских статуй опрокинула только две – Эвмена и Аттала, которые, по надписям на цоколях, были известны под названием «Антониевых». Флагманское судно Клеопатры звалось «Антониада», и на нем случилось вот какого рода зловещее происшествие: ласточки свили под кормою гнездо, но прилетели другие ласточки, выгнали первых и убили птенцов.

61. Когда противники двинулись друг против друга, под начальством Антония находилось не менее пятисот боевых кораблей, – в том числе много судов с восемью и десятью рядами весел, украшенных пышно и богато, – сто тысяч пехоты и двенадцать тысяч конницы. На его стороне выступали подвластные цари Бокх Африканский, Тархондем – властитель Верхней Киликии, Архелай Каппадокийский, Филадельф Пафлагонский, Митридат Коммагенский и царь Фракии Садал. Это лишь те, что явились сами, а войска прислали Полемон, царь Понта, Малх, царь Аравии, и царь Иудейский Ирод, а также Аминт, царь Ликаонии и Галатии. Пришел вспомогательный отряд и от царя Мидийского. У Цезаря было двести пятьдесят судов, пехотинцев восемьдесят тысяч, а конницы примерно столько же, сколько у противника. Антоний правил землями от Евфрата и Армении до Ионийского моря и Иллирии, Цезарь – от Иллирии до Западного океана и от Океана до Тирренского и Сицилийского морей. Частью Африки, лежащею против Италии, Галлии и Испании, вплоть до Геракловых столпов, владел Цезарь, от Кирены до Эфиопии – Антоний.

62. Но Антоний уже до такой степени превратился в бабьего прихвостня, что, вопреки большому преимуществу на суше, желал решить войну победою на море – в угоду Клеопатре! А ведь он видел, что на судах не хватает людей и что начальники триер по всей и без того «многострадальной» Греции ловят путников на дорогах, погонщиков ослов, жнецов, безусых мальчишек, но даже и так не могут восполнить недостачу, и суда большею частью полупусты и потому тяжелы, неповоротливы на плаву! Напротив, Цезарь сосредоточил в Таренте и Брундизии флот, отличавшийся не хвастливою высотою или громадными размерами кораблей, но удобоуправляемостью, быстротой и безупречной оснащенностью каждого судна, и отправил к Антонию гонцов с требованием не терять времени даром, а немедленно выходить с боевыми силами в море. Он, Цезарь, готов предоставить вражескому флоту надлежащие якорные стоянки и гавани, а сам отступит от берега на день пути верхом, пока Антоний не закончит высадку и не разобьет лагерь. В ответ на этот хвастливый вызов Антоний, столь же хвастливо, предлагал Цезарю поединок, хотя был старше годами, а в случае отказа – сражение у Фарсала, там же, где некогда встретились войска Цезаря и Помпея. Опередив Антония, который стоял с флотом у Актия, – как раз против нынешнего Никополя, – Цезарь первым пересекает Ионийское море и захватывает местность в Эпире, называемую Торина, что означает «мешалка». Антоний был в тревоге – его сухопутные силы запаздывали, – но Клеопатра, смеясь, говорила: «Ничего страшного! Пусть себе сидит на мешалке!»

STATIO ANTIQVITATIS

63. Рано поутру враги двинулись вперед, и Антоний, опасаясь, как бы они не захватили его корабли, на которых не было воинов, вооружил для вида гребцов и расставил их на палубе, весла с обеих сторон распорядился поднять и закрепить и разместил суда, носом к противнику, в горле залива – так, словно бы они полностью снабжены гребцами и готовы к обороне. Цезарь вдался в обман и отступил. Затем с помощью искусно возведенных запруд Антоний лишил неприятеля воды, которой повсюду в тех краях немного, да и та, что есть, – нехороша на вкус. С Домицием, вопреки советам Клеопатры, Антоний обошелся великодушно и благородно. Когда тот, уже в жару, в лихорадке, бежал к Цезарю, Антоний, хотя и был раздосадован, отослал ему все его вещи, отпустил его друзей и рабов. Но Домиций вскоре умер, видимо, страдая от того, что его предательство и измена не остались в тайне. К Цезарю переметнулись также двое из царей – Дейотар и Аминт.

Убедившись, что флот ни в чем не имеет удачи и никуда не поспевает своевременно, Антоний, волей-неволей, снова обратил главные свои надежды на сухопутные силы. Их начальник, Канидий, пред лицом опасности тоже переменил свое прежнее мнение: теперь он советовал отправить Клеопатру обратно и, отступив во Фракию или в Македонию, дать сухопутное сражение, которое и определит исход всего дела. Царь гетов Диком, убеждал Антония Канидий, обещает сильную подмогу, и нет никакого позора в том, чтобы уступить море Цезарю, который приобрел навык в морских боях, отвоевывая у Помпея Сицилию, – гораздо хуже будет, если Антоний, не знающий себе равных в искусстве борьбы на суше, не воспользуется мощью и боевой готовностью столь многочисленной пехоты, но распределит всю эту силу по кораблям и, тем самым, растратит ее впустую. Однако ж верх взяла Клеопатра, настоявшая, чтобы войну решила битва на море. Она уже высматривала себе дорогу для бегства и думала не о том, где принесет больше всего пользы, способствуя победе, но откуда легче всего сможет ускользнуть в случае поражения.

Лагерь был соединен с якорной стоянкой длинными стенами, под защитою которых Антоний часто ходил, не страшась никакой опасности. Какой-то раб открыл Цезарю, что Антония можно захватить, когда он спускается к берегу этой дорогой, и Цезарь послал людей, чтобы его подкараулить. И дело чуть было не завершилось успехом, да только караульщики выскочили из засады раньше срока, и в руки им попался воин, который шел впереди Антония, сам же он, хотя и с трудом, но бежал.

64. Приняв решение дать морской бой, Антоний распорядился все египетские суда, кроме шестидесяти, сжечь, а лучшие и самые большие из своих – от триер до кораблей с десятью рядами весел – снабдил гребцами и разместил на палубах двадцать тысяч тяжелой пехоты и две тысячи лучников. Говорят, что один начальник когорты, весь иссеченный в бесчисленных сражениях под командою Антония, увидевши его, заплакал и промолвил: «Ах, император, ты больше не веришь этим шрамам и этому мечу и все упования свои возлагаешь на коварные бревна и доски! Пусть на море бьются египтяне и финикийцы, а нам дай землю, на которой мы привыкли стоять твердо, обеими ногами, и либо умирать, либо побеждать врага!» На это Антоний ничего не ответил и, только взглядом и движением руки призвав старого воина мужаться, прошел мимо. Он уже и сам не верил в успех, и когда кормчие хотели оставить паруса на берегу, приказал погрузить их на борт и взять с собой – под тем предлогом, что ни один из неприятелей не должен ускользнуть от погони.

65. В тот день и еще три дня сильный ветер и бурные волны не давали начать сражение, но на пятый день наступило затишье, море сделалось ровным, как зеркало, и противники наконец сошлись. Антоний и Попликола вели правое крыло, Целий – левое, серединою командовали Марк Октавий и Марк Инстей, Цезарь левое крыло поручил Агриппе, а себе оставил правое. Начальники сухопутных сил, со стороны Антония – Канидий, со стороны Цезаря – Тавр, выстроили своих подчиненных вдоль берега и ожидали исхода борьбы. Что касается самих императоров, то Антоний, объезжая на лодке свои корабли, призывал

STATIO ANTIQVITATIS

воинов сражаться уверенно, словно на суше, полагаясь на большую тяжесть судов, а кормчим наказывал, принимая удары вражеских таранов, удерживать суда на месте, так словно бы они стоят на якорях, и остерегаться сильного течения в горле залива. Цезарь еще до рассвета вышел из палатки и обходною дорогой направился к судам, и тут, как рассказывают, навстречу ему попался какой-то человек, который гнал осла. На вопрос, как его зовут, погонщик, узнавши Цезаря, отвечал: «Меня зовут Эвтих-Счастливец, а моего осла – Никон-Победитель». Вот почему впоследствии, воздвигая на этом месте трофей, украшенный носами вражеских судов, Цезарь поставил рядом бронзовое изображение осла с погонщиком.

Оглядев с борта триеры весь боевой порядок, Цезарь прибыл на правое крыло и изумился, увидев, как неподвижно стоит неприятель в узком проливе, – казалось, будто корабли бросили якоря. Довольно долго он был уверен, что так оно и есть, и потому удерживал своих примерно в восьми стадиях от противника. В шестом часу поднялся ветер с моря, и люди Антония, наскучив ожиданием и надеясь на высоту и громадные размеры своих судов, по их мнению – неодолимых, привели в движение левое крыло. Заметив это, Цезарь обрадовался и приказал правому крылу дать задний ход, чтобы еще дальше выманить врага из залива, а потом окружить его и своими отлично снаряженными судами ударить по кораблям, которые делала неуклюжими и неповоротливыми чрезмерная тяжесть и недостача в гребцах.

66. Наконец завязался ближний бой, но ни ударов тараном, ни пробоин не было, потому что грузные корабли Антония не могли набрать разгон, от которого главным образом и зависит сила тарана, а суда Цезаря не только избегали лобовых столкновений, страшась непробиваемой медной обшивки носа, но не решались бить и в борта, ибо таран разламывался в куски, натыкаясь на толстые, четырехгранные балки кузова, связанные железными скобами. Борьба походила на сухопутный бой или, говоря точнее, на бой у крепостных стен. Три, а не то и четыре судна разом налетали на один неприятельский корабль, и в дело шли осадные навесы, метательные копья, рогатины и огнеметы, а с кораблей Антония даже стреляли из катапульт, установленных в деревянных башнях. Когда Агриппа принялся растягивать свое крыло с расчетом зайти врагу в тыл, Попликола был вынужден повторить его движение и оторвался от средины, где тут же возникло замешательство, которым воспользовался для нападения Аррунтий. Битва сделалась всеобщей, однако исход ее еще далеко не определился, как вдруг, у всех на виду, шестьдесят кораблей Клеопатры подняли паруса к отплытию и обратились в бегство, прокладывая себе путь сквозь гущу сражающихся, а так как они были размещены позади больших судов, то теперь, прорываясь через их строй, сеяли смятение. А враги только дивились, видя, как они, с попутным ветром, уходят к Пелопоннесу.

Вот когда Антоний яснее всего обнаружил, что не владеет ни разумом полководца, ни разумом мужа, и вообще не владеет собственным разумом, но – если вспомнить чью-то шутку, что душа влюбленного живет в чужом теле, – словно бы сросся с этою женщиной и должен следовать за нею везде и повсюду. Стоило ему заметить, что корабль Клеопатры уплывает, как он забыл обо всем на свете, предал и бросил на произвол судьбы людей, которые за него сражались и умирали, и, перейдя на пентеру, в сопровождении лишь сирийца Алекса и Сцеллия, погнался за тою, что уже погибла сама и вместе с собой готовилась сгубить и его.

67. Узнавши Антония, Клеопатра приказала поднять сигнал на своем корабле. Пентера подошла к нему вплотную, и Антония приняли на борт, но Клеопатру он не видел, и сам не показался ей на глаза. В полном одиночестве он сел на носу и молчал, охватив голову руками. Тут появились либурны Цезаря. Антоний велел повернуть судно носом к врагу и отогнал преследователей, только лаконец Эврикл неукротимо рвался вперед, потрясая копьем и стараясь попасть в Антония с палубы своего суденышка. Тогда Антоний выпрямился на носу во весь рост и спросил: «Кто это там так упорно гонится за Антонием?» – «Я, сын Лахара Эврикл, которому счастье Цезаря доставило случай

STATIO ANTIQVITATIS

отомстить за смерть отца!» – последовал ответ. Этот Лахар был обвинен в морском разбое и, по приговору Антония, обезглавлен. Впрочем, корабль Антония Эврикл оставил в покое и, напавши на другое флагманское судно (всего их было два), таранил его, лишил управления и, зайдя с борта, взял в плен вместе с еще одним судном, на котором везли драгоценную столовую посуду.

Когда Эврикл отстал, Антоний снова застыл в прежней позе и так провел на носу три дня один, то ли гневаясь на Клеопатру, то ли стыдясь ее. На четвертый день причалили у Тенара, и здесь женщины из свиты царицы сперва свели их для разговора, а потом убедили разделить стол и постель.

Туда же, к Тенару, уже собирались в немалом числе грузовые суда, начали прибывать и друзья, спасшиеся после поражения: они сообщали, что флот погиб, но сухопутные силы, по их мнению, еще держались. Антоний отправил к Канидию гонца с приказом, не теряя времени, отступать через Македонию в Азию, а сам, собираясь переправиться в Африку, выбрал один корабль с большим грузом денег и драгоценной, серебряной и золотой утвари из царских кладовых и передал друзьям, чтобы они разделили всё между собою и не думали больше ни о чем, кроме собственного спасения. Друзья не соглашались и плакали, но он ласково и мягко уговорил их подчиниться и они уехали, увозя письмо Антония, в котором он наказывал Феофилу, своему, управляющему в Коринфе, предоставить им безопасное убежище до той поры, пока они не вымолят прощение у Цезаря. Этот Феофил приходился отцом Гиппарху, который занимал самое высокое положение среди приближенных Антония и, однако, первым из вольноотпущенников перебежал на сторону Цезаря; впоследствии он жил в Коринфе.

68. Но расстанемся на время с Антонием. Флот при Актии долго сопротивлялся и, несмотря на тяжелые повреждения, которые наносили судам высокие встречные валы, прекратил борьбу лишь в десятом часу. Убитых насчитали не более пяти тысяч, зато в плен взято было триста судов, как рассказывает сам Цезарь. Немногие видели бегство Антония собственными глазами, а те, кто об этом узнавал, сперва не желали верить – им представлялось невероятным, чтобы он мог бросить девятнадцать нетронутых легионов и двенадцать тысяч конницы, он, столько раз испытавший на себе и милость и немилость судьбы и в бесчисленных битвах и походах узнавший капризную переменчивость военного счастья. Воины тосковали по Антонию и всё надеялись, что он внезапно появится, и выказали при этом столько верности и мужества, что даже после того, как бегство их полководца не вызывало уже ни малейших сомнений, целых семь дней не покидали своего лагеря, отвергая все предложения, какие ни делал им Цезарь. Но в конце концов однажды ночью скрылся и Канидий, и, оставшись совсем одни, преданные своими начальниками, они перешли на сторону победителя.

После этого Цезарь поплыл в Афины, примирился с греками и разделил остатки сделанных для войны хлебных запасов между городами, которые терпели жесточайшую нужду – ограбленные, лишившиеся всех своих денег, скота и рабов. Мой прадед Никарх рассказывал, что всех граждан Херонеи заставили на собственных плечах перенести к морю близ Антикиры сколько-то пшеницы, да еще подгоняли их при этом плетьми, а когда они вернулись, им отмерили еще столько же и уже готовы были взвалить им на плечи, когда пришла весть о поражении Антония, и это спасло город: управители Антония и солдаты тут же бежали, и хлеб граждане поделили между собою.

69. Высадившись в Африке, Антоний отправил Клеопатру из Паретония в Египет, а сам бродил с места на место в подавленности и глубоком уединении, которое с ним разделяли лишь двое друзей – греческий оратор Аристократ и римлянин Луцилий. (Об этом последнем мы уже рассказывали в другом месте: при Филиппах, чтобы помочь Бруту бежать, он выдал себя за него и отдался в руки преследователей, а потом был помилован Антонием и, в благодарность, оставался непоколебимо верен ему вплоть до последнего мига). Когда же полководец, которому он поручил свои силы в Африке, сам склонил это войско к измене, Антоний хотел покончить с собой, но друзья помешали ему и увезли в

STATIO ANTIQVITATIS

Александрию, где он встретился с Клеопатрою, занятой большим и отчаянно смелым начинанием. В этом месте, где перешеек, отделяющий Красное море от Египетского и считающийся границею между Азией и Африкой, всего сильнее стиснут обоими морями и уже всего – не более трехсот стадиев, – в этом самом месте царица задумала перетащить суда волоком, нагрузить их сокровищами и войсками и выйти в Аравийский залив, чтобы, спасшись от рабства и войны, искать нового отечества в дальних краях. Но первые же суда сожгли на суше, во время перевозки, петрейские арабы, а вдобавок Антоний выражал надежду, что сухопутные силы при Актии еще держатся, и Клеопатра отказалась от своего замысла и выставила сильные сторожевые отряды на главных подходах к Египту.

Антоний между тем покинул город, расстался с друзьями и устроил себе жилище среди волн, протянувши от Фароса в море длинную дамбу. Там он проводил свои дни, беглецом от людей, говоря, что избрал за образец жизнь Тимона, ибо судьбы их сходны: ведь и ему, Антонию, друзья отплатили несправедливостью и неблагодарностью, и ни единому человеку он больше не верит, но ко всем испытывает отвращение и ненависть…

71. С сообщением о потере войска, стоявшего при Актии, к Антонию прибыл сам Канидий. Одновременно Антоний узнал, что Ирод, царь Иудейский с несколькими легионами и когортами перешел к Цезарю, что примеру этому следуют и остальные властители и что кроме Египта за ним уже ничего не остается. Но ни одна из этих вестей нимало его не опечалила, напротив – словно радуясь, отрекся он от всякой надежды, чтобы вместе положить конец и заботам, бросил свое морское пристанище, которое называл Тимоновым храмом, и, принятый Клеопатрою в царском дворце, принялся увеселять город нескончаемыми пирами, попойками и денежными раздачами. Сына Клеопатры и Цезаря он записал в эфебы, а своего сына от Фульвии, Антулла одел в мужскую тогу без каймы, и по этому случаю вся Александрия много дней подряд пьянствовала, гуляла, веселилась. Вместе с Клеопатрой они распустили прежний «Союз неподражаемых» и составили новый, ничуть не уступавший первому в роскоши и расточительности, и назвали его «Союзом смертников». В него записывались друзья, решившиеся умереть вместе с ними, а пока жизнь их обернулась чередою радостных празднеств, которые они задавали по очереди. Тем временем Клеопатра собирала всевозможные смертоносные зелья и, желая узнать, насколько безболезненно каждое из них, испытывала на преступниках, содержавшихся под стражею в ожидании казни. Убедившись, что сильные яды приносят смерть в муках, а более слабые не обладают желательною быстротою действия, она принялась за опыты над животными, которых стравливали или же напускали одно на другое в ее присутствии. Этим она тоже занимались изо дня в день и, наконец, пришла к выводу, что, пожалуй, лишь укус аспида вызывает схожее с дремотою забытье и оцепенение, без стонов и судорог: на лице выступает легкий пот, чувства притупляются, и человек мало-помалу слабеет, с недовольством отклоняя всякую попытку расшевелить его и поднять, словно бы спящий глубоким сном.

72. Вместе с тем они отправили к Цезарю в Азию послов. Клеопатра просила передать власть над Египтом ее детям, а Антоний – разрешить ему провести остаток своих дней если не в Египте, то хотя бы в Афинах, частным лицом. По недостатку в друзьях и по недоверию к ним – ведь кто только не перебежал на сторону врага! – послом был отправлен Эвфроний, учитель детей царицы. В самом деле, когда Алекс из Лаодикии, который познакомился с Антонием в Риме через Тимагена и пользовался у него таким влиянием, как ни один из греков, а впоследствии был сильнейшим орудием в руках Клеопатры и с успехом подавлял в душе Антония все остатки его добрых чувств к Октавии, – когда, повторяю, этот Алекс поехал по поручению Антония к царю Ироду, чтобы удержать его от измены, он там и остался и затем, полагаясь на Ирода, дерзнул еще явиться на глаза Цезарю. Но заступничество Ирода не помогло – его тут же схватили, в оковах отвезли в Лаодикию и там, исполняя приказ Цезаря, казнили. Так еще при жизни Антония поплатился Алекс за свое вероломство.

STATIO ANTIQVITATIS

73. Просьбу Антония Цезарь отверг, а Клеопатре отвечал, что ей будет оказано полное снисхождение при одном условии – если она умертвит или изгонит Антония. Этот ответ повез в Александрию один из вольноотпущенников Цезаря, Фирс, человек весьма смышленый и сумевший самым убедительным образом говорить от имени молодого императора с надменною и непомерно гордившейся своей красотою женщиной. Клеопатра проявляла к нему особое уважение и беседовала с ним дольше и охотнее, нежели с остальными; это внушило Антонию подозрения, и он высек Фирса плетьми, а затем отпустил назад, к Цезарю, написав, что несчастья сделали его вспыльчивым и раздражительным, а Фирс держал себя слишком заносчиво и высокомерно. «Впрочем, – прибавлял он, – если ты сочтешь это оскорблением, то у тебя мой отпущенник Гиппарх – высеки его как следует, и мы будем квиты». Желая рассеять его подозрения, Клеопатра после этого случая ухаживала за ним с удвоенным усердием. Собственный день рождения она справила скромно и сообразно обстоятельствам, но в день рождения Антония задала празднество такое блестящее и пышное, что многие из приглашенных, явившись на пир бедняками, ушли богатыми.

Между тем Агриппа посылал Цезарю письмо за письмом, сообщая, что положение дел в Риме требует его присутствия. 74. Поход был отложен. Но когда зима миновала, Цезарь снова двинулся на Египет через Сирию, а его полководцы – через Африку. После взятия Пелусия распространился слух, что Селевк впустил неприятеля в город не без согласия Клеопатры. Но Клеопатра выдала Антонию на казнь жену и детей изменника, а сама приказала перенести все наиболее ценное из царской сокровищницы – золото, серебро, смарагды, жемчуг, черное дерево, слоновую кость, корицу – к себе в усыпальницу; это было высокое и великолепное здание, которое она уже давно воздвигла близ храма Исиды. Там же навалили груду пакли и смолистой лучины, так что Цезарь, испугавшись, как бы эта женщина в порыве отчаяния не сожгла и не уничтожила такое громадное богатство, все время, пока подвигался с войском к Александрии, посылал ей гонцов с дружелюбными и обнадеживающими письмами.

Когда враги расположились наконец подле самого Конского ристалища, Антоний дал Цезарю бой, сражался с большим успехом и, обратив неприятельскую конницу в бегство, гнал ее до самого лагеря. Гордый победою, он возвратился во дворец, поцеловал, не снимая доспехов, Клеопатру и представил ей воина, отличившегося больше всех. Царица наградила его золотым панцирем и шлемом. А награжденный, захватив свою награду, в ту же ночь перебежал к Цезарю.

75. Снова Антоний послал Цезарю вызов на поединок. Тот отвечал, что Антонию открыто много дорог к смерти, и Антоний понял, что нет для него прекраснее кончины, нежели гибель в сражении, и решил напасть на противника и на суше и на море разом. Передают, что за обедом он велел рабам наливать ему полнее и накладывать куски получше, потому что, дескать, неизвестно, будут ли они потчевать его завтра или станут прислуживать новым господам, между тем как он ляжет трупом и обратится в ничто. Видя, что друзья его плачут, он сказал, что не поведет их за собою в эту битву, от которой ждет не спасения и победы, но славной смерти.

Около полуночи, как рассказывают, среди унылой тишины, в которую погрузили Александрию страх и напряженное ожидание грядущего, внезапно раздались стройные, согласные звуки всевозможных инструментов, ликующие крики толпы и громкий топот буйных, сатировских прыжков, словно двигалось шумное шествие в честь Диониса. Толпа, казалось, прошла чрез середину города к воротам, обращенным в сторону неприятеля, и здесь шум, достигнув наибольшей силы, смолк. Люди, пытавшиеся толковать удивительное знамение, высказывали догадку, что это покидал Антония тот бог, которому он в течение всей жизни подражал и старался уподобиться с особенным рвением.

76. С первыми лучами солнца Антоний расположил войско на холмах перед городом и стал наблюдать, как выходят навстречу врагу его корабли. В ожидании, что моряки

STATIO ANTIQVITATIS

проявят и доблесть, и упорство, он спокойно смотрел вниз. Но едва только сблизились они с неприятелем, как, подняв весла, приветствовали суда Цезаря и, получив ответное приветствие, смешались с ними, так что из двух флотов возник один, который поплыл прямо на город. Пока Антоний глядел на это зрелище, успела переметнуться и конница; а когда потерпела поражение пехота, Антоний возвратился в город, крича, что Клеопатра предала его в руки тех, с кем он воевал ради нее.

Полная ужаса пред его гневом и отчаянием, царица укрылась в своей усыпальнице и велела опустить подъемные двери с надежными засовами и замками. К Антонию она отправила своих людей, которые должны были известить его, что Клеопатра мертва. Антоний поверил и, обращаясь к самому себе, воскликнул: «Что же ты еще медлишь, Антоний? Ведь судьба отняла у тебя последний и единственный повод дорожить жизнью и цепляться за нее!» Он вошел в спальню, расстегнул и сбросил панцирь и продолжал так: «Ах, Клеопатра, не разлука с тобою меня сокрушает, ибо скоро я буду в том же месте, где ты, но как мог я, великий полководец, позволить женщине превзойти меня решимостью?!». У него был верный раб по имени Эрот, которого Антоний уже давно уговорил убить его, если придет нужда. Теперь он потребовал, чтобы Эрот исполнил свое слово. Раб взмахнул мечом, словно готовясь поразить хозяина, но, когда тот отвернул лицо, нанес смертельный удар себе и упал к ногам Антония. «Спасибо, Эрот, – промолвил Антоний, – за то, что учишь меня, как быть, раз уже сам не можешь исполнить, что требуется». С этими словами он вонзил меч себе в живот и опустился на кровать. Но рана оказалась недостаточно глубока, и потому, когда он лег, кровь остановилась. Антоний очнулся и принялся молить окружающих прикончить его, но все выбежали из спальни, и он кричал и корчился в муках, пока от Клеопатры не явился писец Диомед, которому царица велела доставить Антония к ней в усыпальницу.

77. Услыхав, что она жива, Антоний с жаром приказал слугам немедленно поднять его с ложа, и те на руках отнесли хозяина к дверям усыпальницы. Дверей, однако, Клеопатра не открыла, но, появившись в окне, спустила на землю веревки, которыми обмотали раненого, и царица еще с двумя женщинами – никого, кроме них она с собою внутрь не взяла – собственными руками втянула его наверх. Эти женщины – единственные свидетельницы происходившего – говорили, что невозможно представить себе зрелище жалостнее и горестнее. Залитого кровью, упорно борющегося со смертью, поднимали его на веревках, а он простирал руки к царице, беспомощно вися в воздухе, ибо нелегкое то было дело для женщин, и Клеопатра, с исказившимся от напряжения лицом, едва перехватывала снасть, вцепляясь в нее что было сил, под ободряющие крики тех, кто стоял внизу и разделял с нею ее мучительную тревогу.

Наконец Антоний очутился наверху, и, уложив его на постель и склонившись над ним, Клеопатра растерзала на себе одежду, била себя в грудь и раздирала ее ногтями, лицом отирала кровь с его раны и звала его своим господином, супругом и императором. Проникшись состраданием к его бедам, она почти что забыла о своих собственных. Утишив ее жалобы, Антоний попросил вина – то ли потому, что действительно хотел пить, то ли надеясь, что это ускорит его конец. Напившись, он увещал ее подумать о своем спасении и благополучии, если только при этом окажется возможным избежать позора, и среди друзей Цезаря советовал больше всего доверять Прокулею. А его, продолжал он, пусть не оплакивает из-за последних тяжких превратностей, пусть лучше полагает его счастливым из-за всего прекрасного, что выпало на его долю – ведь он был самым знаменитым человеком на свете, обладал величайшим в мире могуществом и даже проиграл свое дело не без славы, чтобы погибнуть смертью римлянина, побежденного римлянином.

78. Едва только Антоний испустил дух, как явился присланный Цезарем Прокулей. Случилось так, что когда раненого Антония понесли к Клеопатре, один из его телохранителей, Деркетей, подобрал меч Антония, тайком выскользнул из дому и побежал к Цезарю, чтобы первым сообщить о кончине Антония и показать окровавленное

STATIO ANTIQVITATIS

оружие. Услыхав эту весть, Цезарь ушел в глубину палатки и заплакал, горюя о человеке, который был его свойственником, соправителем и товарищем во многих делах и битвах. Потом, достав письма, он кликнул друзей и принялся им читать, чтобы они убедились, как дружелюбно и справедливо писал он и с какою грубостью, с каким высокомерием всегда отвечал Антоний. Затем он отправляет Прокулея с наказом употребить все средства к тому, чтобы взять Клеопатру живой: Цезарь и опасался за судьбу сокровищ, и считал, что, проведя Клеопатру в триумфальном шествии, намного увеличит блеск и славу своего триумфа. Встретиться с Прокулеем лицом к лицу Клеопатра не пожелала, однако между ними произошел разговор, во время которого Прокулей стоял снаружи у дверей, хотя и крепко запертых, но пропускавших голоса. Клеопатра просила оставить ее царство детям, а Прокулей убеждал ее не падать духом и во всем полагаться на Цезаря.
79. Внимательно осмотрев место кругом усыпальницы, Прокулей доложил Цезарю, и туда был отряжен Галл, чтобы продолжать переговоры. Он подошел к дверям, вступил в беседу и умышленно ее затягивал, а тем временем Прокулей, приставив лестницу, забрался внутрь через окно, в которое женщины до того втянули Антония. Не теряя ни мгновения, он вместе с двумя слугами помчался к дверям, где стояла Клеопатра, поглощенная разговором с Галлом. Одна из женщин, замкнувшихся с царицею в усыпальнице, воскликнула: «Клеопатра, несчастная, ты попалась! Клеопатра обернулась, увидела Прокулея и, выхватив пиратский кинжал, висевший у пояса, хотела убить себя. Но римлянин успел подбежать, стиснул ее обеими руками и сказал: „Клеопатра, ты несправедлива и к самой себе, и к Цезарю, лишая его случая во всем блеске выказать свою доброту и навлекая на милосерднейшего из полководцев ложное обвинение в вероломстве и жестокой непреклонности“. С этими словами он отобрал у египтянки оружие и резко отряхнул на ней платье, чтобы узнать, не спрятан ли где яд. Цезарь прислал еще своего вольноотпущенника Эпафродита, поручив ему зорко и неотступно караулить Клеопатру, чтобы она не лишила себя жизни, в остальном же обходиться с нею самым любезным образом и исполнять все ее желания…

Вопросы по тексту источника:

1. Восстановите, опираясь на сведения Плутарха, ход битве при мысе Акций.
2. Какова была роль Клеопатры VII в событиях после смерти Цезаря?

Луций Анней Флор. Эпитомы. Книга II. Пер. А.И. Немировского.

IV. 11. Ярость Антония, не нашедшая удовлетворения в честолюбии, иссякла в роскоши и похоти. После парфян он возненавидел оружие и предался покою. Плененный любовью к Клеопатре, он отдыхал на ее царской груди, словно после свершенных подвигов. (2) А египтянка в качестве платы за наслаждение требовала от опьяненного полководца Римскую империю. И Антоний обещал ей это, словно римлянин поддался бы ему легче, чем парфянин. (3) Отныне он начал стремиться к господству открыто, хотя и не для себя. Забыв родину, свое имя, тогу, фасцы, он вскоре полностью выродился в чудовище по духу, одежде и образу жизни. В руке — золотой скипетр, на боку — акинак, сам в пурпурном наряде, украшенном драгоценными камнями. Не хватало лишь диадемы, чтобы он наслаждался с царицей как царь. (4) При первом известии о происшедшем Цезарь переправился из Брундизия, чтобы принять меры против надвигавшейся войны и, став лагерем в Эпире, окружил своим готовым к нападению флотом мыс Авдий, остров Левку, горы Левкаты и горы Амбракийското залива. (5) У нас было более четырехсот кораблей, у врага — менее двухсот, но большей величины. Они имели от семи до девяти рядов гребцов и, увеличенные башнями и палубами, походили на плавающие крепости или города. Чтобы привести их в движение, стонало море и напрягался ветер. Но именно тяжесть и стала причиной их гибели. (6) Корабли Цезаря имели от двух до шести ярусов, не более. Лучше приспособленные ко всему: к нападению, к отходу, к любым

STATIO ANTIQVITATIS

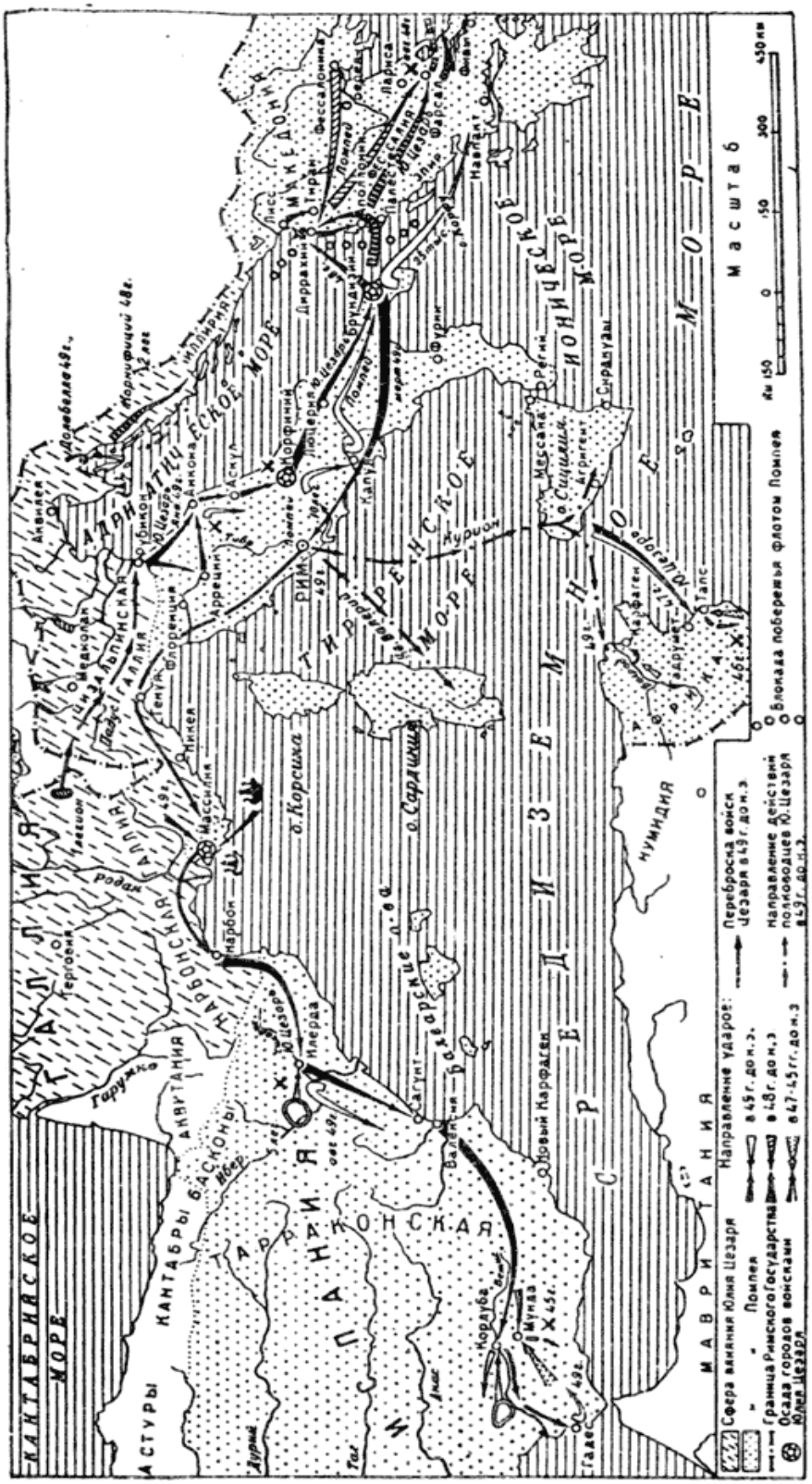
необходимым движениям, они нападали на отдельные корабли и разрушали их метательными орудиями и рострами одновременно, а также предназначенными для метания факелами. (7) Никогда не была так видна мощь вражеских сил, как после победы над ними, ибо по всему морю разметало обломки огромного флота. Доспехи арабов, сабеев и множества других племен Азии, покрытые пурпуром и золотом, то и дело выбрасывало бурное от ветра море. (8) Царица, став зачинщицей бегства, повернула в открытое море свой позолоченный корабль с пурпурным парусом. Антоний — за ней. Но Цезарь следовал по пятам. (9) Не помогли приготовления к бегству в океан, как и укрепление гарнизонами обеих оконечностей Египта Паретония и Пелузия. Вскоре оба наложили на себя рукй. Первым пронзил себя мечом Антоний. Царица бросилась в ноги Цезарю, пытаясь прельстить взор полководца. Напрасно! Целомудрие для принцепса было выше красоты. (10) Клеопатра заботилась не о сохранении жизни, которую он ей обещал, а о части царства. Отчаявшись получить его от Цезаря и видя, что он сохраняет ее для триумфа, Клеопатра удалилась без должной охраны в мавзолей — так называют царскую гробницу. (11) Здесь она, надев лучшую одежду, легла на облитое благовониями ложе рядом со своим Антонием и, поднеся к венам змей, погрузилась в смерть, как в сон.

Вопросы по тексту источника:

1. Сопоставьте образ Антония, представленный у Плутарха и у Луция Аннея Флора.
2. Изложите сведения приведенных источников о заключительной фазе гражданских войн после смерти Цезаря.

STATIO ANTIQVITATIS

Карта I. Гражданская война 49-45 гг. до н. э.



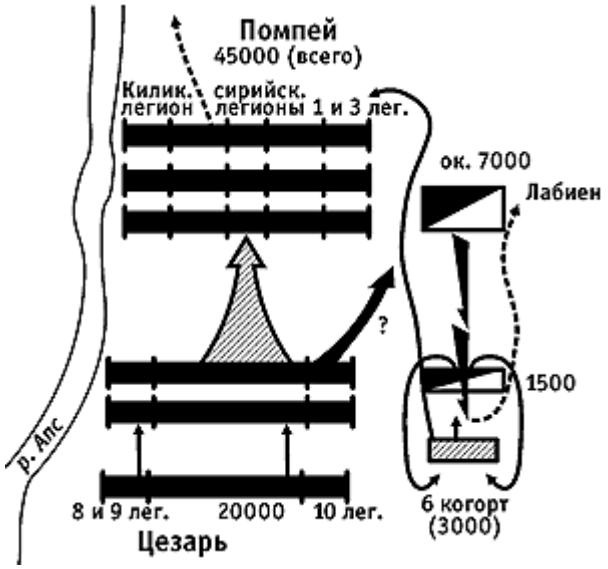
Гражданская война в Риме в 49—45 годах до н. э.

Задание по карте:

1. Найдите на карте места основных сражений гражданской войны 49-45 гг. до н.э.

STATIO ANTIQVITATIS

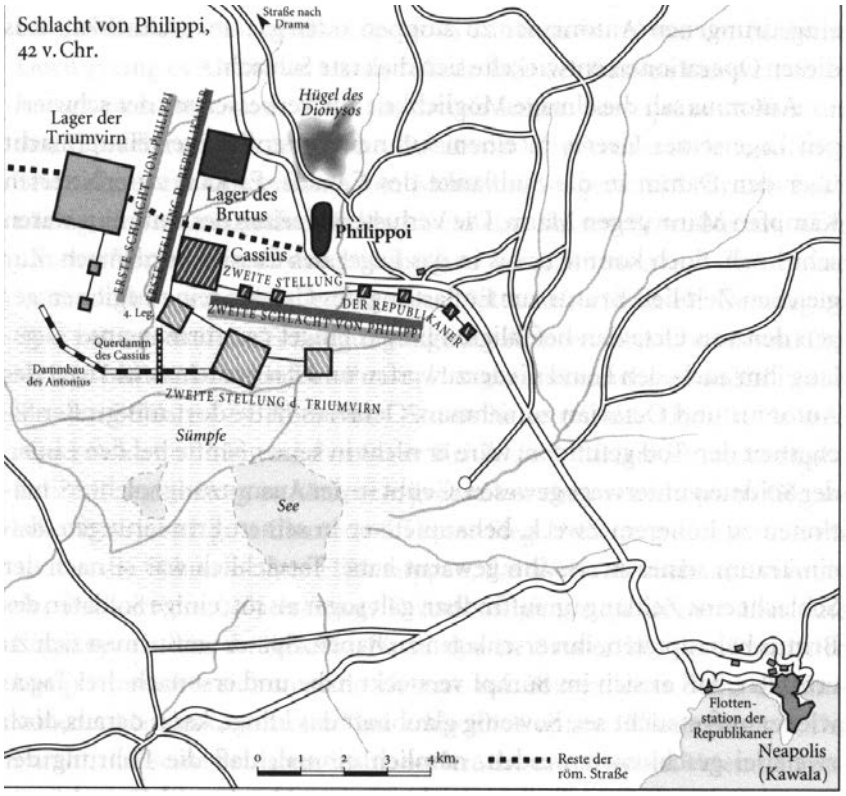
Карта II. Битва при Фарсале (48 г. до н.э.)



Задание по карте:

1. Воспроизведите, опираясь на карту, ход битвы при Фарсале в 48 г. до н.э.

Карта III. Схема боевых действий при Филиппах (42 г. до н.э.)



Задание по карте:

1. Опираясь на сведения древних авторов и реконструкцию битвы при Филиппах, предложенную немецким исследователем Й. Бляйкеном (Bleicken J. Augustus. Eine Biographie. Berlin, 1998. S. 163), расскажите о планах воюющих сторон и ходе данного сражения).

STATIO ANTIQVITATIS